

Глава IV

Памятники ранних кочевников: Саки, Савроматы, Усуни, Кангюи, Хунны, Сарматы.

Скифо-сакская проблема. Рубеж II - I и начало I тысячелетия до н.э. на просторах евразийской аридной зоны ознаменовались важным событием - становлением кочевых форм скотоводческого хозяйства и распространением металлургии железа.

Широкое распространение новых форм скотоводческого хозяйства произошел благодаря взаимодействию ряда факторов. Среди них исследователи называют изменения природно-климатических условий; совершенствование приемов ведения скотоводческого хозяйства; оформление видового состава стада, оптимально приспособленного к условиям аридной зоны. Это и новый уровень социальных отношений, связанный с возросшей имущественной и социальной дифференциацией, когда скот становится одной из форм накопления богатств, что создает стимул к увеличению стада расширение обмена. Произошло повсеместное распространение колесно-упряжного транспорта; дальнейшее развитие коневодства; появление строгих удили и использование лошади для верховой езды.

Период развития кочевых обществ с момента их становления и до раннего средневековья (до 5 в. н. э.) принято называть эпохой раннего железа или эпохой ранних кочевников (в отличие от эпохи поздних кочевников, охватывающей время с V в. н.э. до наших дней), выражает суть эпохальных процессов, происходивших на определенной территории, и характеризует продолжительный исторический период развития племенных и этнических образований с присущими им закономерностями. Исследователи кочевого скотоводства обращали внимание на сложность и неоднолинейность процесса генезиса и эволюции кочевничества.

Представляются интересными рассуждения крупного исследователя культуры саков С.И.Руденко, который ставил под сомнение массовый и быстрый процесс перехода от оседлой жизни к кочевой населения Евразии.

Чистые кочевники, которые находились в постоянном движении, были редким исключением, тогда как подавляющая часть скотоводов в той или иной степени была связана с оседлостью и земледелием, что определялось, по его мнению, географическими факторами. Интересно его замечание, что кочевание было своего рода привилегией "богатых и очень богатых скотоводов, имеющих большие стада скота и, прежде всего, овец и лошадей".

Переход в первых веках I тысячелетия до н. э. части населения к кочевому скотоводству и характеризовался формированием новых археологических культуры. При всем своеобразии каждой из них все они образуют некое единство, которое обусловлено рядом обстоятельств - это сходная среда обитания и соответственно одинаковый жизненный уклад, мобильность, способствующая установлению культурных контактов с

самыми отдаленными территориями, близкий уровень социально-экономического развития и, наконец, общая генетическая подоснова, восходящая к срубно-андроновскому пласту. Существующее между культурами сходство маркируется несколькими неравнозначными терминами: «скифо-сибирское единство», «скифо-сибирская общность» «скифский мир». Последний термин — «скифский мир» — наиболее нейтрален, а потому предпочтителен. В своих характерных чертах близость культур складывается в раннескифскую эпоху, но отдаленные истоки и корни этого явления можно видеть в культурных контактах и связях, которые существовали у древнейших скотоводов еще в бронзовом веке.

Именно в бронзовом веке в степях Евразии стал распространяться европеоидный антропологический тип населения, который господствует в культурах скифского времени. Наиболее ярко общность культур евразийских кочевников, расселившихся от Дуная до Монголии, проявилась в существовании у этих племен так называемой скифской триады, в состав которой входят близкие типы вооружения, конского снаряжения и своеобразное искусство скифо-сибирского звериного стиля. Однако общих черт в содержании кочевых культур скифо-сибирского мира значительно больше. Сюда могут быть отнесены скифские котлы, отчасти памятники монументального искусства — оленные камни, петроглифы, общие в ряде случаев приемы устройства могильных сооружений, детали погребального обряда.

Первая периодизация культур раннего железного века для Восточной Европы была разработана на основе скифских памятников Северного Причерноморья. В дальнейшем археологические культуры восточных кочевников соотносились уже со скифскими памятниками.

До недавнего времени общепринятой датой начала скифской культуры считалась вторая половина VII в. до н.э. Однако сейчас все чаще высказывается точка зрения о начальной дате скифского периода - это IX - VII вв. до н.

Для Казахстана и Средней Азии своеобразие сакской и савроматской культур определялось соседством и активным взаимодействием с оседло-земледельческим населением древних государств. Близость Ахеменидской державы, северные сатрапии которой частично охватывали и земли заселенные кочевым населением, Парфянского государства, в создании которого приняли участие кочевые племена даев, к тому же, давшие начало правящим династиям Парфии, наконец, участие в разгроме Греко-Бактрийского царства - все это не могло не отразиться на материальной и духовной культурах казахстанских племен. Кочевые и оседлые сообщества кочевников Казахстана и Средней Азии создавали единую экономическую, а нередко и политическую структуру, всецело зависели друг от друга и были заинтересованы друг в друге.

Саки и савроматы

Древние авторы о саках. В первом тысячелетии до н.э. территорию Казахстана заселяли племена, носившие собирательное имя «саки». Сакские племена были современниками скифов, обитавших в Северном Причерноморье и Приднепровье, и савроматов - в нижнем Поволжье и Южном Приуралье, современниками персов времени Кира и Дария I, греков эпохи Александра Македонского. В ахеменидских клинописных источниках сообщается о трех группах саков: саки-хаумаварга (саки, варящие напиток хаому), саки-тиграхауда (саки, носящие остроконечные шапки), саки-парадрайа (саки, которые за морем).

Для выяснения истории саков представляют интерес надписи царей Дария и Ксеркса, составленные на древнеперсидском, эламском и аккадском языках, а также свод книг зороастрийской религии древних иранцев «Авеста». Особое значение имеет пятый столбец Бехистунской надписи Дария I, надпись «а» из Накши-Рустема, тексты «е» из Персеполя и Суз того же Дария и так называемая «надпись о дэвах» Ксеркса.

Весьма ценны античные источники, преимущественно на греческом и латинском языках. Особо выделяется среди них труд Геродота. Наибольшее значение для истории Казахстана имеет четвертая книга, в которой собраны наиболее полные сведения о племенах Евразии. Ряд ценных данных по истории ахеменидского времени оставлен Ксенофонтom, Ктесием и позднейшими авторами Аррианом, Полиеном, Диодором, Полибием, Плинием, Помпеем Трогом, Птолемеом, Страбоном. Однако конкретная информация о саках, живших на территории Казахстана в них невелика и отрывочна.

В наиболее ранних древнеперсидских клинописных текстах племена, населявшие Казахстан, названы общим именем "Saka." Этот термин, в отличие от авестийского названия «туры», получил широкое распространение в иранских, греко-латинских, а затем и китайских источниках.

Геродот, как и большинство других греческих авторов, называл саков скифами, добавляя иногда термин «азиатские скифы». Но в греческих источниках есть и другие имена, не встречающиеся в ахеменидских клинописях: массагеты, савроматы, аргиппеи, аримаспы, асси, пасианы, сакарауки.

Вопрос о размещении вышеназванных племен по данным персидских и античных источников на современной карте Казахстана и Средней Азии окончательно не решен. До недавнего времени в локализации заморских саков существовало две точки зрения. Согласно первой, их следует размещать к востоку от приуралья - в низовьях рек Амударьи и Сырдарьи. Основанием для этого вопроса послужила предложенная реконструкция второй половины пятого столбца Бехистунской надписи, в которой идет речь о маршруте похода Дария I на саков. На основе сопоставления

восстановленной части текста из Бехистуна, затем Накши-Рустемской и Персепольской надписей со сведениями античных источников, сделано предположение о соответствии заморских саков и саков, «которые за Согдом» массагетам, даям, каспиям.

Была высказана и другая точка зрения, согласно которой под саками-парадрайя следует понимать европейских скифов, населявших территорию Причерноморья.

Походы ахеменидских царей Дария и его предшественника Кира II в страну саков и массагетов принадлежат к числу исторически установленных фактов. Геродот, подробно рассказывающий об этих событиях, помещает земли массагетов к востоку от Каспийского моря «по направлению к восходу солнца за рекой Араксом». Маршруты походов Кира и Дария спорны. Одни ученые считают, что Дарий, повторив маршрут своего предшественника, встретился с саками за Амударьей у Аральского моря, другие же полагают, что Кир сражался с массагетами за р. Узбоем (западный ныне высохший приток Амударьи), а Дарий переправился на землю саков в среднем течении Амударьи. Ясно одно, независимо от расхождений в мнениях, оба похода были направлены против племен саков и массагетов. Географически - это регион восточного Прикаспия и Приаралья от Узбоя до р. Сырдарьи включительно. Массагетский союз объединял, вероятно, и такие племена, как дербики, абии, апасиаки.

Существует также мнение, что саки-тиграауда локализуются в Шаше, на Тянь-Шане и в Семиречье -Жетысу.

Севернее массагетов, по словам Страбона, «выше Меотиды» расселялись племена даев. Античные авторы помещают их на землях, принадлежавших, как писал ранее Геродот, массагетам. Все это говорит о том, что даи (дахи) первоначально занимали область севернее массагетов, либо входили в конфедерацию последних. Около середины III в. до н.э. даи появляются в юго-восточном Прикаспии, на границах Парфии, занимая на исторической арене место массагетов.

В древнеперсидских клинописных текстах ничего не говорится о племенах и народах, живших севернее саков. Лишь в Авесте упоминается имя сайрима. Более подробная информация содержится в древнегреческих источниках, в которых говорится о савроматах, племени, которое можно сопоставить с сайрима.

Однако, «савроматы», так же, как термины «саки», «скифы», позднее «тюрки», нередко употреблялись авторами в двух значениях: в качестве собственного имени племени и как термин, объединяющий большую группу родственных по языку и культуре племен.

Одним из таких племен савроматского объединения были аорсы, имя которых позднее, во II в. до н.э. стало известно греко-римским авторам. Вероятнее всего, они происходят из Южного Приуралья и прилегающих северо-западных областей территории Казахстана.

За савроматами, по Геродоту, обитали будины, а к северу от них - фиссагеты и иирки. Далее упоминается племя гиппеев.

Племена исседонов Геродот помещает к востоку от агриппеев. По рассказам исседонов, сообщает Геродот, выше них живут племена аримаспов и «стерегущих золото грифов». Племена аримаспов и грифов связывают с северо-востоком Казахстана, где находились крупнейшие для того времени золотые рудники. Можно предположить, что исседоны находились в степях Центрального Казахстана.

В VIII-IV вв. до н.э. этническая и политическая карта Евразии отличалась большой пестротой. В это время складывались относительно устойчивые экономические, политические и культурные связи между близкими и отдаленными племенами, народами, государствами, нередко происходили и военные столкновения. У племен, населявших территорию Казахстана, такие, взаимосвязи и контакты существовали с населением Средней Азии, Алтая, Сибири, Северной Монголии и Китая.

Савроматские племена запада соседствовали со скифами Причерноморья, торговали с ними, заключали военные союзы или вступали в вооруженные конфликты. На юге саки и савроматы еще в доахеменидское время были связаны с такими государственными образованиями, как «Большой Хорезм» и «Бактрийское царство», Ассирия и Мидия, а с середины VI в. до н.э. - Персия. Так, Кир заключил союз с саками и прибегал к их помощи во время войны с лидийским царем Крезом. Не удовлетворившись союзом, Кир решил покорить саков и массагетов. Завоевательные походы персов встретили ожесточенное сопротивление, поход Кира потерпел полную неудачу.

Завоевательные походы Кира в Средней Азии продолжал Дарий I. Ему удалось на время подчинить отдельные сакские племена, в том числе саков-хаумаварга и каспиев. Эти племена вошли в состав XV сатрапии империи Ахеменидов. Саки служили в войсках Ахеменидов. Часть их входила даже в личную гвардию персидского царя.

В конце VI - начале V вв. до н.э. на древнем Востоке назревали крупные политические события, связанные с началом греко-персидских войн. Отдельные сакские племена участвовали в этих войнах на стороне персов, в качестве союзников и наемников. В битве при Гавгамелах, например, участвовала легкая сакская конница.

В 30-е гг. IV в. до н.э. греко-македоняне под предводительством Александра Македонского разбили армию последнего Ахеменида, Дария III Кодомана, и вторглись в Среднюю Азию.

Вторжение греков встретило упорное сопротивление племен и народностей Средней Азии. В борьбе против войск Александра Македонского активно участвовали племена, населявшие в то время южные районы Казахстана, в частности, массагеты. При попытке Александра Македонского с войсками переправиться через Сырдарью, закончилась неудачей - он был ранен сакской стрелой. Только после почти трехлетней ожесточенной борьбы греко-македонянам удалось на время подчинить народности Средней Азии. Сакские же племена, жившие за Сырдарьей, сохранили свою независимость.

Памятники Восточного Казахстана

Большинство памятников эпохи раннего железа расположено в долине главной водной артерии Восточного Казахстана - р. Иртыш. Курганные могильники сосредоточены на северных и южных склонах Калбинского хребта, а далее тянутся на юго-запад до Чингизтау и западных районов Тарбагатая. На юге они распространены в Зайсанской котловине. В восточных горных районах разбросаны по берегам рек Нарыма, Бухтармы и многочисленным притокам последней, смыкаясь с памятниками районов Горного Алтая.

Самые большие «царские курганы» сосредоточены в Чиликтинской долине и в горах Южного Алтая на берегу р. Бухтармы. В горных районах Восточного Казахстана, богатых выходами дикого камня, большинство курганов имеет каменные насыпи (Берель, Катон, Майэмир). В долинах верхнего Прииртышья насыпи сооружались из земли с примесью гальки, но в погребальных сооружениях почти всегда использовался камень. В равнинных районах среднего Иртыша, примыкающих к Кулундинской степи, курганы возводились из земли (Жолкудук, Чернореченск, Иртышское, Боброво, Леонтьевка).

Полезные ископаемые Восточного Казахстана разрабатывались и в раннежелезный век. Полиметаллический пояс Рудного Алтая насчитывает около 850 месторождений и рудопроявлений.

Памятники этого периода изучали В.В. Радлов, С.С.Черников, М.П.Грязнов, С.Н.Руденко, Н.В. Полосьняк, В.И. Молодин, З.С.Самашев. В науке выделяются три главных этапа развития материальной культуры саков Восточного Казахстана: майэмирский - VII-VI вв., берельский - V-IV вв., кулажоргинский - III-I вв. до н.э.

Майэмирский этап назван по имени курганного могильника в Майэмирской степи в верховьях р. Нарым.

Рядовые Майэмирские курганы Горного Алтая имели невысокие каменные насыпи, часто обложенные по основанию кольцом из камня. Погребальные камеры - прямоугольной формы, их стены облицовывались деревом и покрывались накатом из бревен.

Вещевой комплекс майэмирских памятников довольно устойчив и определяется такими ведущими формами, как бронзовые зеркала с высоким бортиком по закраине и петлей посередине диска, ранняя конструкция конской узды из бронзовых удиц с внешними петлями, напоминающими миниатюрное стремя, и псалиями с тремя отверстиями или крючком вместо центрального отверстия. Из прикладного искусства для майэмирского времени наиболее характерен образ свернувшегося хищника и животных, переданных в движении.

Чиликтинский курган, раскопанный С.С.Черниковым, входил в состав могильника, состоявшего из 51 земляной насыпи. Насыпи достигают диаметра 20-100 м при высоте 2-10 м.

Раскопки кургана позволили воссоздать его конструкцию. На поверхности земли была выкопана яма площадью 5,9 х 7 м и глубиной около

1 м. В яме было сложено квадратное сооружение из толстых лиственничных бревен, стены клетки состояли из двух, а потолок из одного ряда бревен. Внутри деревянной гробницы, у западной стенки, на полу из толстых струганых досок были положены мужчина 40-50 лет, женщина 50-60 лет и сопровождавшие их вещи. Покойников в момент погребения внесли через дромос-коридор, примыкающий к гробнице с востока. После похорон дромос был накрыт бревнами и все сооружение засыпано крупным битым камнем. Затем была возведена насыпь из плотной глины, еще выше насыпана земля с мелкой галькой. В первоначальном виде курган имел диаметр 45 м и высоту около 10 м. Со временем насыпь деформировалась и к моменту раскопок, ее диаметр достигал 66 м, а высота — 6 м.

Как и большинство других курганов, чиликтинская гробница была ограблена еще в древности.

Несмотря на ограбление, в кургане сохранились находки: остатки кожаного колчана с тринадцатью бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел ранней, так называемой асимметрично-ромбической формы, и яркие образцы древнего прикладного искусства из 524 золотых изделий. Среди них: бляшки в виде оленей с подогнутыми ногами, украшавшие колчан (14 экз.), барельефные контурные фигурки орлов с повернутой головой (9 экз.), свернувшиеся в кольцо пантеры (29 экз.), вырезанные из фольги фигурки кабанов (12 экз.), изображение рыбы, инкрустированное бирюзой и украшенное мелкими шариками золотой зерни, бляшка в виде птицы с распростертыми крыльями и множество других более мелких ювелирных украшений.

Чиликтинский курган датируется V-II вв. до н.э. Это самый ранний «царский» курган северной степной полосы Казахстана и один из древнейших на территории Евразии. Здесь ярко представлено прикладное искусство скотоводческих племен евразийских степей. Ряд художественных произведений так называемого «звериного» стиля в Чиликтинском кургане (олень с поджатыми ногами, свернувшиеся в кольцо пантеры, орлы с повернутой головой) относятся к исходным образцам искусства сакско-скифского мира.

В 2003 г. был раскопан еще один «царский курган» могильника Чиликты, имевший, как выяснилось аналогичную конструкцию, состоящую из сруба и курганной насыпи. Погребение было ограблено в древности, но при этом часть изделий украшавших одежду и головной убор погребенного здесь представителя элиты были потеряны в грабительской траншее и собраны археологами. Это были литые фигурки оленей, пары оленей в геральдической позе, архаров, барсов, волка, оленя, беркута. Датируется курган VIII вв. до н.э.

На берельском этапе культура древних скотоводов Восточного Казахстана приобретает выразительные и законченные черты. В горных районах повсеместно распространяется ранее уже известный устойчивый тип курганов с каменной наброской, деревянным срубом в грунтовой яме и захоронениями коней.

Памятники этого типа особенно четко представлены в широко известных Пазырыкских курганах Восточного Алтая, широко известных благодаря раскопкам В.В.Радлова, С.И.Руденко, м.П.Грязнова, Н.В.Полосьмак, В.И.Молодина, В.Д.Кубарева, З.С.Самашева.

Одним из наиболее ярких памятников этого периода является курган Берел.

Могильник Берел находится на территории Казахского Алтая на стыке границ Казахстана, Монголии и России. В нем насчитывается более тридцати курганов, расположенных цепочками. Наиболее крупные наземные конструкции свидетельствуют о том, что древние кочевники хоронили здесь своих вождей, для которых и воздвигали сложные погребально-культовые сооружения. Доминирующее положение долины и удивительная красота природы способствовали сакрализации этого пространства.

Возможно древние кочевники, учитывая природно-климатические условия местности, сооружали такие погребальные конструкции, при которых возникла искусственная мерзлота. Благодаря ей в погребениях сохраняются уникальные свидетельства жизни древних кочевников Алтая – одежда, утварь, и что особенно важно - мумифицированные останки людей и животных.

Первые археологические раскопки здесь были произведены В.В.Радловым в 1865 г. Еще до раскопок Береля В.В.Радлов раскопал курган с мерзлотой на р. Катанда, где прекрасно сохранились изделия из ткани, войлока, шерсти, одежда из меха, соболя и шелка, изделия из дерева, а также трупы захороненных людей и погребенных с ними коней.

Вскрыв насыпь одного из курганов и траншей В.В.Радлов обнаружил вещи, не замеченные грабителями, записал в своем дневнике: «В центре кургана под могильным холмом находилась могильная яма длиной 2 сажени и шириной 2,5 сажени, наполненная крупным камнем и землей. Мы легко очистили эту могилу от ее содержимого на глубину 1 аршин, после чего наша работа внезапно остановилась. Земля здесь сильно промерзла, и в могилу со всех сторон просачивалась вода».

В могиле под слоем бересты были найдены останки 16 лошадей, положенных в 4 ряда по 4 особи.

В гробу, выдолбленном из ствола лиственницы и украшенном по углам бронзовыми фигурками грифонов. В ходе раскопок были найдены человеческие кости, глиняная посуда, нож, кинжал, меч.

Величина кургана, который стал объектом основных исследований в 1998-1999 имел диаметр более 30 м, первоначальную высоту - более 2 м.

Сам курган представляет собой сложное архитектурное сооружение. Насыпь кургана является не просто навалом камней, а состояла из нескольких слоев специально подобранных плит, валунов и галечника различных размеров.

В основании насыпи отмечена платформа из массивных плит, ограда из вертикально поставленных каменных плит.

Под насыпью кургана в могиле, находился лиственничный сруб, сооруженный в три венца из толстых бревен: в пазы продольных вставляли поперечные плахи. Сверху он был накрыт массивными плахами, полотнищами бересты с прослойкой веток «курильского чая». Погребальная камера-сруб представляла собой помещение размерами 3,43х1,85х1,26 м. Дендрохронологами установлено, что некоторые из бревен погребальной камеры были заготовлены заранее и не исключено, что они использовались в домостроении.

Внутри сруба, на вымощенном каменными плитками дне могилы, была установлена колода. Ее изготовили из цельного ствола лиственницы, а поверхность тщательно загладили и обработали, возможно, особыми веществами, оберегающими древесину от гниения. С четырех сторон колоды, на торцах находились проушины, при помощи которых она была опущена в погребальную камеру. Сверху колода закрывалась крышкой, по углам которой были помещены четыре бронзовые с позолотой массивные фигуры птиц-грифонов.

В колоде находились останки мужчины, предположительно 35-40 лет, к которому позже была подхоронена женщина. По предварительному заключению антропологов она была несколько старше мужчины. Головы умерших покоились на деревянной «подушке». Прическа вождя состояла из двух косичек. Установлено, что при жизни он носил бороду и усы. В теменной части черепа мужчины зафиксирован пролом, нанесенный предположительно палицей. Вероятно, вождю-воину пытались оказать медицинскую помощь с целью извлечения из раны осколков костей и сгустков крови, о чем свидетельствуют следы незавершенной трепанации. О его боевой жизни свидетельствуют многочисленные сросшиеся переломы ребер и позвонков, полученные в разные периоды жизни.

В погребальной практике древних берельцев существовал сложный ритуал, предполагавший сохранение тело умершего до того момента, когда его можно будет захоронить. Для достижения этой цели с помощью специальных трав, ароматических веществ тела почитаемых персон подвергались бальзамированию. Погребенные были облачены в роскошные одежды, затейливо расшитые бронзовым бисером, нашивками из тончайшей золотой фольги. Богатство и роскошь одежды подчеркивают высокий социальный статус погребенных.

Тринадцать лошадей, сопровождавших вождя, были убиты ударом чекана в лоб и уложены за стенкой сруба в два яруса. Нижний ярус, состоящий из семи животных, отделялся от верхнего слоем бересты и кустарникам. Кони - верховые скакуны рыжей масти - обращены головами в сторону восходящего солнца, на восток. Благодаря феномену "замерзших" могил сохранились не только шкура животных, но и мягкие ткани, а также парадное конское снаряжение.

Найдены великолепно украшенные седла – древнейшие в Казахстане. Особо выделяется седло, покрытое шкурой хищника. Войлочная аппликация седельного покрытия передает сцену терзания хищником копытного

животного. К седлу одного из коней был приторочен щит, составленный из деревянных прутьев.

Конское снаряжение украшено многочисленными деревянными изделиями, выполненными с помощью различных приемов, сочетающих технику барельефа и скульптуры. Все эти изделия: бляхи, псалии, подвески, разделители ремней с лицевой стороны и покрыты золотой фольгой и оловом, а тыльной стороной с помощью отверстий прикреплены к ремням конской сбруи.

Предметы вооружения, конского снаряжения оформлялись в скифо-сибирском зверином стиле, отражают его военно-аристократический характер.

В круг образов, входят олени, лоси, птицы, горные бараны и козлы, кошачьи хищники, представители местной фауны. Но особое место занимали образы фантастических существ— грифонов, которые сочетали в себе признаки разных животных: тело кошачьего хищника с длинным, закинутым на спину хвостом, клюв хищной птицы, грива в виде завитков, рога со спирально закрученными окончаниями.

Изображение борьбы животных является одной из характерных черт звериного стиля. Находки с подобным сюжетом имеют место и в берельской коллекции: плакетки и подвески со сценой нападения кошачьего хищника на оленя или горного козла; грифон, кусающий свой хвост; объемное изображение головы копытного животного в клюве грифона, представляющее собой вариант сцены терзания.

Парадные маски с рогами козлов и снаряжение коней, выполненные из дерева, скрыты под блеском золотой фольги и оловянного покрытия, создающих лишь иллюзию массивных золотых и серебряных украшений. Вероятно, это обстоятельство свидетельствует о церемониальном характере конского снаряжения, его своеобразной маскировке.

К концу берельского этапа повсеместно происходило вытеснение бронзы железом. Бронзовые удила сменяются железными кольчатыми удилами, железными становятся также кинжалы-акинаки и ножи.

К III в. до н.э. формы и конструкции археологических памятников Восточного Казахстана изменяют свой характер. В степях между Тарбагатаем и верховьями Иртыша распространяются погребальные сооружения так называемого *кулажоргинского типа*.

Каменные ящики составлялись из четырех и более массивных неотесанных плит, вкопанных на ребро, и сверху также покрывавшихся плитами. Захоронения производились на спине, вытянуто, головой на запад или восток. Лишь в нескольких случаях встречены скорченные погребения на правом боку. Сверху насыпался курган.

Среди вещевого комплекса памятников кулажоргинского типа наиболее многочисленна глиняная посуда. Она представлена приземистыми кувшинами с невысокой цилиндрической горловиной, кринкообразными горшками, широкими и низкими кубками с округленным дном и

петлеобразной ручкой. Встречены глиняные котлы с вертикальными и горизонтальными ручками.

Тасмолинская культура саков Центрального Казахстана. Отличительной чертой тасмолинской культуры являются своеобразные погребальные памятники - курганы с "усами". Это надмогильный комплекс, состоящий из основного кургана большого размера, примыкающего к нему с восточной стороны малого кургана и отходящих от него на восток двух невысоких каменных гряд шириной 1,5-2 м и длиной 20-200 м. Каменные гряды имеют форму полудуг и нередко в начале и конце ограничены круглыми каменными сооружениями курганного типа. Таким образом, в курган с "усами" входят три сооружения: большой курган с погребением человека, малый обычно с захоронением коня и глиняным сосудом и каменные гряды. Основной курган содержит в себе погребение с разнообразным инвентарем. Малый курган не имеет могильной ямы. Под его насыпью на уровне погребенной почвы (на материке) обычно находят конский скелет или отдельные его кости (череп, конечности), а в восточной части - один, реже два глиняных сосуда. Описанный тип кургана с «усами» наиболее распространенный, встречаются и его варианты. Например, сдвоенные курганы, когда малый курган расположен не с восточной, а с южной от большого кургана стороны. В этом случае они, как правило, одинакового размера. Лишь в одном случае малый курган сооружен на вершине большого, но всегда присутствуют три составных комплекса.

В хронологическом отношении памятники тасмолинской культуры делятся на два этапа: VII—VI вв. и V—III вв. до н.э. Первый этап культуры характеризуется определенным набором погребального инвентаря. Это бронзовые наконечники стрел (двухперые с выступающей втулкой и трехперые черешковые), кинжалы с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием (акинаки), бронзовые стремечковидные удила с разнообразными псалиями, бронзовые зеркала.

Эту культуру выделил М.К.Кадырбаев, продолживший исследование ее вслед за А.Х.Маргуланом. Сейчас памятники тасмолинской культуры изучает А.З.Бейсенов.

Для второго этапа типичны бронзовые втульчатые трехгранные наконечники стрел, «кольчатые удила», бронзовые зеркала.

Примером памятников первого этапа является курган 19 из *могильника Тасмола I*. Он имел каменную насыпь диаметром 8 м и высотой 0,3 м. Длина северной гряды его 52 м, южной - 46 м при ширине 1,5 м. Памятник является вариантом сдвоенных курганов, где в одной насыпи совмещены функции основного и малого курганов. Поэтому под насыпью кургана в юго-восточной части найдены обломки двух сосудов, а в центральной части вскрыта могильная яма. Она была забутована камнями и представляла собой прямоугольное в плане сооружение длиной 1,8 м, шириной 0,8 м, глубиной 1,5 м, ориентированное длинной осью с севера на юг. На дне ее расчищен скелет женщины, лежащей на спине, в вытянутом положении, головой на север. Под ним находилась камышовая подстилка. На правой тазовой кости

погребенной обнаружено круглое бронзовое зеркало диаметром 19 см, под костями стопы - черепа двух баранов. С левой стороны скелета лежал точильный камень прямоугольной формы, а на нем - железный нож. Вдоль костей левой ноги располагались череп и лопатка лошади. В зубах лошади "зажаты" бронзовые стремевидные удила с трехдырчатыми псалиями. Обнаружены также остатки ремней уздечки и бронзовые бусы, а также бляшки, украшавшие их.

Конское снаряжение из погребений Тасмолинской культуры представлено удилами и псалиями различных форм. Характерными для тасмолинской культуры являются удила: со стремевидными окончаниями и дополнительным отверстием; со стремевидными окончаниями, но без дополнительного отверстия; со стремевидно-прямоугольными окончаниями; кольчатые. Псалии также разнообразны по форме: трехдырчатые роговые и костяные; двудырчатые крючковидные; трехдырчатые бронзовые, железные и с золотой инкрустацией; трехпетельчатые. Источник происхождения удил и псалиев, видимо, следует искать в Закавказье и Передней Азии, где в конце II - начале I тыс. до н.э. бытовали самые различные виды этого снаряжения. На самых ранних из них, изготовленных из кости, удила и псалии составляли единое целое.

Знакомство ранних кочевников Казахстана с этим типом узды могло произойти в VII в. до н.э. во время похода скифо-сакских племен в Переднюю Азию.

Бронзовые ножи двух типов: с кольчатым в виде кольца навершием рукояти и без выделенной рукояти. Второй тип известен еще с бронзового века. Железные ножи повторяют форму бронзовых, но появляются они лишь на втором этапе тасмолинской культуры.

Круглые бронзовые зеркала представлены несколькими типами: с высоким бортиком по краю диска и петлей посередине; с петлей в центре диска; с фигурной ручкой; с сильно выступающей ручкой; с боковой петлей и прямоугольным выступом. Первый тип - наиболее ранний и встречается не позже VI в. до н.э. Зеркала с рукоятью появляются в V в. до н.э. Среди десятков экземпляров типовых зеркал встречаются и единичные. Так, у зеркала из могильника Карамурун I рукоятка оканчивается изображением голов двух козлов.

Есть в погребениях каменные жертвенники, выполненные из песчаника, в виде овальных и круглых чаш на ножках.

Одной из наиболее распространенных находок являются глиняные сосуды. Большинство их имеет прямые или чуть отогнутые наружу венчики, плавно переходящие в полусферическое тулово с плоским дном. Все без исключения сосуды выполнены методом ручной ленточной лепки. В глиняную массу примешивали толченый гранит и кварцевый песок. Большая слоистость теста говорит о низком качестве обжига.

Найдены скульптурные и рельефные изображения зверей, выполненные из бронзы, золота, рога и кости.

Так, интересны две бронзовые скульптурные фигурки козлов, найденные у черепа лошади в одном из курганов. Обе отлиты в одной литейной форме, и после отливки подвергались дополнительной обработке. Обнаружено несколько экземпляров полых фигурок архара. Из других украшений представлены бляшки с изображениями кабана, лося. Найденны застёжки для верхней одежды из маральего рога в виде головы грифона, на котором, в свою очередь, выгравирован многофигурный рисунок. В VI - V вв. до н.э. появляются тисненные золотой фольгой фигурки хищников - барсов, львов, золотые бляхи. Они применялись для украшения налобного ремня лошади и одежды.

Среди предметов вооружения преобладают наконечники стрел. Они относятся к двум типам: двуперые с выступающей втулкой и трехперые черешковые. В одном из курганов *могильника Карамурун I* обнаружены остатки кожного колчана, в котором находились 46 стрел, уложенных в 3 ряда. Удалось установить длину древка - 60 см. Из общего числа наконечников бронзовых - 42 шт., костяных - 3, деревянных - 1. Среди втульчатых есть наконечники с листовидной формой пера и шипом на втулке, выходящим за нижний обрез, наконечники с асимметрично-ромбовидной формой пера и втулкой, доходящей до острия боевой головки, наконечники ромбовидной формы со сглаженными плоскостями.

Черешковые наконечники стрелы имеют подтреугольную форму с лопастями, почти доходящими до острия; с выемками в нижней части боевой головки и зубчатыми выемками.

Во второй половине VI в. до н.э. наряду с перечисленными появляются новые наконечники - трехперые втульчатые, которые в V - IV вв. до н.э. становятся преобладающими. Возможно, эта форма была заимствована от скифов и савроматов. Примерно в это же время распространяются трехгранные наконечники со скрытой втулкой и выступающими шипами.

Другой вид вооружения - бронзовые кинжалы-акинаки - представлен единичными экземплярами. Акинак из могильника *Нурманбет IV*, датируемый VI в. до н.э., характеризуется массивной рукоятью шире клинка и всего на 5 см короче его. Рукоять имеет грибовидное навершие и широкое овальное перекрестие. Другие экземпляры выделяются непропорциональностью рукояти и лезвия. Встречаются рожковидные навершия с бабочковидным перекрестием. Крепились кинжалы к поясу с помощью специальных металлических обойм. Пояса имели важное значение для кочевников. Именно у тасмолинцев зафиксированы наборные пояса с прикрепленными к кожаной основе бронзовыми бляшками.

Сакские памятники Жетысу.

Сакские курганы Жетысу. Курганы являются наиболее примечательной деталью ландшафта Жетысу. Они различаются размерами, высотой и образуют цепочки, скопления и могильные поля. Среди наиболее известных - могильники Алматы, Талгар, Новоалексеевский, Кугалы, Бурундай, Иссык, Тургень, Чилик, Кегень, Мерке, Джетытобе, Уштобе, Берккара. Все они были обследованы, частично раскопаны, а такие как Иссык, Бесшатыр приобрели всемирную известность. К сожалению, многие из могильников разрушены, часть курганов снесена, сnivelирована и застроена.

Первые обобщающие исследования по истории кочевников Семиречья принадлежат М. П. Грязнову и А. Н. Бернштаму.

Существенный вклад в разработку археологии кочевников Семиречья внесли Акишев К.А., Агеева Е.И., Кушаев Г.А., Копылов И.И., Максимова А.Г.

Особое значение имел обобщающий труд по культуре саков и усуней долины Или (Акишев К. А., Кушаев Г. А.). В нем были систематизированы все известные на начало 60-х гг. материалы, уточнена периодизация истории культуры, исследованы вопросы хозяйства, общественного строя, а также происхождения этих народов.

В 50-60 гг. в долине р. Талас также разворачиваются исследования курганов ранних кочевников (Абетеков А. К., Баруздин Ю.Д.).

Исследованы памятники на северных склонах Киргизского хребта, прилегающих к долине Таласа (Максимова А. Г. 1970; 1972; 1975). Возобновляются раскопки в долине Чу (Абетеков А.К.7) и в котловине Иссык-Куля.

В Семиречье, как и в других частях евразийского пояса степей, раннесакские памятники изучены недостаточно. Они представлены курганами с единичными могилами с бедным инвентарем, а также отдельными находками изделий «скифской триады».

Могилы имеют три разновидности: обычные грунтовые ямы, подбои и каменные ящики. Последние можно рассматривать, видимо, как пережиточное явление, связанное с эпохой бронзы. Захоронения различаются также ориентировкой погребенных: на запад, северо-запад и северо-восток. Иногда умершего сопровождало погребение верхового коня в отдельной яме. В могилу ставили ритуальную пищу — мясо барана. Инвентарь погребений беден и однообразен, оружие отсутствует. В могилах находят предметы конской упряжи с характерными стремеvidными удилами, пряжками. В этот период, особенно к концу его, в Семиречье уже были известны изделия прикладного искусства, выполненные в так называемом зверином стиле. В быту население употребляло простые бронзовые ножи, деревянные и костяные гребни. Лепная круглодонная посуда, частично изготовленная на матерчатом шаблоне, резко отличалась по форме и отсутствию орнамента от керамики позднебронзового века. Случайно найденные бронзовые и железные акинаки с бабочковидным перекрестьем, а также наконечники

стрел ромбовидной формы со втулкой и некоторые другие изделия по аналогии с раннескифскими относят к раннесакскому периоду. Таким образом, все три компонента «скифской триады» - оружие, уздечный набор, звериный стиль - уже представлены в культуре саков Семиречья раннего периода.

К раннесакскому периоду отнесены некоторые случайные находки бронзовых и железных акинаков с бабочковидным перекрытием и зооморфным навершием, бронзовый кинжал из Текели, а также клад из Биже, о котором сказано ниже.

Сакский период (V-III вв. до н.э.). По сравнению с раннесакским периодом количество археологических памятников сакского времени увеличилось во много раз, что свидетельствует о значительном росте численности населения края. Почти все основные районы Семиречья и Тянь-Шаня были обжиты саками именно в это время. В ходе накопления богатств появились условия для создания огромных погребальных сооружений, подобных курганам Иссык и Бесшатыр.

Можно выделить несколько групп могильников, часть которых в дальнейшем, по мере накопления материалов вероятно, составит самостоятельные археологические культуры.

Группа сакских памятников Чуйской и Таласской долин представлена лишь захоронениями рядовых общинников, погребальный обряд которых аналогичен обряду рядовых погребений долины р. Или. Сопровождающий покойников инвентарь составляют один-два сосуда, украшения, бронзовые наконечники стрел, среди которых встречаются трехперые черешковые и трехгранные втульчатые.

В разных пунктах долины Чу обнаружены случайные находки бронзовых изделий сакского времени: несколько кинжалов с прямым клинком, бабочковидным перекрестьем и брусковидным или антенным навершием, а также литые бронзовые котлы на коническом поддоне с двумя вертикальными ручками.

Могильник Бесшатыр. Могильник, расположенный на правом берегу р.Или у подножия гор Желшалгыр, в 170 км восточнее г. Алматы. Могильник протянулся с севера на юг на 2 км, с востока на запад - на 1 км и состоит из 31 кургана, из которых 21 имеет каменную насыпь, остальные - насыпи из щебня и земли.

Курганы в могильнике расположены бессистемно, однако выделяются две группы - северная и южная. Самый крупный курган, названный.

«Большой», расположен в северо-восточной части могильника. Диаметр его 104 м, средняя высота 15 м. Насыпь имеет форму усеченного конуса с плоской вершиной, диаметром 32 м. Каменная насыпь кургана у основания уложена в несколько плотных рядов, что создает впечатление цоколя, на котором и покоится вся громада насыпи. Вокруг кургана сооружен вал. Рядом с насыпью расположены кольцевые сооружения, составленные из крупных каменных столбов (менгиров) и больших валунов, получивших название «оградки». Таких оградок 94 и в плане они

напоминают спираль, закрученную вокруг кургана. Оградки имели ритуальное назначение и, видимо, были связаны с культом огня.

Обстоятельно исследовался «Первый» Бесшатырский курган, имевший диаметр 52 м, высоту свыше 7 м и расположенный севернее остальных. Как и «Большой», он имел плоскую вершину. Насыпь состояла из трех слоев. Верхний слой представлял собой каменное покрытие толщиной до 1 м у вершины и до 3 м у основания. Второй слой, самый мощный, толщиной от 3,5 до 13 м, сложен из земли и щебня. Третий слой, нижний, образован из крупного битого камня. Под этим слоем находилась большая деревянная постройка из обработанных бревен тянь-шаньской ели. Это строение и являлось "царской" усыпальницей, воздвигнутой на материке.

Усыпальница состояла из коридора (дромоса), тамбура и погребальной камеры. Коридор - длинное, высокое и не перекрытое сверху сооружение размером 5,75х1,50 м, высотой более 5 м. Тамбур, примыкает к восточной стенке погребальной камеры. Коридор с помощью поперек положенных плах делится на два отсека. Погребальная камера имеет в плане форму неправильного квадрата размерами _____ м и высотой 4 м, ориентированного по сторонам света, состоит из 16 рядов бревен тянь-шаньской ели. Потолком и крышей служили бревна наката, положенные вдоль прямо на стены камеры. Толщина наката - 7-8 бревен. Стены снаружи и изнутри удерживают 16 вертикально врытых столбов. Все бревна хорошо обработаны с них - срублены сучья, снята кора. Бревна, образующие стены камеры, тщательно отесаны и плотно пригнаны друг к другу. Местами на них сохранились следы плотничьих инструментов. Для транспортировки бревен на концах и посередине делали отверстия для веревок - проушины. Сверху на бревна наката были положены камышовые маты, перевязанные веревками.

После совершения погребения вход в камеры был заложен крупными камнями, а отсеки коридора до самого верха забутованы камнем вперемешку со щебнем. После этого над погребальным сооружением, возвышающимся над окружающей местностью более чем на 5 м, была сооружена насыпь.

Погребальная камера оказалась разграбленной. На полу после расчистки завала обнаружены разрозненные кости мужского и женского скелетов, кости животных, деревянная ножка какого-то предмета.

Остальные Бесшатырские памятники имеют сходную архитектуру, но отличаются размерами курганов и усыпальниц. Так, раскопки «Третьего» кургана выявили 17 слоев в насыпи, а вокруг кургана явственно возвышалась стена, первоначально имевшая высоту свыше 1 м. "Шестой" курган имел подземные ходы и катакомбы общей протяженностью 55 м.

Помимо курганов в могильнике зафиксированы шесть оград, расположенных на возвышении, к северо-востоку и четыре - к западу от курганов. Ограды из вериткальных камней (менгиров) в окрестностях могильника - не самостоятельные памятники, а дополняющие архитектуру курганов. На некоторых из них выбиты фигуры горных козлов, кабана и волка.

Насыпи мелких курганов сооружались из земли и речной гальки. Под насыпью находилась грунтовая яма своей длинной осью, как правило, ориентированная с востока на запад. Покойника клали в вытянутом положении, головой на запад. Сверху яму перекрывали деревянными плахами. В могильнике Кзылауз, расположенном рядом с Бесшатыром, обнаружено коллективное погребение в двух могильных яма; в одной из них погребенные уложены в два яруса.

В южной и западной частях камер обычно расставлена посуда, а в северной находились останки погребенного, лежавшие прямо на дощатом полу. Могильник Бесшатыр датирован V-IV вв. до н.э.

Курган «Иссык» находится на южной окраине большого могильника, в 40 км восточнее Алматы состоящего из более 40 курганов. Диаметр кургана 60 м, высота - 6 м. Насыпь многослойна (3-4 слоя), слои гальки чередуются с щебеночно-глинистыми. Под насыпью два захоронения: центральное и боковое (южное). Центральная могила полностью ограблена. Боковая могила оказалась не потревоженной.

Погребальная камера сооружена из обработанных бревен тяньцанской ели, ее размеры: по внутреннему обмеру 2,9 x 1,5 м, по наружному - 3,3 x 1,9 м, высота ее с накатом 1,3-1,5 м.

Вначале выкапывался котлован могильной ямы прямоугольной формы, ориентированный длинной осью с запада на восток. На дне котлована строился бревенчатый сруб - погребальная камера. Конструкция ее весьма проста: бревна определенной длины укладывались горизонтально друг на друга, образуя стенки камеры. На стенах камеры бревна уложены в пять рядов, сверху она перекрыта также бревнами, уложенными поперек на длинные стены. На дне настлан пол из десяти хорошо обработанных досок. На полу размещались останки умершего и погребальный инвентарь.

Участок пола, предназначенный для покойника, покрывался матерчатой подстилкой, расшитой мелкими золотыми бляшками. На подстилку был положен усопший, облаченный в парадную одежду и при полном вооружении. Покойника, судя по костяку уложили на спину в вытянутом положении, головой на запад, лицом вверх, кисть правой руки уложена на пах, левая рука откинута в сторону.

Вдоль правого бедра, рукоятью у пояса (скорее всего, подвешенный к портупее), плашмя был помещен железный меч в деревянных ножнах, окрашенных в красный цвет. Ремни портупеи украшали золотые обоймы и пронизь (изделие для крепления меча или кинжала) с рельефным изображением головы тигра. Между туловищем и левой рукой положен железный кинжал также в деревянных ножнах, обтянутых кожей и украшенных двумя золотыми пластинками с изображениями коня и лося и с двумя цилиндрическими бляхами-обоймами для перекрестных ремней с рельефными изображениями свернувшегося волка.

Рядом с покойником у локтя левой руки помещена стрела с золотым наконечником, здесь же, но выше локтя - нагайка, рукоятка которой спирально обернута широкой золотой лентой, еще выше - матерчатая

(шелковая) туалетная сумочка, в которой находились бронзовое зеркало и красная краска.

На полу камеры сосуды с заупокойной пищей и питьем. К последним относится бронзовая с позолотой миска, поставленная обособленно. В ней лежали несколько золотых фигурных пластин, выполненных в виде клюва и когтей хищной птицы. У южной стены стояла деревянная посуда, причем на заднем плане в два ряда четыре блюда, рядом, но на переднем плане, - миски и черпак. У другой стены выстроены в один ряд вплотную друг к другу глиняные кувшины, а перед ними миски. Среди них, но также вместе две серебряные чаши и ложка. На одной из серебряных чаш имелась надпись из 26 букв (знаков). Бронзовая чаша стоит в стороне, у изголовья захороненного. Участок пола у восточной стены камеры свободен от вещей. Очевидно, вход в камеру был именно с восточной стороны. После совершения похорон, и размещения инвентаря, камеру перекрыли короткими бревнами, яму заполнили грунтом, затем возвели насыпь.

По определению антропологов, захороненному в кургане Иссык было 17-18 лет. Одет был в богато расшитую золотом парадную одежду. На голове носил высокий (до 65-70 см) конической формы головной убор. Всего на головном уборе размещалось около 150 украшений. Большинство из них имеют штампованные изображения снежных барсов, тау-теке, архаров, лошадей, птиц. Переднюю часть головного убора украшали скульптурные изображения двух крылатых лошадей с козлиными рогами, а также две пары длинных птичьих крыльев и многие другие фигурные пластины. На шее находилась золотую спиралевидную гривну (шейное украшение), концы которой завершаются рельефными изображениями голов тигров.

Верхняя одежда состояла из кафтана и штанов. Короткий, судя по фрагментам кожаный кафтан (сохранились кусочки окрашенной в красный цвет кожи), сплошь обшит золотыми фигурными бляшками, а борта, низ и ворот крупными квадратными с изображениями голов тигра. Всего кафтан украшало около трех тысяч золотых предметов. Штаны по внешнему и внутреннему продольным швам обшиты мелкими прямоугольными пластинками. Они заправлялись в кожаные сапоги с высокими голенищами. Голенища сапог также украшали золотые бляшки треугольной формы, аналогичные бляшкам, украшавшим кожаный кафтан.

Под кожаным кафтаном была матерчатая нательная рубаша, ворот и рукава которой украшены орнаментальным узором из золотых пластинок разных форм. Кафтан подпоясывался кожаным ремнем с набором массивных золотых блях с рельефными изображениями лежащего лося и лосиных голов. К ремню справа подвешивался длинный железный меч, а слева - железный кинжал, богато инкрустированный золотом. Меч и кинжал находились в кожаных-деревянных ножнах, окрашенных в красный цвет. Ножны кинжала украшали по внешней стороне две большие золотые пластины-обкладки с изображением фигур лося и лошади. На пальцах рук сак из кургана Иссык носил два массивных золотых перстня, один из них перстень-печать с

изображением головы человека в профиль в пышном головном уборе. Захоронение в кургане Иссык датируется концом IV - началом III вв. до н.э.

Могильники рядовых саков (VII-IV вв. до н.э.). Погребения рядовых общинников сакского времени по размерам, конструкции могильного сооружения и инвентарю резко отличны от царских захоронений бесшатырского и иссыкского типа.

К таким захоронениям раннего этапа сакской культуры (VII-VI вв.) до н.э.) относятся могильники Каргалы I и Алтын-Эмель II. Курганы имели сферические каменные насыпи, под ними находились каменные ящики с костяками. Костяки лежали вытянуто, головой на северо-запад. Исследователи датируют могильник Каргалы I переходной от эпохи бронзы к сакам эпохой УШ-УП вв. до н.э.

К раннему этапу сакской культуры относятся также курганы в могильнике Жуантобе. Они небольших размеров, насыпь имели земляную вперемежку с речной галькой. Под насыпью, в могилах человеческие костяки лежали в грунтовых ямах, ориентированных длинной осью с запада на восток. Могилы перекрыты поперечно положенными бревнами. Найденные при погребенных бронзовые удила, ножи, костяной и деревянный гребни, бусы, бронзовые подпружные пряжки, - керамические сосуды датируют Жуантобе VI-V вв. до н.э.

Лучше известны памятники позднесакского времени (V - IV вв. до н.э.). К этому времени относятся такие памятники, как Кадырбай III, Карашоки и Кылауыз.

В могильнике Карашоки (Кара-Чоко), расположенном на правом берегу реки Или в Чулакских горах, раскопанный курган имел небольшую насыпь из земли со щебенкой, на насыпи выступали камни, образующие два концентрических кольца. Погребение совершено в грунтовой яме. При захороненном найдены бронзовые втульчатые наконечники стрел, относящиеся к V-IV вв. до н.э.

Клад из Биже. Уже отмечалось, что наиболее ранний этап сакской культуры относится к IX - VIII вв. до н.э. В Жетысу комплекс ранних изделий саков, известен как "клад из Биже". В его составе были удила. Они бронзовые, литые, с прямоугольным стремячком и упором, а также с полуовальным стремячком и дополнительным отверстием. Поверхность стержней покрыта орнаментом в виде нарезных и выпуклых прямоугольников и квадратов. Псалии (опоры) удила двух видов, первый - слабоизогнутый, трехдырчатый, бронзовый, с продолговатым срединным отверстием. На одном конце псалия дисковидное уплощение, лежащее в той же плоскости, что и центральное отверстие, другой конец оформлен в виде расширяющегося к концу конуса. Второй псалий - дуговидный с тремя круглыми отверстиями. Один конец имеет эллипсоидное утолщение, другой - коническое. В состав сбруйного набора входят бронзовые наворачия, украшенные головками горных козлов. Они имеют втулки в виде усеченного конуса. В числе других вещей - бронзовые бляшки в виде колечек, украшавшие ремни поводьев; бронзовые распределители ремней узды;

петельная бляха и две подвески. Датируется клад второй половиной VIII — VII вв. Интересно, что в этом же районе также случайно был найден бронзовый кинжал длиной 39 см. с прямым перекрестием и овальной в сечении рукоятью с грибовидным навершием. Кинжал датируется VIII в. Эти находки позволяют судить о том, что VIII - начало VII вв. были временем сложения сакской культуры Семиречья, уходящей корнями в эпоху бронзы.

Жалаулинский клад. Свое название клад получил по имени аула, расположенного в 200 км восточнее Алматы. Все найденные случайно вещи лежали в войлочном мешке, который был зарыт в землю в начале XX в. Все эти предметы извлечены из ограбленных курганов неизвестным кладоискателем. Среди более чем двухсот предметов общим весом более полутора килограммов выделяются детали наборного пояса, украшения одежды и головного убора, а также пектораль - нагрудное украшение. Пектораль представляет собой массивную овальной формы пластину, украшенную по краям бордюром из крученого золотого дрота - проволоки. На концах ее сохранились петли для подвешивания.

Поверхность пекторали украшают напаянные в 4 ряда миниатюрные фигурки горных баранов - архаров, выполненных в характерной для сакского искусства позе «с поджатыми ногами». На туловищах баранов предусмотрены гнезда для крепления цветных камней - бирюзы, сердолика или других, которые должны были «разбить» однородную желтую поверхность пекторали.

Бляхи от наборного пояса сделаны в виде миндалин. Лицевая поверхность блях, а они крепились к поясу попарно, образуя круг, украшены как и пектораль, фигурками архаров и зернью - напаянными шариками золота. К деталям пояса, которые «скрывали» его кожаную основу, относятся прямоугольные обоймочки, орнаментированные узором в виде «елочки».

Интересны бляхи в виде парных фигур оленей с ветвистыми древоподобными рогами. Две литые бляхи с оленями имеют еще изображение орла «с распахнутыми крыльями».

В кладе есть штампованные бляхи с изображением барса, терзающего козла, а также вырезанные из листового золота горные козлы, изображенные в позе «летучего галопа».

Интересна массивная треугольная пластина с напайками в виде шерсти. Назначение их непонятно, но скорее всего это украшение одежды. Очень много золотых конусовидных подвесок, некогда украшавших одежду и головной убор.

Важное значение для датировки всего клада имеют бляшки с оленями, большие и маленькие. Вот одна из них.

Бляшка изготовлена из золота; вес ее 6,15 г, максимальные размеры 31 х 25 мм. Бляшка имеет подтреугольно-сердцевидное очертание, сформированное внешним абрисом фигур и рогов животных. При этом бляха слегка асимметрична: один олень расположен несколько выше другого. Она изготовлена в технике литья по восковой модели с последующей

подработкой резцом. С оборотной стороны бляшки, в области крупов оленей, имелись две плоские петли, расположенные под углом друг к другу.

Особенностью моделировки фигур оленей является широкое использование сквозных просветов: которыми обозначены глаз, ухо, ноздря, рот, разделка рогов животных. Ключовидную форму имеют просветы на плече и ягодице оленей; кроме того, они использованы в моделировке ног животных.

Просветы могли закрываться вставками из другого материала, например, цветных камней, с целью придания вещи большей декоративности - двух или многоцветности. Не исключен, однако, следующий вариант: бляшка с внутренней стороны покрывалась тонированной мастикой, которая после высыхания и шлифовки заполнив просветы, могла напоминать декоративный камень.

Возможно просветы ничем специально не закрывались, но благодаря тонировке основы, к которой прикреплялась бляшка, поверхности бляшки, создавалось впечатление полихромности изображения.

Аналогии бляшке, датируемые в пределах начала VII - VI вв. до н.э. происходят с Алтая и Минусинской котловины, позволяет отнести рассмотренную бляшку VII до н.э. Датировку подтверждают аналогичные золотые бляхи найденные, как выше отмечалось в могильнике Чиликты. Этому же времени датируются и остальные изделия из Жалаулинского клада, представляющего собой набор украшений парадного костюма представителя или представительницы сакской аристократии.

Памятники саков Приаралья.

Раннесакие памятники. К этому периоду относятся погребения в могильниках Южнй Тагискен и Уйгарак. В могильнике Южный Тагискен открыто около 50 курганов, из них раскопано 38, в Уйгараке — около 80, из них раскопано 70.

Могильник Южный Тагискен делится на два комплекса. Первый из них содержит 12 курганов, второй - южный 29. Девять курганов расположено на территории некрополя Северный Тагискен. Южный Тагискен датируется VII—V вв. до н. э. причем курганы V в. до н. э. группируются в самой южной части могильника, а более ранние — в северном его конце. Курганы могильника Уйгарак датируются VII— VI вв. до н. э.; курганы V в. единичны, сосредоточены в трех группах — восточной (около 30), центральной (27) и западной (21).

Погребения в Южном Тагискене и Уйгараке совершались на древнем горизонте и в грунтовых ямах по обряду трупоположения, есть — трупосожжения. Во всех случаях сверху насыпался курган. Сохранившаяся высота курганов 0,3-2 м, диаметр 10-40 м.

Судя по захоронениям с трупоположением, покойников, как правило, клали на камышовую подстилку вытянуто на спине, головой на запад или юго-запад, внутри легкой деревянной каркасной постройки, переплетенной прутьями и камышом. Следы постройки сохраняются в виде круглых

столбовых ямок с остатками сгнивших или сгоревших столбов. Характерно, что дневная поверхность вокруг погребальных сооружений часто бывает покрыта слоем хвороста и камыша. В плане эти постройки круглые, овальные, реже — прямоугольные. Обычно кольцо столбовых ям было одинарным, но внутри него располагалась как бы камера, образованная четырьмя столбами, стоявшими по углам прямоугольника или квадрата. Иногда кольцо столбовых ям было двойным.

Основную массу курганных захоронений Южного Тагискена и Уйгарака составляют погребения в крупных прямоугольных грунтовых ямах.

К первому, наиболее распространенному типу, относятся погребения в ямах размерами 2,7х2,3 - 4,5 х 3,7 м и глубиной 1-2 м, ориентированных в большинстве по оси восток—запад или восток—северо-восток—запад—юго-запад. Обычно погребальная яма имела поперечное перекрытие из деревянных балок. Поверх этой конструкции настилали слой камыша или мелких веток. Камышом устилали могильный выброс и древнюю дневную поверхность вокруг ямы, затем возводили курган. Иногда вокруг ямы, на некотором расстоянии от нее, шел неглубокий ровик (или его отрезки), также перекрытый слоем камыша. В Южном Тагискене чаще, чем в Уйгараке, встречаются следы ритуала, связанного с огнем. Нередко деревянный накат ямы поджигали, но при этом тут же заваливали землей насыпи, что приводило к неполному сгоранию. Погребенного огонь не затрагивал.

Погребение первого типа датируется VII-V вв. до н.э.

Погребение второго типа встречены только в Тагискене. Грунтовые прямоугольные ямы или камеры этих трех курганов были окружены невысокими валами. Насыпи курганов возводились в пределах кольца вала и в настоящее время практически не сохранились.

Все могилы были перекрыты деревянным накатом. Погребения второго типа датируются VI в. до н.э.

Погребальное сооружение третьего типа известны только в Уйгараке., где их раскопано 13. Большая часть расположено в западной курганной группе. Это сравнительно узкие прямоугольные, близкие к овоальным, грунтовые ямы размерами 1,75 X 1,4—3 X 1,63 м. Глубина их колеблется в пределах 0,62—1,35 м, встречаются и совсем мелкие могилы. Они бы ли перекрыты хворостом и камышом, лежавшим на основе из жердей. Погребения третьего типа датируются VII—VI в. до н. э.

Погребения четвертого типа известны в Тагискене и представлены богатыми захоронениями (раскопано шесть). Это были прямоугольные могильные ямы (2,5X3—3X3 м, глубина 2—2,5 м) ориентированные углами по сторонам света и имевшие с юго-восточной стороны длинный (5—12 дромос). Яма и ближайшая к ней часть дромоса обычно перекрыты деревом, которое нередко поджигали и тут же засыпали землей. В одном случае на дневной поверхности вокруг могилы видны следы кострищ. По углам вырыты ямы типа столбовых, а покойник лежит как бы на земляном «столе», отделенном от стен могилы канавкой. Во всех могилах были

трупоположения. Покойники хоронились головой на восток - северо-восток, вытянуто на спине, по диагонали ямы, в «позе всадника». Все "дромосные могилы" датируются V в. до н. э.

Устройство погребальных сооружений и некоторые элементы обряда в курганах Южного Тагискена и Уйгарака находят параллели в мавзолеях периода поздней бронзы Северного Тагискена.

Большинство погребений Южного Тагискена и Уйгарака ограблено, однако.

Как правило, во всех ограбленных захоронениях в непотревоженном состоянии сохранились лишь кости нижних конечностей, остальная часть костяка и череп обычно разбросаны или выброшены грабителями. Это заставляет думать, что наиболее ценные вещи помещали у головы, груди и рук погребенных. По-видимому, покойника клали в могилу в одежде и головном уборе, которые могли быть, украшены и обшиты мелкими бусинками и золотыми бляшками. В кургане 54 Тагискена (V в. до н. э.) обнаружены узорчатые накладки на пояс типа аппликации, вырезанные из золотой фольги. Во многих погребениях встречены бусы из сердолика, бирюзы, халцедона и других пород камня. В Уйгараке у женщин обнаружены браслеты, у мужчин — серьги. Бронзовые и железные ножи лежали как в мужских, так и в женских погребениях, у ног. Конская сбруя, имитировавшая, видимо, захоронение коня, встречена более чем в 100 погребениях, ее, в большинстве случаев, клали в ногах погребенных мужчин и женщин.

Керамика есть и в женских, и в мужских погребениях, но не во всех. Обычно это один лепной горшок, иногда два. Как правило, они стояли в ногах покойника.

Типичной принадлежностью мужского инвентаря является оружие: бронзовые наконечники стрел (иногда, видимо, в колчане, иногда просто пучок стрел), бронзовые и железные кинжалы, обычно сопровождаемые каменным оселком, железные длинные мечи. Один раз обнаружен биметаллический клевец.

В инвентаре женских погребений встречаются бронзовые дисковидные зеркала, каменные алтарики, плоские обработанные кости, на которых с помощью каменных терочников растирались румяна, кусочки реальгара и киновари (красящие вещества), а также хозяйственные предметы — зернотерки и пряслица.

Керамика VII—V вв. до н. э. представлен лепными сосудами. Они сделаны из глины с примесью шамота и мелких известковых частиц, имеют серый или коричневатый цвет поверхности, иногда покрыты жидкой глиняной облицовкой, на которой встречаются подтёки красной краски. По форме это чаши, миски, горшки, кружки, кувшины с ручками и без них, сосуды с трубчатым носиком. Все сосуды плоскодонные. Характерны также горшки типа банок, снабженные широким трубчатым носиком и кружки с ручкой, форма тулова которых варьирует от чашевидной до баночной.

Посуда, сделанная на гончарном круге, представлена пятью импортными сосудами, найденными в погребениях Уйгарака: светлоангобированные чаши, цилиндроконический сосуд покрытый желтовато-белым ангобом; биконический сосуд с резким перегибом при переходе к дну и сероглиняный кувшинчик с ручкой.

Для раннесакских погребений Приаралья характерны каменные алтарики или жертвенники, которые существовали на протяжении VII—V вв. до н. э. в двух типах: на ножках и без ножек. Жертвенники без ножек и по форме делятся на овальные и клювовидные. Около них в могилах нередко лежат гальки со следами краски, на самих жертвенниках встречаются пятна краски или кусочки красного реальгара, имитирующие огонь. Женские могилы с алтариками рассматриваются как погребения жриц, а находки в этой же группе захоронений зеркал имевших, видимо, и магическое значение.

Наиболее распространенным видом оружия у ранних саков Приаралья были лук и стрелы. Остатки луков не найдены, но наконечники стрел встречены во множестве. В могилах стрелы обычно лежали в колчане. В Тагискене, в одном из курганов V в. до н. э. обнаружены остатки колчана, где находилось примерно 50 стрел с древками длиной 70 см. Колчан был кожаным. Его нижний край украшен золотыми нашивными бляшками. Сверху он, по-видимому, имел клапан, застежкой которого служила золотая бляха. Колчан носили на левом боку, а стрелы в него, как правило, клали остриями вниз.

Костяные стрелы представлены двулопастым ромбическим в сечении лезвием и круглыми пулевидными втульчатыми. Оба типа датируются достаточно широко, однако здесь они встречены в ранних комплексах, в погребениях на древнем горизонте, вместе с бронзовыми втульчатыми и черешковыми наконечниками VII в. до н. э.

Для курганов VII—VI вв. до н. э. типично сочетание втульчатых и черешковых металлических наконечников. В VI в. до н. э., возможно в его начале, появляются втульчатые трехперые наконечники скифского типа. На всем протяжении VI в. до н. э. продолжают бытовать трехгранные втульчатые и черешковые наконечники. Втульчатые трехлопастные, приобретают более массивную форму, и трехгранные наконечники постепенно, к V в. до н. э., вытесняют черешковые.

Выделяются два типа кинжалов. Один - бронзовый, с грибовидным навершием и валиком под ним, с перекрестьем в виде полукруглых асимметричных выступов и клиновидным обоюдоострым клинком железный, сохранился неполностью, но бесспорно принадлежит к распространенному типу кинжалов с бабочковидным перекрестьем, датирующихся VI в. до н. э.

С «Савроматским миром», его влиянием, а может быть, и непосредственными заимствованиями следует связывать находки длинных железных мечей в курганах V в. до н. э. Один из них имел длину 1,25 м, брусковидное или овальное навершие и бабочковидное перекрестье. Он лежал в деревянных ножнах, поверх которых была обкладка из золотой

фольги. На ней, в области перекрестья, вытеснена голова архара. В средней части клинка — фантастические животные, более всего походящие на волков. Рукоять еще одного железного меча (длина 1,1 м) имела два боковых валика, почковидное перекрестье и, очевидно, когтевидное навершие. Ножны до нас не дошли, но обломок прямоугольной золотой пластины с тисненным изображением в зверином стиле может быть фрагментом их обкладки.

Отличительной особенностью раннесакской конской узды считается преобладание в ее составе удила со стремевидным окончанием.

Наиболее ранней формой конской узды из Южного Тагискена и Уйгарака следует считать роговые трехдырчатые псалии, сочетающиеся со стремевидными бронзовыми удилами.

Еще один этап развития конской узды — появление стремевидных удила со стремечком прямоугольной формы. Они уже не скреплялись с псалиями с помощью ремня, пропущенного через среднее отверстие, а продевались в широкое прямоугольное отверстие или скобу.

На предметах конского убора, золотых нашивных бляшках и золотых обкладках изображены олень, сайга, лошадь, горный козел, кабан, лев, барс или пантера, хищная птица, верблюд. Все эти предметы местного изготовления. Манера, в которой выполнены изображения, вводит саков Приаралья в мир скифо-сибирского звериного стиля, причем и здесь выявляются черты единства, с одной стороны, и местного своеобразия с другой.

В искусстве саков Приаралья одним из наиболее частых является образ льва. Самые ранние из находок (VII—VI вв. до н. э.) это четыре тисненные пластинки в виде сидящих львов.

Популярный в скифо-сибирском искусстве образ хищной птицы нашел отражение и в искусстве саков низовий Сырдарьи. Как правило, изображалась лишь птичья голова, выполненная с большей или меньшей степенью стилизации.

Популярный в «скифском мире» мотив коня, встречен на отдельных предметах. Особое внимание обращают на себя две бронзовые бляхи: геральдически поставленные лошадиные головы с кнопкой-крючком в виде лошадиного копыта на одной из них.

Изображены два оленя с подогнутыми ногами, на фоне более крупной фигуры кошачьего хищника.

Широко известные в культурах «скифского мира» изображения горного козла и кабана тоже встречены в искусстве саков Приаралья и, как и изображения головки верблюда, могут быть отнесены к местным мотивам. В искусстве звериного стиля нередко образы фантастических животных, изображения которых обычно сочетают детали, характерные для различных представителей животного мира. Великолепный образец такого искусства дает фрагмент золотой обкладки деревянных ножен железного меча из Южного Тагискена. Изображены два припавших к земле фантастических зверя, лежавших друг за другом. Крупы и хвост с характерным завитком напоминает животных из семейства кошачьих, голова похожа на лошадиную,

а пасть с оскалом зубов — на волчью. На плечи нанесен орнамент в виде треугольников.

В комплексах Южного Тагискена и Уйгарака отчетливо прослеживаются связи сакского мира с южносреднеазиатским и переднеазиатским (образы льва и пантеры в изобразительном искусстве, импортная керамика, бусы). Находки из раннесакских памятников восточного Приаралья подтверждают мнение, о переднеазиатском происхождении некоторых изображений, обнаруженных в савроматских памятниках, и о посредничестве Средней Азии в их передаче.

Отмечается близость культур ранних саков Приаралья, Центрального и Северного Казахстана и Семиречья.

Сакские материалы, полученные в результате исследования памятников в Приаралье в бассейне средней Жаныдарьи, охватывают период от конца V - рубежа V-IV вв. до н. э. до II в. до н. э. и по ряду существенных признаков (тип расселения, керамический комплекс, погребальный обряд и сооружения) объединяются в одну компактную группу, названную чирикратской культурой, названной так по городищу Чирик-Рабат.

Это шесть укрепленных поселений (Чирик-Рабат, Бабиш-Мулла, Баланды, Кабулкала (Чагырлы), Чирик 3 и Сенгиркала) и около 200 неукрепленных, большая часть которых связана с зоной ирригационных сооружений. Известно более двух десятков наземных погребальных сооружений, небольшое количество курганных насыпей, два грунтовых могильника и несколько ремесленных комплексов - обжигательные печи, производство и обжиг лепных статуэток. Из всех перечисленных памятников лишь немногие подверглись раскопкам.

Памятники IV—II вв. до н. э. на Жаныдарье сложились на базе культуры сакских племен низовьев Сырдарьи предшествующего времени (могильники Уйгарак, Южный Тагискен) и сильного культурного влияния земледельческих оазисов юга Средней Азии, которое проявляется в приемах строительной^ техники, особенностях архитектуры, формах гончарной керамики.

Несмотря на то что южные влияния придали культуре сакских племен IV-II вв. до н.э. в низовьях Сырдарьи новый облик, преемственность ее по отношению к ранним сакским памятникам прослеживается не только в керамике, но и в погребальном обряде.

Топография памятников чирикратской культуры показывает, что расселение племен шло оазисами, располагавшимися в зоне ирригационных систем. Крупные оросительные сооружения типа магистральных каналов были довольно редки. Очевидно, большое значение имело использование па-водков, когда вода собиралась в водохранилища, созданные в руслах-старицах. Общая площадь оазисов очень различна. Так, один из самых крупных - Бабишмуллинский - достигал 10 тыс. га, а Баландинский - около 150-200 га.

Городище Чирик-Рабат расположено на возвышенности, на берегу Жаны-дарьи. Овальное в плане, оно занимает всю поверхность холма

(850х600 м). Древнейшая крепость (IV—II вв. до н. э.), площадью свыше 40 га, была окружена двойным поясом укреплений. К этому же времени относится прямоугольное укрепление в центральной части. Южная часть памятника отсекается стеной времени средневековья, в которую был включен и древний круглый мавзолей. Тогда же была сооружена и более поздняя прямоугольная цитадель. Городище было окружено рвом (ширина около 40 м, глубина более 4 м от основания стен). В древней крепостной стене (толщина 4,5 м) расположена стрелковая галерея (ширина 1,8 м). Стена усилена башнями прямоугольных очертаний, выступающими за ее плоскость на 6 м. Башни, как и стена, имели стреловидные бойницы одинаковой высоты на входе и выход. Бойницы располагались на одном уровне. Жилые слои на городище вскрывались лишь в небольшом раскопе в южной части памятника, вблизи внутренней оборонительной стены. Общая мощность культурного слоя более 2 м, верхние напластования относятся к XII—XIII вв., а нижние — к IV- II вв. до н. э.

Наиболее древняя группа памятников на территории городища включает шесть земляных курганов, четыре из которых находятся в пределах центрального прямоугольного укрепления. Раскопан один курган. На городище вскрыты также два погребальных здания.

Первоначально Чирик-Рабат скорее всего был укрепленным городищем-убежищем местных племен, на территории которого располагались погребения вождов, вначале в курганах и в мавзолеях.

На другом берегу Жаныдарьи открыто укрепленное поселение *Чирик 3*, в плане прямоугольное (108х122 м) со скругленными углами. Местами на высоту около 1,5 м сохранились остатки крепостной стены (ширина чуть более 3 м) со стреловидными бойницами.

В Бабишмуллинском оазисе находятся городище *Бабиш-Мулла 1* и *мавзолей Бабиш-Мулла 2*. Городище укрепленное, неправильных очертаний, обнесено крепостными стенами. В северной части выделяется квадратная «цитадель» размерами 100х100 м.

В центре «цитадели» расположены развалины квадратного здания (44х44 м), получившего название «Большой дом». Здание было окружено пахсовой стеной с бойницами. Здание делилось на две половины коридорообразными помещениями. Раскопаны северо-восточная часть здания и часть примыкающего к нему с юга двора или зала. Стратиграфически в «Большом доме» выделено три периода.

На городище полностью раскопан объект, получивший название «донжон». Это мощное (30х30 м) предвратное укрепление, расположенное близ юго-западного угла «цитадели». Стены его сохранились на высоту 4—5 м, внутри массива оказались заложённые сводчатые помещения первого этажа. При раскопках «донжона» выявлено тоже три строительных периода. Поскольку сводчатые помещения были жилыми, раскопки их дали археологический комплекс, на основании которого выделяется ранний период чирикрабатской культуры.

С поздним периодом существования городища связано и сооружение пристройки с южной стороны памятника. Она обнесена мощной крепостной стеной с полукруглыми, выступающими за линию стены башнями, стены которых прорезали стреловидные бойницы. Застройка в этой части памятника прослежена в основном в его юго-западной части, где обнаружены остатки отдельно стоящего сырцового здания, возможно полуземлянки, или крупные ямы с остатками производства глиняных плохо обожженных грубых статуэток и шариков. Вдоль крепостных стен находился ряд помещений с каркасно-столбовой конструкцией стен.

Центральный комплекс Баланды включает три памятника: небольшую крепость Баланды 1, прилегающее к ней поселение и два погребальных сооружения — Баланды 2 и 3. J

Баланды 1 - прямоугольное в плане укрепление (80x130 м), окруженное стенами из сырцового кирпича, сохранившимися местами на высоту до 3 м. По углам и вдоль длинных стен расположены полукруглые башни со стреловидными бойницами. Вход в укрепление находился, очевидно, в северо-западной стене. На памятнике были проведены небольшие разведочные раскопки, позволившие заключить, что Баланды 1 «большой укрепленный дом», в комплексе которого было несколько парадных, украшенных цветной штукатуркой помещений.

По керамическому материалу памятник относится ко второму этапу существования чирикратской культуры.

Планировка «большого дома» Бабиш-Муллы 1 отличается осевой анфиладой помещений, начинавшихся от входа, обрамленного двумя массивными башенками. Вскрытая часть планировки в восточной половине дома дает основание считать, что здесь строился большой парадный комплекс для приемов или особых церемоний. Принцип планировки этого комплекса характерен для ахеменидской архитектуры.

Представляется, что и постройку «большого дома» Бабиш-Муллы 1 можно рассматривать в ряду позднеахеменидских сатрапских резиденций, строительство которых было предпринято в самых северных сатрапиях Ахеменидской державы незадолго до ее крушения. Только с включением территории низовьев Сырдарьи в состав Ахеменидской державы можно связывать появление здесь в IV в. до н. э. монументальных сырцовых построек, гончарного комплекса керамики, находящего себе аналогии в южных районах Средней Азии (Согд, Парфия и, возможно, Бактрия), окраинных земледельческих областях державы Ахеменидов на востоке. Таким образом, археологический материал позволяет предположительно локализовать одну из поздних сатрапий Ахеменидского государства на крайнем северо-востоке его владений, на землях полuosедлых скотоводов в древней дельте Сырдарьи.

Строительство монументальных зданий и крепостных сооружений на Жаныдарье велось скорее всего с помощью мастеров и ремесленников из южных районов Средней Азии. Аналогичная картина фиксируется и по керамическим материалам.

Монументальным постройкам и укрепленным поселениям чирикратской культуры в низовьях Сырдарьи предшествовали постоянные или временные поселения сакских племен, где нет следов сырцовых построек. В сложных и многообразных погребальных памятниках чирикратской культуры также прослеживается известный синкретизм местных традиций и внешних влияний. Все они делятся на две группы: грунтовые погребения и наземные мавзолеи. Однако в обеих группах исследовано лишь незначительное количество из ныне известных памятников.

Наиболее ранние из них представлены большими курганами, расположенными на городище Чирик-Рабат. Один курган раскопан. Под насыпью его (диаметр 60 м, высота 3,5 м), в материковом грунте, обнаружена большая, почти квадратная (7,5х7,2 м, глубина 2,5 м) погребальная камера с длинным (16,5 м) и узким (0,9 м) дромосом с южной стороны. Дно дромоса, куда вели шесть крутых широких ступеней, находилось на 0,5 м выше дна камеры. Стены всего сооружения были покрыты тонким слоем глиняной обмазки с побелкой. Дромос и погребальная камера были перекрыты настилом из шести слоев камыша. Курган был разграблен еще в древности, и человеческие кости не сохранились. Среди остатков инвентаря - фрагменты двух гончарных кувшинов и лепной посуды, небольшая поделка из золота, бронзовый втульчатый трехперый наконечник стрелы и железный меч (длина 85 см) с массивным широким лезвием, плоской рукоятью, вероятно, бабочковидным перекрестьем и овальным навершием.

Рядовые захоронения в курганах располагались скорее всего вне поселений, но земляные насыпи их не сохранились. Очевидно, свидетельством тому является погребение, раскопанное, в могильнике *Баланды 4*. Само погребение было сильно размыто. Сохранилась лишь нижняя часть могильной ямы на глубину 40 см, представлявшей собой овал (5,3 X 3,8 м), вытянутый с юго-востока на северо-запад. В южной стенке могильной ямы замечены следы ступенек, возможно, от дромоса. В яме находилось семь погребенных, ориентированных головами на юго-восток. Все они лежали на спине, с вытянутыми руками и ногами, лишь у одного ноги были раскинуты ромбом. Погребальный инвентарь состоял из 11 глиняных сосудов, железного кинжала, ножей, трех бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел, бронзовых спиралевидных колец, стеклянных бус и подвесок. Из 11 сосудов лишь два изготовлены на гончарном круге — красноангобированный кувшин и чаша с белым ангобом, остальные относятся к керамике домашней выделки кострового обжига: восемь сероангобированных горшков и одна красноангобированная чаша.

Еще один тип грунтовых захоронений — *погребальное сооружение*, раскопанное в 800 м к северу от Бабйш-Муллы 2. Оно расположено на небольшой естественной возвышенности (2,7 м над уровнем современного такыра) и представляет собой квадратную в плане (такырную) площадку (5,5х5,5 м) со ступенчатыми краями, постепенно спускавшимися в вырытые

со всех сторон неглубокие (ширина до 2,5 м и глубина от уровня площадки 1,3 м) рвы. Площадка, ориентированная углами по сторонам света, была сооружена так, что две стороны ее параллельны каналу, проходящему с северо-востока от нее.

На верхних ступеньках (ширина 70-75 см) около углов площадки и у середины сторон сохранилось шесть крупных горшкообразных лепных сосудов кострового обжига, в которых лежали детские костяки. На второй ступени вскрыто три захоронения в ямах. Первое погребение, расположенное в 1,5 м к северо-западу от площадки принадлежало взрослому человеку, положенном в могилу скорченно, головой на юго-запад. Два других, находившихся в 70-75 см от площадки содержали захоронения взрослого и подростка. Оба погребенных были вытянуты на спине, один обращен головой на северо-запад, другой — на юго-восток. Рядом с головой подростка сохранился кувшиновидный красноглиняный гончарный сосудик. В заполнении рвов найдены два бронзовых итульчатых трехлопастных наконечника стрел, обломки каменных курильниц.

Вторую группу погребальных памятников чирикрабатской культуры составляют наземные мавзолеи. Известно более двух десятков этих сооружений. Расположены они друг от друга и на расстоянии от поселений 0,5-10 км.

По внешнему виду их можно разделить на типа: квадратные и круглые в плане.

Сооружение *Бабиш-Мулла 2* представляет собой монументальное погребальное здание размерами 21х21 м, высотой до 7 м. В основании его цоколь (30х30 м, высота 3,5 м) из шести рядов пахсовых блоков. Планировка здания симметрична - два пересекающихся сводчатых коридора ограничивают угловые погребальные камеры, перекрытые сводами. У торцов коридоров расположены помещения типа айванов, связанные с коридорами арочными проходами и в свою очередь открывавшиеся, вероятно, в обводной коридор, следы которого обнаружены на северном склоне памятника. Стены помещений были покрыты алебастровой штукатуркой. Погребения по "обряду труповывставления" совершались прямо на полу или суфах, возможно, на погребальных носилках или помостах. Умерших сопровождал богатый инвентарь. Даже после древнего ограбления остались золотые бляшки, серьги, бусы (золотые и каменные). Керамический комплекс, обнаруженный в мавзолее, аналогичен керамике городища и синхронен материалам его второго (а отчасти и первого) строительного периода. Среди керамики мавзолея было несколько фрагментов глиняных оссуариев или гробов с налепными валиками и пальцевыми защипами под краем.

Наиболее ранним среди круглых погребальных сооружений является здание (диаметр 38,5 м, сохранившаяся высота 8,5 м), расположенное в юго-восточной части городища Чирик-Рабат. Внутреннее пространство его разделено на четыре квадратных (каждое 5,9 X 5,9 м) помещения двумя пересекающимися в центре стенами (толщина 3 м), ориентированными по сторонам света. Северные помещения обособлены, но соединены с южными

проходами, сдвинутыми к центру здания. В юго-восточное помещение вел с юга 10-метровый входной коридор. В толще внешней стены на высоте 7,25 м шел квадратный в плане коридорчик (ширина 0,5 м), каждая сторона которого имела по два прямоугольных расширения (4х1,3 м), откуда узенькие проходы выводили в небольшие камеры. Под зданием возведен небольшой цоколь, полы помещений подстилались кирпичной выкладкой, а в узком входном коридоре был пандус. Вдоль стен помещений тянулись широкие и высокие" суфы, на которые и были положены тела умерших в сопровождении богатого инвентаря. Затем было совершено трупосожжение.

Основная масса круглых в плане мавзолеев представляет собой постройки (диаметр 15—20 м), возведенные из пахсовых блоков и прямоугольных сырцовых кирпичей (преобладающий стандарт 50х 30х12 см) и сохранившиеся в высоту на 3-5,5 м от уровня современной поверхности.

Исследования мавзолеев показали, что значительная часть их подвергалась внутренней перестройке и все они многократно использовались для захоронений, причем иногда в одних и тех же мавзолеях производились и кремация, и трупоположение в деревянных гробах, на носилках или циновках.

Среди круглых в плане погребальных сооружений выделяется купольный мавзолей *Баланды 2* (диаметр 16 м, сохранившаяся высота 4,5 м). Вход в него расположен в южной части здания и оформлен в виде намечающегося портала с арочным перекрытием. Центральное круглое (диаметр 5,5 м) помещение, перекрытое ложным куполом, заключено в обвод анфилады из семи сводчатых помещений, разделенных на две части. Внешняя поверхность стен здания обработана 25 выступающими треугольными "лопатками." Мавзолей был ограблен еще в древности, поэтому сохранились лишь остатки погребального инвентаря, керамический комплекс (в основном из расклинок сводов) и фрагменты деревянных гробов или носилок.

Исследование мавзолеев чирикратской культуры дает возможность считать, что среди основной их массы, вероятно, к наиболее ранним относятся сооружения с обходным коридором, где первоначально происходило горение.

Общая датировка памятников чирикратской культуры в пределах IV-II вв. до н.э.

По аналогиям в материалах сарматской культуры (особенно в близких территориально памятниках Южного Приуралья) предметам вооружения для начала раннего этапа может быть предложена дата рубеж V—IV вв.

Керамика Чирикратской культуры представлена горшками, котлами, чашами, мисками.

Следует отметить горшковидные сосуды с цилиндрическими сливами.

Котлообразные сосуды встречаются гораздо реже чем горшки.

Широко открытые миски с плавно округлыми станками и утонченным краем.

Часть лепных сосудов украшены орнаментом. Он представлен прочерченными, волнистыми, зигзагообразными или угловыми узорами на плечиках и тулове сосудов, иногда дополненными точечными вдавлениями, а также насечками.

Сосуды ремесленного производства изготовлены на гончарном круге быстрого вращения из хорошо промешенной и отмученной глины. Они имеют ровный обжиг и покрыты жидким беловатым или красно-коричневым ангобом.

По назначению и формам гончарной керамики выделяются хумы, хумчи, крупные горшковидные или корчаговидные сосуды, горшки, котлообразные сосуды, кувшины, фляги, миски, чаши.

Основная масса сосудов рассмотренного вида лишена орнамента. Лишь незначительная их часть украшена валиком с насечками, опоясывающим сосуд ниже венчика, насечками по венчику или пальцевыми вдавлениями по наружной стороне венчика.

Очень небольшую группу гончарной керамики составляют невысокие приземистые красноангобированные горшки с характерной плавной биконической формой тулова.

Самая распространенная форма гончарной посуды-горшки с яйцевидным туловом.

Немногочисленной серией в гончарной керамике представлены крупные красноглиняные фляги.

Миски покрывались красным или красно-коричневым ангобом.

Сравнение гончарной керамики чирикратской культуры с материалами других среднеазиатских районов выявляет необычайную близость ее особенно с древнепарфянской и согдийской.

Сходство чирикратской и согдийской керамики разрешает предположить общность ее происхождения и вероятность существования единого «центра», находившегося в позднеахеменидский период, возможно, на территории Парфии или Бактрии.

Оружие представлено ограниченным количеством предметов, так как в рядовых мавзолеях его практически нет, а богатые разграблены. Наиболее массовой категорией находок этой группы являются наконечники стрел. Преобладают трехлопастные и трехгранные стрелы с выступающей и скрытой втулкой.

Единственный меч, найденный в кургане на городище Чирик-Рабат, датирован рубежом V – IV в. до н.э.

Плохой сохранности кинжал обнаружен вместе с фрагментами пластинчатого железного доспеха в круглом погребальном здании на Чирик-Рабате.

Из предметов конского снаряжения встречены лишь один целый двудырчатый роговой псалий.

Наиболее полно комплекс **украшений** представлен в погребальных сооружениях, особенно в мавзолеях Бабиш-Муллы 2, Чирик 2, круглом и квадратном мавзолеях Чирик-Рабата. Здесь были найдены золотые,

серебряные и бронзовые бляшки, серьги, подвески, перстни, колокольчики, и халцедоновая ахеменидская печать. Особенно разнообразен и многочислен набор всевозможных бус: из стекла (крупные синие бусы с белыми глазками); такие же, обведенные красными ободками; мелкий синий бисер; подвески; бусы из стекла с внутренней позолотой, золота (массивные бусы с зернью; кости (бусины и подвески-пронизы цилиндрической и усеченноконической формы; камня (яшма, гагат, сердолик, янтарь, ляпис-лазурь, халцедон.

Дошедшие предметы туалета чирикратской культуры представлены костяными и бронзовыми туалетными ложечками, обломками деревянных точеных сосудов.

Особый интерес представляет набор костяных орнаментированных пластин и выточенных из слоновой кости небольших наверший и столбиков с глубокими кольцевыми пропилами, заполненными синей пастой. Все эти костяные детали украшали деревянную парадную шкатулку с усеченноконической крышкой. Деревянные плоскости стенок шкатулки имели роспись (сохранились пятна алого цвета и следы позолоты) и были обложены с обеих сторон слюдой.

Для отождествления носителей чирикратской культуры с одним из известных по письменным источникам племен или народов существенное значение имеет не только географическое положение памятников этой культуры, но и ряд выводов, которые можно сделать на основании их изучения. Во-первых, преемственность чирикратского археологического комплекса по отношению к культуре саков низовьев Сырдарьи (Уйгарак, Южный Тагискен), что предполагает, по крайней мере, значительное этническое единство населения с VII до II в. до н. э. на этой территории. Во-вторых.

Можно с достаточным основанием предложить отождествление комплекса чирикратской культуры с даями (дахами) или по мнению С.П.Толстова с апасиакими.

Савроматские памятники Они расположены в Западном Казахстане. Памятники исследовались Г.А.Кушаевым, а в настоящее время изучаются А.А.Бейсембаевым, С.Ю.Гуцаловым.

К памятникам 1-го периода отнесены следующие курганы и погребения в них:

В могильниках Кос-Оба — курган № 16 захоронения в погребениях — II, IV,-V; Мамай-1 — курган № 6 — погребение; Донголек — курган № 6, погребение II и III, а в кургане № 8 — погребение III и IV; Сакрыл I, у озера Рыбное, в курганах № 13, погребение I; Сакрыл II, курган № 2, погребение I и Сакрыл III, курган № 7 — погребение I; Бубенцы I — курган № 9, погребение III; Шайтан Оба, курган № 1 — погребение I, II, и, наконец, Калмак-Чабан, курган № 2, — погребение III.

На левобережье р. Урал к середине 1-го тысячелетия до н. э. отнесены следующие курганы и захоронения в них; Чалкар III, к. 5, погребение 1; могильник Чалкар V, курган 4; могильник Барбастау III, курган 16 — погребение I и II; Алебастрово I.

Могильные ямы прямоугольные, больших размеров.

Лишь в одном погребении I могильная яма оказалась овальной (Алебастрово I, курган 18 с западной ориентировкой скелета); одно оказалось в большой овальной яме с высоким и широким подбоем под южной стеной ямы.

В погребениях встречены сосуды – горшки с округлым дном, иногда со сливом и плоским дном. Встречаются бронзовые котлы на коническом поддоне или жертвенные столики. Характерными являются коллективность захоронения, наличие костей лошади, предметов импортного производства. Ярким признаком памятников этого круга являются находки предметов прикладного искусства, выполненные в «зверином стиле».

Курган № 4 в могильнике Чалкар III имел диаметр насыпи 24 м и высоту 0,8 м. Могильная яма была ориентирована с востока на запад и имела длину 3,6 м, а ширину с юга на север 2,35 м, на краях её остатки дерева, перекрывавшие её с юга на север. На глубине 35 м было обнаружено парное захоронение: восточный скелет был ориентирован головой на северо-восток. Он лежал в вытянутом положении, кости рук вдоль туловища, кости ног вытянуты прямо. Западный скелет лежал головой на юго-запад. Восточный скелет, по-видимому, женский, а западный мужской. Слева от западного скелета, между костями руки и грудной клетки обнаружен железный нож с притуплённой спинкой. Длина сохранившейся части ножи 10 см. На поясе скелета найдена железная, круглой формы, а справа аналогичная бронзовая пряжка. Под правой бедренной костью скелета лежал точильный камень длиной 15,5 см. На тазе и в 20 см от него находился набор из 19 трехгранных и трехлопастных втульчатых бронзовых наконечников стрел.

При расчистке площади, где лежали захоронения, обнаружен массивный бронзовый крючок колчана, а рядом керамическое плоское напярсло.

Начиная с 2002 г. сотрудниками Западно-Казахстанской археологической экспедиции Центра археологии и истории были проведены исследования на территории Уральского левобережья.

Основными объектами изучения экспедиции стали курганные некрополи Кырык-Оба II и Лебедевка II.

Лебедевский могильник, расположенный на крайнем востоке Западно-Казахстанской области.

На обширном плато Есен-Амантау, растянувшемся на несколько километров от пос. Егендыкстау на юге и до с. Лебедевка на севере, кочевниками были воздвигнуты сотни курганов. Лебедевские курганы привлекли внимание археологов в конце 60-х гг. XX века, когда в ходе раскопок краеведа Г.И. Багрикова были вскрыты богатые погребения кочевой знати, относящиеся к началу I тыс. н.э.

На возвышенной части плато располагались самые крупные курганы высотой до 2,5 м, диаметр более 25 м.

Курганы первой группы имеют размеры около 20 м в диаметре и до 0,6 м в высоту. В них были устроены погребения в прямоугольных ямах длиной около 2,5 м и шириной - 1,5 м. В качестве заупокойной пищи в могилы укладывалось мясо овцы (передняя нога с грудинкой). Покойники лежали на войлоке или тростнике. Судя по сопровождающему инвентарю (железный кинжал-акинак, кожаный колчан и в нем стрелы с бронзовыми, иногда железными или костяными наконечниками) большинство рядовых кочевников были воинами.

Курганы 2-й группы имеют размеры: диаметр от 25 до 40 м, высота - 1,5-2,5 м.

Удалось реконструировать ритуал захоронения и конструкцию погребальных сооружений.

Каждое из них представляло собой сложную архитектурную конструкцию, основой которой являлся вал, окружающий прямоугольную или квадратную площадку размерами от 8 x 16 до 15 x 15 м. Вал был сложен из глиняных блоков. Внутренняя часть площадки, оконтуренная валом, имела ровную поверхность и была выложена корой хвойного дерева и берестой. В восточной стороне вала наблюдается разрыв - вход.

В одном из курганов (№ 9) в южном углу площадки на настиле у края могильной ямы было совершено захоронение взнузданного коня. Лошадь была положена с подогнутыми в коленных суставах ногами. Фрагменты черепа еще одного коня были обнаружены среди деревянного перекрытия могилы. В могиле было похоронено не менее пяти детей. Подростков сопровождали ритуальные гальки и остатки богатого инвентаря. Найдена золотая височная серьга, с прикрепленной к ней проволоочной петлей с "косичковидной" цепочкой и с ребристыми ромбическими подвесками. Кроме того, в одном из погребений кургана № 8 найдена серебряная трубочка от нагайки. Все это говорит о высоком социальном статусе людей, погребенных в курганах.

При раскопках кургана, *могильника Лебедевка III* во всей центральной части кургана наблюдались слои прокаленной почвы, под ними – угольные прослойки. Угольный слой является остатком сгоревшей деревянной конструкции, располагавшейся по центру и имевшей диаметр около 30 м.

В центре кургана на уровне была древней дневной поверхности обнаружена могильная яма прямоугольной формы размерами 6,4 x 7,6 м, ориентированная она длинной осью с запада на восток. В верхних слоях заполнения ямы найден обломок каменного алтарика. На глубине были зафиксированы остатки двух погребений.

Погребение 1 находилось в центральной части могилы. Западнее костей правой руки были обнаружены бронзовые наконечники стрел, справа от локтя лежали железный умбон и бронзовая накладка. К востоку от данного скелета, у стенки ямы обнаружено костяное изделие в виде морды волка с двумя железными шпеньками внутри него.

Погребение 2 представляло собой скопление костей скелета взрослого человека, располагавшееся в западной части могилы. Вокруг костей находились бронзовые наконечники стрел. Большая их часть была сосредоточена к юго-востоку от останков. В 40 см к югу от них был найден небольшой железный нож.

Самый крупным в группе и одновременно лучше всех сохранившимся оказался курган № 6.

Курган имел размеры: диаметр - 30 м, высота - 2,25 м и занимал в цепочке центральное место. Погребальное сооружение реконструируется как земляной склеп, состоявший из двух помещений - внешнего, стены которого возводились по краю погребальной площадки и внутреннего, построенного у среза могильной ямы. Причем, во втором случае стены из кирпича-сырца возводили прямо на деревянном помосте. Размер склепа, по форме близкой к квадрату размерами 22 х 24 м. Внутренняя часть склепа имела размеры 17 х 17 м. и была полностью перекрыта слоем хвойной и или березовой коры, накрытый сверху тростником и берестой. В центре настила, под корой были расчищены березовые бревна, которые закрывали могильную яму, располагавшуюся в центре кургана. Склеп окружал вал прямоугольной формы, ориентированный длинной осью с севера на юг. Судя по развалам стен, которые хорошо прослеживались в плане и на профилях, вал являлся основанием, на которое сверху укладывались массивные глиняные блоки чередующиеся с тонкими слоями желтой глины. Ширина вала колебалась в пределах от 1 до 4 м.

Могила размерами 4,2 х 4,6 м и глубиной 3,8 м на уровне дна имела прямоугольную форму, пол погребальной камеры был застелен видимо войлоком. В центре ямы прослежен плохо сохранившийся скелет, предположительно женщины, лежавший на спине головой на запад. Руки были вытянуты вдоль туловища. Сверху скелет был накрыт тростниковой циновкой.

В погребении находился богатый инвентарь. За черепом найдены остатки богатого головного убора - скопление нашивных золотых бляшек, имевшее конусовидную форму. Среди них попадались пластинки в виде головы оленя с двумя петлями на оборотной стороне, а также бусины различного цвета и формы. У покойницы было множество украшений: на шее находилось ожерелье из стеклянных бусин и золотых бляшек круглой формы; на груди - ожерелье из 9 золотых бусин грушевидной, формы; у висков - две золотые подвески, состоящие из проволочной петли, "косичковидной" цепочки длиной около 20 см с кольцом на конце, к которому прикреплены две цепочки длиной 13 см с припаянными 24 шариками. В конце цепочки находится полусферическая бляшка диаметром 1,8 см с нанесенным на ней геометрическим рисунком. Снизу к сфере крепятся 5 ромбовидных, подвесок длиной 2,2 см, на концах которых припаяно по три зернышка. Подол платья и обувь, вероятно, были расшиты бусинами.

Слева от черепа лежало бронзовое зеркало с рукоятью, прикрепленной к плоскому диску при помощи трех бронзовых заклепок. На конце рукояти изображены кабан и грифон, у места ее припая к диску - голова грифона. Справа от черепа находился стеклянный сосудик темно-синего цвета. Тулово его украшено орнаментом в виде семи чередующихся белых и коричневых волнистых линий. Еще один стеклянный сосудик лежал слева от костей таза. Рядом с ним было рассыпано краска темного цвета с блестящими вкраплениями перламутра. Здесь же, находились раковины, одна из которых была заполнена краской красного цвета, рядом с ними - овальная галька светло-коричневого цвета. В ногах стоял керамический ритуальный сосудик биконической формы.

Справа от скелета, напротив грудных позвонков, лежал каменный оселок. Рядом с оселком найдено глиняное пряслице биконической формы.

Вторым объектом раскопок стала *курганная группа Кырык-Оба II*.

Всего в группе Кырык-Оба II насчитывается двадцать шесть курганов, вытянутых цепочкой с запада на восток на 5 км.

Курган № 16. имел диаметр 29 м, высоту - 1,2 м. В результате раскопок удалось проследить сложную архитектурную конструкцию. По периметру на погребенной почве был насыпан глиняный кольцевой вал диаметром 38 м, шириной до 4 м и высотой 0,5 м. В южной части он имел разрыв-проход к могильной яме, прямоугольной формы с закругленными углами: длиной 7,4 м, шириной - 5,3 м. Длинными стенками могила была ориентирована с севера на юг. Ход в могилу (дромос) начинался у южной подошвы кургана. Он имел длину около 14 м, ширину - до 1 м. при глубине 1,5 - 1,8 м.

Над могилой был возведен склеп квадратной формы размерами 11 x 11 м. Стены выкладывались в 4 кирпича. Их руины сохранились на высоту до 0,9 м. Ширина стен составляла 1 м. В результате сожжения большая часть склепа рухнула в могильную яму. Часть кирпичной кладки, не успев обгореть, обрушилась на внешнюю сторону к периферии кургана на глиняный вал. Пространство внутри склепа было покрыто тростником.

Неподалеку от входа в могилу был привязан к столбовой коновязи, и затем, вероятно, убит верховой конь, здесь обнаружено массивное бронзовое подпружное кольцо, а напротив скелета лошади, на дне дромоса лежал бронзовый псалий с окончанием в виде головки грифона. Лошадь была положена подогнутыми ногами, мордой на север.

Возможно, на западной стенке погребального сооружения была подвешена конская уздечка, от которой сохранились металлические предметы: бронзовый двудырчатый псалий с окончанием в виде лошади, а также фрагмент железных удиц.

Могила была ограблена в древности. На дне ее встречались разрозненные фрагменты костей скелета и инвентарь: железный нож, лепной сосуд, остатки деревянных ритуальных сосудов с золотыми и серебряными оковками.

Все погребения, описание которых приведено выше, относятся к концу VI - середине V вв. до н.э. В плане датировки исследованных памятников

показательно вооружение. Некоторые из наконечников стрел датируются VII-VI вв. до н.э. Однако, в колчанах преобладают трехлопастные бронзовые наконечники типичные для V в. до н.э. Железные мечи с брусковидными наконечниками и бабочковидными перекрестиями, плоскодонные лепные горшки появляются в приуральских степях в конце VI в. до н.э. и получают широкое распространение в V в. до н.э. Характерны для указанного времени и предметы конской упряжи, украшенные в зверином стиле. Остальной вещевой материал, встреченный в могильниках Кырык-Оба II и Лебедевка II (стеклянные бусы, золотые подвески и нашивные бляшки) не противоречит вышеназванной дате.

Наиболее яркие и выразительные археологические комплексы Западного Казахстана, связываемые с историческими савроматами, локализуются в бассейне среднего течения р. Илек. Подавляющее большинство курганов на Илеке относится к периоду расцвета этой культуры к концу VI-V вв. до н.э.

В кургане 1 *могильника Сынтас* на древнем горизонте, под шатровой конструкцией из бревен лежали головами на запад и на юг три скелета. Инвентарь, когда-то сопровождавший умерших, состоит из оружия (бронзовые наконечники стрел, железные кинжалы и колчанные крючки), предметов конской упряжи (железные удила и псалии, бронзовые пряжки, пронизи), предметов быта (глиняные сосуды, железные ножи). В Сынтасе выделяются костяные ложечки, искусно украшенные фигурами лежащего волка с повернутой назад головой и головкой сайги; фигурами козлов и головами хищников.

В *Нагорненском могильнике* выделяется серия так называемых дромосных могил, содержащих коллективные захоронения. Под округлыми деревянными сооружениями площадью до 200 - 250 кв.м находились, иногда оконтуренные ровиками, подквадратные площадки. Двенадцати захороненным в кургане №2 покойникам, из которых 11 - воины, а один девочка-подросток, соответствует 12 черепов и шкур коней, помещенных на бревнах перекрытия специальной культовой постройки.

Локальными особенностями памятников Илекской группы являются: высокий процент деревянных конструкций, иногда подвергнутых преднамеренному сожжению; разнообразие типов погребальных сооружений (прямоугольные, круглые и овальные ямы, дромосные гробницы, погребения на горизонте, большое количество коллективных захоронений (в том числе - многоярусных), высокий процент погребенных с южной ориентировкой головы.

Среди предметов быта наиболее массовой категорией инвентаря являются лепные плоскодонные сосуды. Обычны небольшие или, напротив, заметно удлинённые узколезвийные железные ножи. Оружие представлено железными мечами и кинжалами, имеющими брусковидное и бабочковидное, иногда почковидное перекрестие. С V в. до н.э. уже стали распространяться мечи с дуговидным наконечником и сломанным под тупым углом перекрестием. Особенно многочисленны и типологически разнообразны колчанные

комплексы, состоящие из бронзовых двухлопастных и трехлопастных втульчатых наконечников стрел, среди которых нередко встречаются и черешковые наконечники. Остатки защитного снаряжения очень редки. Конская узда представлена железными удилами с прямым или «S» - видными псалиями, бронзовыми пряжками и разнообразными по форме и назначению бляшками. В декоре многих вещей часто применялся звериный стиль.

Политическая история Усуней.

Это одно из крупных государственных объединений на территории Казахстана. На западе границы усуньских владений проходили по рр. Чу и Талас, возможно, вплоть до восточных склонов Каратау. Центром усуньских владений были - Илийская и Чуйская долины, котловина Иссык-Куля.

Содержание самого термина усунь до сего времени не выяснено. Он известен только в китайском иероглифическом написании, современное звучание которого идентично одному из казахских этнонимов - уйсын, самоназвание племени, являющемся этническим компонентом казахов Старшего жуза (Улу-жуза). Многие исследователи склонны видеть в этой транскрипции известный по среднеазиатской истории этноним асиан. Однако, новейшие исследования допускают другое толкование, термин асиан мог быть одним из диалектных вариантов этнонима ятии, а его традиционной древнекитайской формой транскрипции были иероглифы, звучащие в современном китайском языке как юечжи.

Существует еще один вариант интерпретации транскрипции термина усунь. Предполагают, что в древнекитайском языке два иероглифа, звучащие ныне у-сунь, произносились а-сман - "небо".

Усуни были разделены на три части: левое крыло, центр, правое крыло (по десять тысяч воинов в каждом из них).

Можно предполагать, что поскольку в течение некоторого времени усуни находились в политической зависимости от хунну, то последний этноним в течение какого-то времени покрывал собой и сами усуней. Греко-римские авторы пишут о "хуннах-усунях".

Несмотря на то, что имя хунну распространялось также и на усуней, нет достаточных оснований говорить об их этническом родстве, хотя и исключить это полностью нельзя. Язык хунну пока не известен. Исследователи в настоящее время склонны относить язык хюнну к языкам "алтайской" группы, ближе всего к прототюркскому.

Усуни считались одним из значительных этнополитических объединений в Центральной Азии в древности. Памятники усуньской культуры распространены на территории Семиречья, Ферганы (частично) и, по-видимому, северной части Восточного Туркестана. Имея во II в. до н.э. население в 630 тысяч человек, усуни могли выставить большое войско из конницы и пеших лучников. Дружина предводителя усуней куньбь и (гуньмо) и двух наследников престола состояла из 30 тысяч конницы, у каждого по 10 тысяч. Еще до 73 г. до н.э. территория усуней была разделена

на три части: левая (восточная), правая (западная) и центральная, принадлежащая самому куньби, но все они находились под "верховною зависимостью от него". Его резиденция находилась в городе Чигу, отстоящем от Чанани в 8900 ли.

История усуней полна междоусобной борьбы, между сторонниками прохуннской и проханьской (китайской) политики. Так, где-то в конце 60-х годов Уцзюту - сын умершего куньби Унгуymi от хуннской царевны убил царствующего куньби Ними (Куанван) и узурпировал власть, объявив себя куньби при поддержке народа. В 14 г. до н.э. великий куньби Цылими был убит по заданию малого гуньмо Мочжэнньцзяна. Источники прямо указывают, что Мочжэнньцзян убил его, "опасаясь быть покоренным" Цылими. Время правления Цылими - между 45-14 годами, видимо, было временем расцвета государства Усунь, так как он "твердо держал власть" и в его владениях "настал... глубокая тишина и мир".

Есть основания предполагать, что под властью или под влиянием усуней находился ряд владений или племен. Например, в "Цяньханьшу" указывается, что усунь "подчинил себе многие другие владения", в "Даваньчжуань" - "напал на соседние малые владения", а Янь Ши-гу уточняет: "как только подчинит, то превращает в вассалов". Вероятно, такими племенами и владениями были хюсюнь, гуаньду (цзюаньду), юйту или уш. Все они по обычаям и одежде племена, близкие усуням.

Усуни устанавливали союзнические отношения с другими государствами посредством заключения брачных союзов. Так, в 69 г. до н.э. Вэн-Гуйми выдал свою дочь Диши за повелителя Кучи Гяньбиня. Ханская империя и Хунну, заинтересованные в союзе с усунями, выдавали замуж ханьских и хуннских принцесс за усуньских куньби.

Некоторые владельцы сопредельных территорий при нападении противника искали защиты у усуней.

В династийных хрониках эпохи Хань изложение фактов из политической истории усуней доведено примерно до III в. до н.э. Отрывочные сведения имеются и в некоторых письменных источниках поздних периодов Срединной империи. В "Бэйшу" (История династии Юаньвэй), есть сообщение о том, что в 437 г. н.э. - усунь отправили к ханьскому двору послов.

Археологический материал, особенно полученный с территории Семиречья, свидетельствует, что в предтюркское время усунь продолжали жить на обширной территории. Более того, по этим же данным культура древних усуней продолжала развиваться на прежних землях обитания, хотя они и были поставлены под контроль тюркских каганатов. Даже в X в. н.э. на страницах источников вновь появляется имя усунь.

Так что есть основание говорить о генетической преемственной связи древних усуней с уйсунями и уйшунами, вошедшими в состав казахского народа.

Археологические памятники Усуней

Ранний этап III - I вв. до н.э. На рубеже III-II вв. до н. э. в истории Семиречья и Тянь-Шаня наступает новый этап, связанный и с переселением в середине II в. до н. э. кочевых племен юечжей и усуней из Центральной Азии. Усуни вскоре подчинили местные сакские племена и часть юечжей. Но в большинстве юечжи продвинулись на юг Средней Азии и создали там основы будущего Кушанского государства.

После включения в состав Усуньского союза местных сакских племен, а также юечжей численность объединения достигла 630 тыс. человек. Однако, вполне вероятно, что основную массу населения Семиречья и Тянь-Шаня и то время по-прежнему составляли местные племена саков. Преобладание местного населения должно было отразиться на составе археологических памятников. Согласно письменным источникам, население Семиречья и Тянь-Шаня в этническом отношении было разнородным. Здесь обитали три народности — саки, юечжи и усуни. Не противоречат этому и археологические материалы, которые представлены одновременными памятниками разного типа. Возникает трудная задача сопоставления археологических памятников с конкретными этносами.

Исследованием усуньских древностей занимались А.Н.Бернштам, Е.И.Агеева, А.Г.Максимова, К.А.Акишев, Г.А.Кушаев.

Первоначально все курганы III—I вв. до н. э. относили к памятникам усуней Позднее была высказана мысль, что только захоронения в курганах, расположенных цепочками и отличающихся большим богатством, могли принадлежать господствующим племенам усуней. Погребения же, обнаруженные в беспорядочных группах курганов, могут быть связаны с саками сэ или юечжи. Курганы с грунтовыми могилами составляют основную массу захоронений местного населения усуньского периода. В них можно проследить непосредственное развитие от сакских комплексов середины I тысячелетия до н. э. Это видно при сопоставлении материалов могильника сакского периода V—IV вв. до н. э. *Кзылауз I* и раннеусуньского памятника III—II вв. до н. э. *Капчигай III*. Оба памятника находятся в долине р. Или. В обоих могильниках курганы располагаются цепочками. У основания насыпи, под ней или на ней находятся каменные кольца. Основную массу погребений составляют грунтовые могилы, перекрытые деревом. Захоронения в обоих могильниках, как правило, ориентировка — головой на запад или северо-запад. В могилах находят кости овцы, один-два сосуда и в небольшом количестве поделки из железа и бронзы.

Тесные генетические связи культуры и памятников сакского и усуньского периодов отмечены всеми исследователями. Этим и объясняется появление терминов «сако-усуньская культура», «сако-усуньские памятники». Все данные указывают на длительное сохранение у ранних кочевников Семиречья одинаковых простых могильных сооружений, одних и тех же или очень близких погребальных обрядов и на значительное сходство инвентаря. Из этого следует вывод, что население, оставившее наиболее

массовую группу памятников усуньского времени, правомерно отождествлять с потомками местного сакского населения, а сами могильники рассматривать как позднесакские памятники.

В Семиречье археологи выделяют две основные и наиболее распространенные группы памятников. Первая-могильники с захоронениями в грунтовых могилах, которые отличаются однообразным устройством и малочисленностью инвентаря.

Характерно расположение курганов правильными цепочками. На позднем этапе такое размещение сменяется бессистемным. Устойчивым признаком служит каменное кольцо в основании кургана. Захоронения совершали в простых грунтовых могилах, стенки которых изредка укрепляли деревом. Сверху они перекрыты деревянным накатом или каменными плитами. Погребенные положены вытянуто на спине, головой, как правило, на запад, иногда с отклонениями. Почти во всех могилах находится по одному костяку. Иногда встречаются курганы, под насыпью которых имеются две-три могилы. Все умершие были положены на дно могилы. В ней обычно находят один-два сосуда, изредка железный или бронзовый нож, а в женских захоронениях — предметы туалета и украшения: зеркала, железные иглы и булавки, иногда с фигуркой птицы наверху, перстни, подвески, железные браслеты, бусы. Оружие бывает очень редко. В поздних погребениях обнаруживаются мечи и костяные наконечники стрел. Во многих могилах находят кости барана — остатки ритуальной пищи. Исключительно редки привозные вещи и изделия из драгоценных металлов. В нескольких могилах найдены зернотерки.

Глиняная посуда, лепная часто изготовливалась на матерчатом шаблоне. Типичные формы посуды: полусферические чаши и миски с разной профилировкой закраины, горшки и кружки грушевидной формы, снабженные петлевидными ручками или без них.

Достаточно широко были распространены посуда из дерева и деревянные столики.

Судя по большому количеству памятников в долинах рек Заилийского Алатау и Или в усуньское время, здесь имел место рост численности населения. В этих районах насчитывается более 20 мест крупных скоплений могильников, отделенных друг от друга свободными пространствами. Такое распределение можно рассматривать как отражение родоплеменной группировки населения.

Среди памятников Семиречья выделяется *Талгарский могильник* (на окраине г. Талгар), где захоронения совершали в больших грунтовых могилах, стены которых выложены камнем. Ямы перекрыты накатом из бревен. Большинство могил ограблено, но все же сохранились золотые украшения, железные ножи и глиняные сосуды. В одной могиле оказалось около 500 бляшек из золотой фольги, нашитых некогда на одежду из красной кожи. Здесь же найдена глиняная печать, на которой изображено крылатое животное с головой козла. В другой могиле была бляшка полихромного

стиля со схематическим изображением лица человека. Дата могильника определена в рамках II—I вв до н. э.

Богатое захоронение III—II вв. до н. э. выявлено в одном из курганов *могильника Тенлик* в долине р. Каратал в восточном Семиречье. Одежда знатного кочевника была украшена сотнями золотых художественных бляшек, в том числе с изображением всадника в плаще. Здесь же найдены жезловидные заколки или булавки, обтянутые золотым листом и богато орнаментированные розетками. Кроме того, найдены бронзовое зеркало, деревянная шкатулка, украшенная полосками золота.

Изображения коня на бляхах из Тенлика дают представление о породе местных лошадей. Они отличились общей массивностью, сильно развитой грудью и крупной головой на толстой шее. Эти изображения выделяются среди всех известных изображений лошадей Евразии.

В других районах Семиречья также имеются памятники усуньского периода. Так, для Чуйской долины наиболее характерен *Буранинский могильник* к югу от г. Токмак (Кыргыстан). В больших овальных грунтовых могилах находилось от одного до трех погребенных. Умерших снабжали большим количеством сосудов, очевидно, с молоком и жидкой пищей, а также кусками мяса барана и быка. Сохранилось до 50 золотых украшений (перстни, бусы, различные бляшки). Разнообразны по форме фигурные накладки, вырезанные из золотой фольги. Много железных предметов, в том числе наконечников стрел. Все сосуды лепные. Особый интерес вызывает кувшин, украшенный мазками красной краски. Могильник Бурана по находкам привозных украшений эллинистического производства датирован в пределах III в. до н.э.- I в.н.э.

Более 60 курганов раскопано в четырех могильниках у северного подножия Киргизского Алатау. Захоронения совершали в грунтовых могилах, перекрытых каменными плитами или деревом. Иногда под одной насыпью находились две, реже - три могилы. Характерную особенность составляют небольшие ниши, в которых помещены сосуды.

В могилах долины Таласа найдены остатки ритуальной пищи — кости барана. Инвентарь беден: единичные изделия из железа (ножи, булавки), украшения и обычная лепная круглодонная посуда, сходная с керамикой усуньского времени других районов Семиречья. В одном кургане *могильника Караши* обнаружена глиняная печать с рельефным узором - редкая находка, указывающая, как и печать из Талгарского могильника, на распространение в то время обычая метить личную собственность.

Памятники усуньской культуры обследован в долине р.Талас и на склонах Каратау. В *могильнике Берккара* на северо-восточных склонах хребта Каратау насчитывается более 30 групп курганов, общее количество которых доходит до 450. В 1938-1939 гг. А. Н. Бернштам раскопал более 40 могил. Насыпи резко различаются по величине: диаметр крупных достигает 50 м, средних - 25 м, малых — 4-12 м. Насыпи часто сопровождаются выкладками из камней в виде колец, полумесяца или дорожек. Могилы выбиты в твердом каменном грунте. Они вытянуты с запада на восток.

Погребенные положены на спину, головой на запад, иногда с отклонением к северу. Разнообразен погребальный инвентарь: лепные глиняные сосуды, железные ножи, предметы вооружения и украшения, хотя в результате ограблений находок оказалось мало.

Выделены две хронологические группы погребений: более ранняя (I) — IV-III вв. до н. э. и более поздняя (II) — II в. до н. э.— I в. н. э., к которой относится большая часть исследованных курганов. Ранняя группа выделена главным образом по типам глиняной посуды, среди которой преобладают круглодонные чаши, кружки с ручкой и чайникообразные сосуды с носиком. Дата, предложенная для этой группы могил, опиралась в основном на находку бронзовой пряжки с изображением льва, держащего в пасти птицу. Представляется более вероятным хронология ранних могил Берккары в пределах III—II вв. до н. э.

Материалы III—I вв. до н. э. обнаружены и в *могильнике Тамды* на северном склоне Каратау. Курганы выделяются каменной выкладкой — «усиками». Захоронения совершены в больших грунтовых ямах, перекрытых деревянным накатом. В некоторых могилах оказалось до четырех погребенных, положенных головами на северо-запад. В мужских захоронениях Тамды найдены железные акинаки в обломках, набор железных черешковых трехперых наконечников стрел с опущенными жальцами, железный втульчатый наконечник копья листовидной формы, предмет неизвестного назначения и крючок от колчана. Лепной круглодонный горшок с двумя ручками и чайникообразный кувшин с носиком сходны с сосудами Берккары.

В других могильниках III—I вв. до н. э. обнаружены железные булавка с круглым навершием и ножи, каменная мотыга, круглодонные чаши, кувшины и кружки.

В рассмотренных памятниках заметны традиции погребального обряда сакских племен предшествующего времени. По материалам Берккары и Тамды подтверждается установленное для Семиречья положение о сходстве погребальных сооружений, обряда и основных видов инвентаря сакского времени и части памятников последующего, усуньского периода.

Погребения в подбоях появляются в памятниках III—II вв. до н. э., но основная их масса датируется первыми веками нашей эры (до V в. н.э. включительно).

Подбои закрыты вертикально поставленными бревнами. Умершего, как правило, сопровождают заупокойная пища (кусоч барана), железный нож и несколько лепных сосудов. В некоторых могилах найдены железные наконечники стрел и костяные накладки на лук. Имеются деревянные столики, блюда для резки мяса и деревянные чаши, украшений мало.

Средний и поздний этапы (I-V вв.). В историческом развитии кочевников Семиречья первые века нашей эры представляют следующий этап.

Однако несмотря на приток нового населения и заметные изменения в культуре, в археологических материалах наблюдается преемственное

развитие на протяжении всей первой половины I тысячелетия н. э. Об этом можно судить по памятникам поздней группы усуньских могильников в долине Или, которые датируются I—III и даже I—V. Устройство могил, погребальный обряд и сопровождающий инвентарь генетически связаны с предшествующими во времени памятниками.

Продолжается традиция захоронения в простых грунтовых могилах под курганной насыпью. Появляются могильные ямы, перекрытые каменными плитами. Умершие были положены на спине, головой на запад, иногда с небольшим отклонением к северу. Формы лепной керамики сходны с сосудами, характерными для III—I вв. до н. э. Впервые появляются единичные станковые сосуды — плоскодонные горшки и чаши. В некоторых сосудах сохранились остатки пригоревшей пищи. Изредка в могилах встречаются кости барана—остатки мясной заупокойной пищи. Оружие представлено обломками железных мечей, железными черешковыми трехперыми наконечниками стрел. Украшения включают железные булавки, спиралевидные серьги из золота, раковины каури. В позднем комплексе Берккара II найдены обломок китайского бронзового зеркала и нефритовая чашечка. Привозные вещи появились у кочевников на рубеже нашей эры в результате установления связей с Ханьским государством.

Отмечая значительное сходство погребального обряда и материальной культуры могильников Каратау с памятниками усуньского времени Семиречья, А.Г. Максимова рассматривает северные склоны Каратау как периферию усуньских земель.

К числу недавно исследованных памятников усуней относятся следующие:

Могильник Шанрак, расположен на территории Алматы. В нем три кургана, каждый из которых представляют собой земляную насыпь высотой до 3 м, диаметром до 40 м. В древности высота курганов, судя по оплыву насыпи, была выше примерно 4-5 м. К сожалению, археологи как правило имеют дело с грабленными курганами. В раскопанных курганах сохраняются лишь отдельные предметы украшений, посуда, разбросанные кости скелетов. Ограбление курганов проходило «тщательно».

Не были исключением и курганы Шанрака.

И все же, в ходе работ удалось получить дополнительный материал по погребальным конструкциям. Курган № 1 имел каменное кольцо, диаметр его 30 м, высота 2,5 м. В юго-западной части от кургана располагалось каменная выкладка, диаметром 1 м, являющееся скорее всего, ритуальным сооружением. Погребение было совершено в могильной яме прямоугольной формы, ориентированный по линии запад-восток на глубине 0,85 м. К северной стенке подведен дромос (коридор), прослеженный на расстоянии почти 2 м.

Диаметр кургана № 2 достигал 32 м., высота 2,97 м. Могильная яма после вскрытия представила собой прямоугольную в плане форму размерами 2,90 x 3,05 м., глубина 67 см. От центра северного края могильной ямы в северо-восточном направлении шел коридор (дромос). Ширина дромоса

составила 65-70 см., длина 11 м. Интересны конструктивные особенности кургана. Вокруг края могильной ямы зафиксированы фрагменты конструкции надмогильного сооружения из глины, шириной у основания до 1,5, в диаметре 6 x 6,5 м. Поверх конструкции возводили насыпь из земли, которую в свою очередь выложили каменным панцирем, диаметр которого у основания составил 28 м. Перекрытие могильной ямы, судя по остаткам, тлена, было деревянным.

В насыпи кургана 3 удалось также проследить отдельные фрагменты конструкции надмогильного сооружения из глины, возведенной на погребенной почве вокруг края могильной ямы. Погребения совершены в центральной части кургана в грунтовой могильной яме размерами, длиной до 3,5 м, шириной до 3 м, глубиной 1,5 м. Устройство могильной ямы включали в себя выкладку пола речной галькой, обкладку стен деревом. При раскопках найдены ромбовидные, прямоугольные, круглые нашивные бляшки (18 шт.) из листового золота с отверстиями для нашивания на одежду, бусы, сильно коррозированный железный гребешок, курильница изготовленная из песчаника, фрагменты железных гвоздей. От керамических сосудов сохранились лишь обломки, по которым можно судить об их форме и назначении. Это неглубокие чаши полусферической формы, горшкообразные и котлообразные сосуды.

Интересными являются обнаруженные в одном из погребений бронзовые позолоченные шпильки (8 шт.), служившие для закрепления прически. Все булавки с шаровидной гофрированной головкой и круглым в сечении стержнем, длиной от 10 до 16 см.

В целом исследованные курганы по наличию общих характерных признаков (тип и ориентировка могильных ям, погребальный инвентарь) укладываются в хронологические рамки III-IV вв. до н.э. и связываются с эпохой Усунь.

Каменский курганный могильник находится рядом с одноименным поселком на южной окраине города Алматы, на предгорной возвышенности. Участок с могильником активно застраивается, в результате чего многие курганы уже уничтожены.

Исследованы курганы с земляными и каменно-земляными насыпями.

При исследовании курганов изучено 11 могил, получена коллекция каменных и костяных изделий и фрагменты керамики. Среди находок имеются бусы (из различного материала), бронзовые и золотые украшения (серьги, перстень, подвески), керамика.

В ходе раскопок выявлено, что под насыпью курганов Каменского могильника выявлены уникальные по количеству скопления битой керамики следы тризны, а в каменных панцирных выкладках - разнообразные каменные изделия (зернотерки, куранты, терочники, песты, наковаленки и пр.). Так, в выкладке малого кургана № 10 каменных изделий обнаружено полтора десятка, причем один пест находился среди камней над жертвенной ямкой под полый кургана у восточного края, содержавшей конский череп, а другой - на поверхности каменного заклада могилы. В разных курганах

могильника зафиксировано расположение жертвенных площадок со следами разведения огня.

Одной из особенностей могильника является большое разнообразие типов конструкций, технических приемов заполнения могил: встречается пахсовая заливка, заклады из сырцового кирпича, камня, земли. Среди типов могил: простые ямы с прямыми стенками - овальные или подпрямоугольные в плане; прямоугольные ямы со ступенькой вдоль продольной стены, и с двумя ступеньками - заплечиками. Катакомбы имеют форму овальной в плане спускной ямы с подбоем вдоль длинной стенки, спускной ямы с камерой, расположенной под прямым углом и катакомбы со сложным устройством.

Последние, имеют ложные спускные ямы и глубокие камеры с могилами. Ложные спускные ямы, своеобразны, как и сами катакомбы. Они полукруглой формы, в одном случае (курган №13) яма была заполнена камнями и имела выход в камеру. В другом (курган №21) - над ложной спускной ямой находилось захоронение коня, ориентированного головой на юг. Погребальная камера удлиненная, вытянута в широтном направлении.

Одной из характерных черт Каменского могильника является наличие под рядом курганных насыпей двух и более погребенных, при этом важной особенностью могильника является то, что в могилах встречены только индивидуальные захоронения.

В ходе раскопок могильника отмечено разнообразие конструкций курганов, могил и находок. Так, в некоторых могилах обнаружена посыпка дна меловым порошком, а в могилах курганов 11, 16 и 19-и кусочков мела. В могилу 1 кургана № 23 найдены костяные пластинки - инструменты гончара.

Большая часть могил ограблена, что затрудняет решение важного вопроса хронологии могильника.

В погребении кургана 19 обнаружены золотые женские украшения (серьги и подвеска), в оформлении которых использован прием декорирования изделия «пирамидками» зерни, а также и украшение щитка перстня приемом инкрустации. Эти особенности вещей позволяют датировать курганный комплекс III -IV веками н.э.

Поселения усуней. Полукочевой полуоседлый образ жизни саков и усуней определяется наличием у них зимовок-поселений и поселений.

Государство Усунь, как отмечалось, имело свою столицу – Чигу-чен город красной долины. Ханьские летописцы сочли возможным добавить к этому имени приставку «чень», обозначающую укрепленные поселения типа городов-крепостей. Пока локализация Чигу точно не определена. Выявлены многочисленные поселения усуней. Поселение усуней Луговое в Чуйской долине исследовалось еще в 1938 г. экспедицией А.Н.Бернштама. Были обнаружены жилища из сырцового кирпича, отапливавшиеся подковообразными глинобитными очагами. Поселение Актас найдено в 1962 экспедицией К.А.Акишева в Кегеньской долине. Комплекс поселения состоял из 5 жилищ и нескольких хозяйственных построек. Среди построек

центральной была «квадратная комната», к ней примыкала «большой двор» площадью 126 кв.м с входом в него через узкий длинный коридор.

Жилища строились из плитнякового камня на глиняной основе. Каждый жилой дом состоял из большой комнаты, мелких подсобных пристроек и загонов для скота. Все помещения пристраивались друг к другу. Полы в них были земляные, обмазанные глиной. В жилых комнатах на полу находились открытые очаги квадратной формы, сложенные из камня. Очаги служили для отопления и приготовления пищи. В зимнее время жизнь семьи была сосредоточена вокруг очага, здесь же стояли глиняные сосуды с пищей, лежали каменные зернотерки.

В 1994 – 2005 гг. обнаружены десятки поселений усуней в предгорной зоне Заилийского Алатау. Работы велись казахско-американской археологической экспедицией (К.М. Байпаков, Т.В.Савельева, К.Чанг), неподалеку от Алматы, в долинах рек Талгар, Цыганка, Талды-Булак. На поселениях Тузусай, Цыганка 8, Талды-Булак 2 раскопаны жилища, полуземлянки и наземные жилища из сырцового кирпича, собран вещественный материал. Широкое использование методов естественных наук значительно увеличило информативность результатов археологических работ экспедиции.

С помощью радиоуглеродного анализа установлены начальные этапы жизни и продолжительность функционирования поселений. Тузусай имеет 6 горизонтов с IV в. до н.э. - I в. н. э.; Цыганка 8- горизонтов с VII в. до н. э.-по I в. н.э. Это было вначале поселения саков, а затем усуней.

Палеоботанические исследования выявили наличие зерен пшеницы, проса, ячменя, а на поселении Тузусай риса и рисовой шелухи. Один из найденных сортов пшеницы мог культивироваться только с помощью искусственного орошения.

Хозяйство населения Талгарского микрорегиона Жетысу в раннем железном веке было комплексным скотоводческо-земледельческим. На хорошо обводненных почвах предгорной зоны северных склонов Заилийского Алатау племена ранних кочевников наряду с выпасом скота - овец, коз, коров и лошадей, практиковали богарное и орошаемое земледелие, выращивали ячмень, просо, пшеницу и, возможно, рис. Однако, не исключено, что последняя культура являлась импортной продукцией из Ферганы и Китая.

В средние века вдоль в районах концентраций поселений сако-усуньского времени возникли крупные города.

Семиреченские художественные бронзы. Большинство их связано с территорией Алматы и окрестностей. Как правило - это клады, реже их находят при раскопках. Клады происходят из предгорной зоны - обычно из тех мест, которые наиболее удобны в качестве весенних и осенних пастбищ, богатых травостоем, водой, лесом и, что не менее важно, удивительно живописных. Датируются клады эпохой ранних кочевников - саков и усуней, обитавших здесь с VIII в. до н. э. по IV в. н. э. Однако большинство изделий изготавливались в более узкий промежуток времени-второй половиной I тыс.

до н. э. - III в.н.э. Изделия, а это светильники-курильники, столики, котлы, отлитые в формах, украшены скульптурками крылатых барсов и тигров, яков и быков-зебу, верблюдов и лошадей, горных козлов и баранов, волков и птиц, а также фигурками людей. Последние изображали вооруженных воинов: конных лучников, сидящего с подогнутыми ногами спешившегося всадника. Однажды фигурки, видимо, женщин (в туникообразных одеждах), «выполняли роль атлантов», удерживающих на поднятых руках жертвенный стол. Скульптурки обычно украшали бортики и углы жертвенников, края и плоскости светильников иногда служили «подсвечниками», а также ручками и ножками котлов.

Многие из изделий являются шедеврами высокохудожественного ремесла, произведениями выдающихся художников. Уже первые находки изделий из бронзы в качестве раритетов отправляли в музеи. Так, жертвенный стол, найденный в начале века районе Алматы и названный условно «Семиреченский алтарь», попал в Эрмитаж и стал объектом пристального изучения. Было сделано предположение, что назначение бронзового стола-алтаря ритуальное и он был связан с отправлением древних культов саками и усунями, со святилищами.

В 1979 г. М.К.Кадырбаевым была раскопана площадка в южной части Алматы, на левом берегу р. Большая Алматинка. Здесь была расчищена круглая в плане площадка размерами 130 кв. м., углубленная на 0,4 м в землю. На стационарный характер «храма» указывают, по мнению исследователей, глиняная платформа-алтарь, кострище, кости жертвенных животных (крупного и мелкого рогатого скота), литейная форма, керамические напояла, а также лепная керамика (чаши, горшки, банки, хумчи), несколько отличная от той, что обнаружена в погребениях сако-усуньского времени. Здесь же были найдены светильник, целый котел и фрагменты еще двух. Один из котлов был железным с горизонтальными ручками, два других представляли собой фрагменты котлов на ножках. Предположительно, площадка храма была когда-то обнесена невысоким земляным валом или стеной.

Таким образом, ясно, что находки бронзовых изделий связаны с древними святилищами, располагавшимися в живописных укромных местах: предгорьях и горных ущельях. Поскольку найденные вещи, культовые, то сложной была их семантика, а также скульптурных изображений на них. Это не просто утилитарные изделия, предназначенные для приготовления и подачи пищи, не просто светильники, а предметы, имеющие прямое отношение к мировоззрению, духовной культуре народа. По ним можно реконструировать космогонические и мифологические представления саков и усуней.

Сакские и усуньские святилища являлись, в представлениях их. строителей, вместе с культовыми предметами и прежде всего со светильниками, поддерживающими огонь, своеобразными каналами космической связи людей с верховными божествами, обитавшими на вершинах гор, соединявшихся с верхним миром. И правы исследователи,

которые подчеркивают, что сама окружающая природа и ландшафт Семиречья с белоснежными вершинами «золотых гор мира», реалии жизни, детерминирующие кочевание из степи к подножию гор и их вершинам, от зимовок к летовкам, способствовали сложению мифологических традиций, представлявших Вселенную в виде грандиозной горы или камня. «Твердь небесная» мыслилась каменной, горы - состоящими из материала небесного свода.

Одним из наиболее распространенных воплощений универсального знакового комплекса служит Мировое древо. Оно символизирует пространственную структуру мира.

С образом Мирового дерева перекликаются образы многих изделий и символов древнего искусства. Ярким примером идеи Мирового дерева, представления о Космосе служит костюм «Золотого человека» из сакского кургана Иссык.

Предпочтение из триады светильник - котел — жертвенный стол, бесспорно, следует отдать светильникам, так как каждый из них был отмечен печатью индивидуальности и насыщен изображениями, слагаемыми в определенные композиции. Охарактеризуем некоторые из них.

Первый светильник представляет собой поднос четырехугольной формы с почти вертикальными бортами, переходящими в горизонтальные закраины шириной 3 см, укрепленный на конической подставке. В четырех углах подноса расположены четыре крылатые фигуры кошачьих хищников, скорее всего, барсов или тигров. Хищники изображены в движении: их левые передние и задние когтистые лапы выдвинуты, вперед, морды оскалены, пасть приоткрыта. Глаза круглые, уши большие, закругленные. Фигуры поджарые, хвосты почти достигают земли. Загнутые крылья как бы вырастают из плеч. Размеры фигурок: длина — 12,4 см, ширина — 3,1 см, высота — 7,5 см.

Между двумя фигурками хищников у края подноса поднимается вертикальная полая трубка, укрепленная с обратной стороны подноса бронзовой заклепкой. В верхней части трубки с боковой стороны имеется, небольшое круглое отверстие. Высота ее - 11,9 см, диаметр - 1,6 см. В трубку вставлялся фитиль пропитанный маслом, который возжигался. Подставка имеет форму усеченной четырехугольной призмы с вогнутыми гранями. Высота подставки до подноса с одной стороны 23,4 см, а с другой - 27 см. Размеры основания подставки — 27,5X28 см, она имеет шесть отверстий разной величины на трех гранях.

Хищники на обоих светильниках, скорее всего, тигры или барсы, представители фауны региона Семиречья и Восточного Туркестана (первый населял предгорья, долины рек, второй - горы). Образы этих зверей характерны для искусства, фольклора и мифологии народов Евразии. Звери выполняли функции оберегов и защищали пространство, мир-саков со всех сторон.

Известно также, что образы тигра (хищников) носили и космогонический характер - он охранял границы Космоса. Этот образ был;

связан с культом огня: в нем воплощались планетарные огни и бог огня—Агни.

Таким образом, становится понятным назначение светильников и изображений на них: это ритуальные предметы, связанные с огнем, дневным солнечным светом и календарными циклами смены времен года.

Второй жертвенник, найденный на южной окраине Алматы в "храме, под открытым небом," состоит из круглого блюда на ажурной конической подставке. Его главная, несущая важную смысловую нагрузку, часть — блюдо. По краю его укреплены скульптурные фигурки зебу с характерным для этой породы животных горбом на холке. Морды коров (быков) слегка опущены и повернуты налево, наружу.

Две скульптурки всадников были помещены на плоскости блюда, и сохранилась лишь одна. Они повернуты относительно одна другой в противоположные стороны. В руках у всадников натянутые луки М-образной формы. В целом вся композиция полна экспрессии и в то же время передает миг напряженного ожидания - замерли переставшие пастись животные, как вкопанный встал конь, натянута тетива, еще миг... и с легким свистом скользнет с нее и начнет свой полет стрела. Что же означает эта сцена? Видимо, всадник (вернее, сдвоенный образ всадника), охраняющий все стороны света, представляет собой изображение солнечного божества Митры, обителью которого была вершина Мировой горы. Митра - божество, наделенное самыми широкими возможностями, в данном случае мог выступать в роли владыки пастбищ, верховного охранителя земли, стража космического, порядка.

Однако возможны и другие толкования сюжета. На светильнике изображен бог Митра, который сражается с демонами и при помощи — грозовой молнии - стрелы разбивает темные тучи и возжигает светильник жизни, потушенный демонами тьмы и мрака. Он же выводит пастись на небесный луч стадо коров, символизирующих дождевые облака, проливающие на землю живительную влагу. Отступает зима и тьма, наступает весна, свет, который также отождествлялся с коровами.

Третий светильник, найденный рядом с Алматой вблизи Ремизовки также состоит из двух частей - ажурной подставки и блюда с бортиком. В центре блюда расположена композиция из пяти фигур животных: поверженного горного козла, двух волков и двух воронов.

Горный козел лежит на боку, передние и задние ноги с копытами вытянуты, рога изогнутые, саблевидной формы, имеют валики и годовых колец.

Одна фигура стоящего волка расположена над мордой козла, другая — с противоположной стороны над его крупом. Фигуры литые, полые, на спине имеется по одному круглому отверстию для трубки, куда помещался горатиль. Морды волков склонены над жертвой, пасть оскалена, видны зубы и клыки. Уши прижаты к голове. Глаза каплевидной формы, удлиненные. Туловище длинное, живот втянут, лапы мощные с крупными когтями, хвост длинный, до пят.

С двух других сторон на квадратных маленьких подставках припаяны две фигуры воронов в позах ожидания остатков чужой добычи. Головы воронов склонены чуть набок, клювы сильно загнуты, глаза круглые. Крылья птиц сложены, туловища слегка наклонены вперед.

По бортику блюда напаяно 16 полых бронзовых фигур кошачьих хищников (барсов или тигров), расположенных друг за другом по часовой стрелке, в статичных настороженных позах. Пасти их оскалены, глаза каплевидной формы, хорошо выражены закругленные уши, нос; лапы имеют пять когтей, хвост длинный, конец закручен в колечко.

Как и в случае с вышеописанными светильниками, сцена на блюде светильника при ее внешне прозрачном смысле (конечный результат охоты волков на горного козла), безусловно, имеет внутреннее мифическое значение. Персонажи, изображенные на блюде, хорошо известны по генеалогической легенде усуней. Сохранилась легенда в изложении китайских источников, которая гласит, что усуньский владетель назывался куньби. Его отец правил усунями, когда на них напали большие юеджи, убили отца. Однако наставнику куньби удалось бежать, и он вместе с младенцем прибыл в страну Сюнну. Наставник, положив ребенка на траву, отправился на поиски пищи, а когда вернулся, то увидел, что ребенок не один — его кормит молоком волчица, а ворон кружит над ним с куском мяса в клюве. Так был спасен Куньби, а волк (волчица) и ворон стали священными животными у усуней.

И, возможно, удвоенное изображение волков и воронов на вершине священной горы у туши козла является одним из эпизодов легенды о чудесном спасении владетеля усуней.

Однако вероятны и другие варианты семантики сцены.

Центром композиции на блюде светильника является загнанный и поверженный козел, изображения которого в бронзе, в гравировках на каменных плоскостях скал были популярными у саков и усуней. Образ козла был связан с культом гор, плодородием. С козлом ассоциировался бог Огня - Агни.

Волк, как правило, противопоставлялся травоядным животным, в данном случае козлу. В образе волка олицетворялась сила ночного и зимнего мрака. Как травоядные животные имеют страшного врага в ползущем волке, так и небесные стада, выводимые и охраняемые Митрой или богами Солнца и Света, должны были иметь своих мифических волков.

Продолжение зимы от ноября до февраля известно под названием «волчьего времени». И еще об одном участнике сцены - воронах. Обычно, в общечеловеческих представлениях эта птица - образ Неба и Солнца. По мнению А.К. Акишева, изображение пары грифов на вершине иссыкского кинжала отражает миф о птицах на вершине Мирового древа, откуда они обозревают весь свет и «фиксируют» течение времени. Видимо, вороны, сидящие рядом с убитым козлом, олицетворяющим Свет и Огонь, поверженными силами тьмы и холода в образе волков, ассоциировались с Небом, верхом Вселенной, где и начинались процессы, связанные с

изменениями годовых циклов, и в данном случае - победы тьмы над светом, смены лета на зиму.

Важное место в серии священных бронз Семиречья занимали котлы, в которых варилось мясо жертвенных животных. В настоящее время в музеях Алматы собрано несколько десятков экземпляров таких котлов. Количество их вкладах

колеблется от 1 до 10, но есть и отдельные экземпляры, не имевшие отношения к святилищам и комплексам культовых бронз. Котлы имеют полусферическое тулово, или тулово которое опирается на конусовидную подставку или, что бывает реже, на три ножки, оформленные иногда в виде лап хищников либо ног копытных животных. Известны случаи, когда места изгиба ножек украшены фигурками (протомами) архаров, драконообразных существ и каких-то ушастых животных, возможно, куланов.

Тулово котлов обычно гладкое, иногда украшено валиками, полуовалами, треугольниками. Для транспортировки на них имеются ручки у закраины. Ручек бывает две или четыре, поставленных накрест, в таком случае одна пара ручек вертикальных, другая — горизонтальных.

Имеется тип котлов яйцевидной формы с вертикальными ручками, выступающими над краем. Такие ручки обычно украшены выступами — в виде кнопок.

В ряде случаев котлы имеют носики-сливы, длинные горизонтальные ручки.

Размеры котлов различны: от огромных, вмещающих до сотни литров воды, до небольших вместимостью до 5-7 л.

Один из последних (по времени) кладов котлов найден в урочище Орман в 7 км к востоку от г. Талгара и состоял из шести экземпляров, отличающихся размерами, числом ручек и украшениями.

Конечно же, количество котлов не случайно определялось, скорее всего, числом отдельных коллективов (семей, родов, племен), которым принадлежало святилище. Размеры самих котлов зависели от их назначения как предметов либо для одного коллектива, либо для нескольких. По числу котлов вкладах можно судить о характере самих святилищ, об их иерархии от родовых до племенных и, возможно, общегосударственных. Из этого следует, что, кроме утилитарного, котлы несли в себе глубокий смысл.

О символическом значении котлов свидетельствует рассказ Геродота о скифах: «...Один скифский царь по имени Ариант пожелал узнать численность скифов. Он приказал для этого всем скифам принести по одному наконечнику стрелы и каждому, кто не послушается, грозил смертью. Тогда скифы принесли такое множество наконечников, что царь решил воздвигнуть из них себе памятник: он повелел изготовить из наконечников... медный сосуд и выставить в Эксампае». Сосуд был огромен: толщина его стенок равнялась шести пальцам, а объем 600 амфорам. Таким образом этот «царь-котел» как бы символизировал многочисленность войска, могущество самого скифского царства и символом самого царства Арианта.

Третьим составным кладов ритуальных бронз являлись жертвенные столы. Их известно несколько экземпляров.

Наибольшую известность получил так называемый «семиреченский алтарь».

Стол - прямоугольный (113X126 см) с бортиками высотой до 6,5 см - на каждой из сторон имеет по горизонтальной ручке для переноски. У него четыре невысоких округлых в сечении ножки высотой 22 см. На бортике по всему периметру расположены в ритмическом повторе одна за другой фигурки стоящих крылатых барсов (тигров?). Всего их было тридцать, но сохранились только 25. Изображения один к одному повторяют фигурки крылатых барсов на светильнике из окрестностей Алматы, описанном выше.

Безусловно, фигуры крылатых барсов на бортике стола, как и в случае со светильниками, являлись защитниками его пространства, возможно, символизирующего землю саков и усуней.

Не менее символичны изображения и на других жертвенных столах - это фигурки яков на углах стола.

Найден еще один стол, ножки которого сделаны в форме ног верблюда.

Назначение столов понятно — на них помещали сваренное в котлах мясо жертвенных животных, которое поедали участники культовых обрядов и празднеств, связанных, скорее всего, с воскресающей природой, с весенним равноденствием, с Наурызом - Новым годом. Это был важнейший и древнейший праздник народов Евразии.

Каргалинский клад и диадема был найден в горах Заилийского Алатау, в Каргалинском ущелье на высоте 2300 м. Диадема, состоит из двух частей. Ее длина - 35 см, ширина - 4,7 см. На пластинке изображены: чеканкой растительный орнамент с вплетенными в него фигурами марала и маралихи, между которыми находится феникс; затем крылатый тигр, с сидящей на нем женщиной; далее крылатая лошадь на постаменте; дракон с женщиной на спине, а над ними - птица; снова крылатый конь на пьедестале; летящая птица; козерог, оседланный женщиной, медведь и птица над ним; архар, несущий на спине женщину. Вся композиция разделена на три части фигурками коней, в центре ее находится дракон, а процессии животных слева и справа от него направлены друг к другу. Глаза животных выполнены из вставок сердолика и альмандина, тела инкрустированы бирюзой. Первый исследователь диадемы А. Н. Бернштам предположил, что украшение принадлежало шаманке, и датировал находку I в. до н. э. — II в. н. э. Он полагал, что в семантике изображений нашли отражение культовые влияния Ирана и Китая.

Однако новейшие исследования позволили понять смысл изображений, определить их происхождение и расшифровать весь сюжет в целом. Была уточнена датировка каргалинского захоронения: это - II в. до н. э. Удалось сопоставить диадему с коронами из раскопок царского погребения Тиллятепа в Бактрии, сарматского, захоронения в кургане Хохлач, сакских в Иссыке - в Семиречье, Уландрыка в Горном Алтае. Сами изображения на диадеме связаны с широко распространившимся в Европе и Азии культом богини-матери и бога плодородия Диониса. Греческий культ хорошо

соотносился с важнейшим праздником восточных народов - Наурызом, отмечаемым в день весеннего равноденствия. Культ Диониса — древнегреческого божества умирающей и воскресающей природы, родственен египетскому Осирису, фригийскому Аттису, сиро-финикийскому Адонису, фракийскому Сабасию. После походов Александра Македонского культ этого божества широко распространился в Евразии и зачастую сливался с местными божествами. Однако греческие или греко-бактрийские черты проявились в изобразительном искусстве, чему свидетельствует анализ сюжета Каргалинской диадемы, принадлежавшей усуням и датированной II в. до н. э. В пользу распространения культа Диониса могут свидетельствовать и женские фигурки, поддерживающие столешницу жертвенного стола из Чельпека. Их, вероятно, можно сопоставить с женой Диониса - Ариадной, отождествленной с главной богиней среднеазиатского пантеона Анахитой - Миной. В данной связи следует отметить сходство, одежд женских персонажей поддерживающих чильпекский стол и каргалинских наездниц. Каргалинская диадема как бы иллюстрирует описание дионисийских празднеств. Диониса изображали едущим на пантере, реже на тигре. Главные животные дионисийского культа - олень, козел и медведь. Водоплавающие гуси-лебеди, изображенные на диадеме, символизировали плодородие. На «Каргалинской диадеме» показаны также три сферы мироздания: подземная, куда уходят корни Древа жизни, изображения которого, как удалось установить, имелись на диадеме; земная - место жизни людей и животных, небесная - обитель богов и птиц. Образ коней на пьедестале, точнее, на вершине гор, символизировал солнце, особую божественную благодать. Распространению этих синкретических образов в идеологии кочевников Семиречья способствовали связи и контакты по Великому Шелковому пути.

Вместе с диадемой Каргалинский клад содержал серию изделий из золота. Это два перстня с изображениями двугорбых верблюда, украшенных бирюзой; десять бляшек в виде изображений горных козлов; серьга с изображением мышки грызущей человека с инкрустацией бирюзой и бляшки украшенные вставками бирюзы.

Государство Кангюй. Во II в. до н.э., в Казахстане складываются новые государственные объединения, среди них - Кангюй.

Несмотря на обширную историографию, изученность Кангюй все еще остается неудовлетворительной. Причиной тому является крайне ограниченный круг письменных источников, сведения которых, к тому же, отрывочны и противоречивы, что порождает неоднозначные интерпретации. Весь круг вопросов, остающихся дискуссионными, и по сей день составляет так называемую "кангюйскую проблему". Территория государства занимала обширные пространства: Южный Казахстан, включая Ташкентский оазис и бассейны древних русел Сырдарьи, Жанадарьи, Кувандарьи и часть юго-западного Семиречья. В период наибольшего могущества ему подчинялись пять "малых владений" - Сусе, Фумо, Юйни, Цзи, Юйцзянь, а также владения Янцай. Однако локализация их остается спорной.

История вопроса о местонахождении государства Кангюй и его владений начинается с Российского востоковеда И.Бичурина, определившего местоположение его в степях к северу от р.Сырдарьи. В комментарии к тексту "Шицзи" с "повествованием о Давани" он отмечает: "Владение Кангюй занимало степи от Сырдарьи к северу, на которых ныне кочуют Большая и Средняя казачьи (казахские) орды". В "Шицзи" о локализации Кангюя сказано следующее: "Кангюй лежит почти в 2000 ли от Давани на северо-запад. Это кочевое же владение, в обыкновениях сходствует с юеджийцами, имеет до 20000 войска. Кангюй смежен с Даванью и по малосилью своему признает над собой на юге власть юеджийцев, на востоке власть хуннов". В следующей династийной хронике старшей Хань "Цянь Ханьшу" в главе "описание устройства земель" есть раздел, посвященный Кангюю, в котором дословно говорится следующее: "Кангюйский владетель пребывания имеет в стране Лююени, в городе Битянь, за 12 300 ли от Уанань. Он не зависит от наместника. От Лююени семь дней пути до летнего владетелева местопребывания... Народонаселение состоит из 120 000 семейств, 600 000 душ; строевого войска 120 000 человек. Обыкновения одинаковы с большим Юеджи. Кангюй на востоке подчинен хуннам."

К середине XX века сложились две основные точки зрения по вопросу локализацию: Кангюй занимал обширные пространства в среднеазиатском междуречье от Ташкентского оазиса до Хорезма; владения его были сосредоточены в долине р. Сырдарьи от низовьев и до Ташкента, коренные же земли размещались по среднему течению до р.Сарысу, Чу, гор Улутау.

Первую точку зрения наиболее аргументировано отстаивал С.П.Толстов. Он считал, что на востоке земли Кангюя доходили до Ферганы (Давань), на юге граничили с Парфией и Бактрией, на западе включали Бухарский оазис и Хорезм. Пять владений располагались следующим образом: Сусе - область Шахрисябса на Кашкадарье; Фуму - область Кушания на р.Зеравшан; Юени - Ташкентский оазис; Чи - Бухара; Юагань - Хорезм, являющийся центром всего государства.

Основной оппонент С.П.Толстова в этом вопросе А.Н.Бернштам считал, что восточная граница земель Кангюя проходила по р.Талас. Позже, в III в. н.э., по сведениям Цзиньши, она отодвигается вплоть до р.Или. Пять владений Кангюя размещены им следующим образом: Юегань - Хорезм; Ги - низовья Сырдарьи; Фуму - к северо-западу от Яны-Кургана до Казалинска; Сусе - среднее течение Сырдарьи, бассейн р.Арысь, склоны Каратау; Юени - Ташкентский оазис. Им соответствуют отдельные археологические культуры: в Ташкентском оазисе - культура каунчи; на средней Сырдарье - кангюйско-каратауская культура; джетыасарская культура на древних руслах Кувандарьи; культура «болотных городищ» и низовьях. Земли по среднему течению Сырдарьи были коренными владениями кангюев. Здесь же локализуется, по мнению А.Н.Бернштама, легендарная страна Кангха исторических памятников - Авесты, Махабхараты и Шахнаме.

Эта точка зрения в последующем была в основном принята казахстанскими исследователями.

Хотя в различного рода древних письменных источниках название страны Кангха известно с XIV в. до н.э., античные авторы, хорошо осведомленные о событиях конца IV в. до н.э. в Средней Азии, не упоминают Кангюя. Можно предполагать, что возвышение "дома Кан" в присырдарьинском регионе происходит в III, а скорее, во II в. до н.э.

Отметим, что в этот период в среднеазиатском междуречье происходит передвижение основного ядра юедей на юг, в левобережную Бактрию, оседание на землю и разделение на пять отдельных владений, что не могло не привести к их ослаблению по сравнению с Кангюем, перед которым открылись возможности для экспансии на юг и запад. В это время (конец II в. - нач. I в. до н.э., по-видимому, у Кангюя появляются пять, упоминавшихся выше, зависимых владений, он подчиняет себе Янцай (приаралокаспийский сармато-аланский союз племен), Янь (сарматские племена Приуралья). По отношению к Китаю правители Кангюя ведут себя независимо и даже дерзко, о чем в конце I в. до н.э. ханьский наместник Западного края сообщал императору: "Кангюй, напротив (по сравнению с Усунь) горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонение перед нашими посланцами. Чиновников, посылаемых к нему от наместника, сажает ниже усуньских послов. Князьям и старейшинам его подают кушанья прежде, а потом уже посланным от наместника...".

Позже, в 47-46 гг. до н.э., кангюйский правитель поддержал северохунского шаньюя Чжи Чжи в борьбе с Усунь, союзником которой выступал могущественный ханьский Китай.

В III-V вв. Кангюй утрачивает свою гегемонию над владениями в Среднеазиатском междуречье, Приаралье и распадается на ряд независимых владений. В V в. он известен в списке стран, приславших посольство к императорскому двору. Видимо, к этому времени мелкие владения, возникшие на месте Кангюя, попадают в зависимость от эфталитского государства.

Но, вопрос об языковой принадлежности кангюйских племен остается дискуссионным, одни исследователи относят к северо-иранцам, другие считают их тюркоязычными. Начиная с середины первого тысячелетия н.э. этнополитическая ситуация в районе Средней и Нижней Сырдарьи меняется. Сюда вторгаются тюркоязычные племена.

Еще со времен Чжан Цяня китайская историография усвоила традицию, характеризующую население кангюя, акцентировать внимание на кочевническом характере культуры, называя его "кочевым владением". Однако китайские хроники сообщают о кангюях как о народе который живет внутри глиняных стен. Столичный город называется Битянь но правитель не жил здесь постоянно, так как имел еще летнюю резиденцию. Последнее свидетельствует о сезонном передвижении главной ставки, о полукочевом характере правящей элиты. Археологические данные, накопленные за последние годы, помогают существенно расширить наши представления о культуре и хозяйстве кангюйцев.

В районах, где обитали кангюйцы, археологи выявили поселения и могильники. Эти памятники отнесены к Каунчинской, Отрарско-каратауской, Джетыасарской археологическим культурам. Первая была распространена в Ташкентском оазисе; вторая - в районах среднего течения Сырдарьи в предгорьях Каратау до Таласа; третья - в бассейне Кувандарьи и Жанадарьи.

При сравнительной характеристике регионов Центральной Азии эпохи Кангюя выделяется единая культурно-хозяйственная зона от низовьев Сырдарьи до Ферганы. Для нее характерны земледельческо-скотоводческая экономика, монументальная архитектура и фортификация, небольшие укрепленные поселки как ведущий тип расселения, ограниченность денежного обращения.

При этом установлено, что каунчинская и Отрарско-каратаусская культуры были тесно связаны друг с другом. В первый период развития трех культур можно видеть, что направление связей идет с юга на север: Каунчинская - Отрарско-каратауская и Джетыасарская культуры. Это, видимо, связано с передвижением кочевых племен в конце I тыс. до н.э.

В начале второго периода в джетыасарской культуре стали заметны влияния и распространение элементов материальной культуры из Сибири, Тувы, Монголии. Под влиянием прихода сюда новых этнических групп джетыасарское население двигается вверх по Сырдарье, а представители Отрарско-каратаусской и Каунчинской культур передвигаются на территорию Западной Ферганы, в Согд, Бухару и Хорезм. В третий период отмечено влияние на все сырдарьинские культуры Согда и через Ташкентский оазис на Жетысу - Семиречье.

В это же время наблюдается переселение на Каратау и в низовья Сырдарьи тюрок и вытеснение ими джетыасарского населения в низовья Сырдарьи и Амударьи.

Памятники Отрарско-каратауской культуры. Поселения и могильники Отрарско-Каратауской культуры расположены в районах южных и северных отрогов Каратау, в долинах Арыси и Бугуни, в среднем течении Сырдарьи, распространяясь от северо-восточных отрогов Каратау на севере и до песков Изакудук на юге.

История археологического исследования этих районов начинается с 1867 г., со времени поездки П.И.Лерха.

Начиная с 40-х гг. в XX в. до сих пор здесь проводили исследования археологические экспедиции и отряды А.Н.Бернштама, Е.И.Агеевой, Г.И.Пацевича, К.А.Акишева, К.М.Байпакова, Л.Б.Ерзаковича, Л.М.Левиной, Е.А.Самагулова, Н.П. и А.Н.Подушкиных, А.А.Ержигитовой, А.Н.Грищенко, Б.А.Абишева.

Название «Отрарско-каратаусская культура» было впервые использовано Л.М.Левиной для обозначения культуры названной в свое время А.Н.Бернштамом «Отрарско-каунчинской». Название «Отрарско-каратаусская культура» утвердилось в научной литературе.

Л.М.Левина на основании изучения керамики была предложена хронология культуры. Первый этап ее отнесен к I в. до н.э. – III-IV вв. н.э.

Сейчас после многолетних исследований региона можно выделить несколько крупных центров на территории распространения оттарско-каратаусской культуры. Прежде всего, это Оттарский оазис, давший название культуре, где выделяются в свою очередь несколько групп памятников? Это городище Оттар и расположенные от него в радиусе 15 км городища и поселения – Куйруктобе, Алтынтобе, Мардан-Куик, Жалпактобе. Это крупные городища существующие в течении многих столетий: Оттартобе (первые вв. н.э. – XVIII в.), Пшакшитобе (первые вв.н.э. – XII в. н.э.), Куйруктобе (первые вв.н.э. – XIV в.), Алтынтобе (первые вв. н.э. – XII в.) Мардан-Куик (первые вв. н.э. – XV в.), Жалпактобе (первые вв. н.э. – XII в. н.э.). Здесь же на площади около 200 кв. км расположены десятки поселений типа тобе с площадкой разного размера, среди которых выделяются Каламтобе, группа Актобе, Чоль-тобе, Караунчук тобе, Шошактобе, Ботайтобе, Кзыл-Кайнартобе, Маслахат, могильники Талтакай I и II, Конуртобе.

Другой микрооазис с центром городища Кок-Мардан находится на левом берегу р.Арысь. Здесь вдоль старых протоков Арыси и на самой Арыси в полосе длиной 15 км и шириной 5 км на площади 45 кв.м расположены поселения и городища Пшук-Мардан, Костобе Северное, Костобе Южное, Сейтмантобе, Чольтобе, Шаштобе, Ахайтобе, Тостогантобе и другие.

Рядом с городищем Кок-Мардан находятся несколько некрополей в виде отдельно стоящих холмов и некрополей на выбросах из каналов.

В низовьях р. Бугунь расположен микрооазис с центром – городищем Бозуктобе и расположенным рядом с ним в радиусе 5-7 км, на площади 40 кв.км поселениями Бозук, Актобе, Кшитобе.

На левом берегу центром микрооазиса является городище Оксыз и расположенного вдоль протоков Сырдарьинского городища Сумагар, Тектурмас.

В Туркестанском оазисе выделяется несколько микрооазисов с центрами-городищами Икан, Додвен, Карачик I, Сидак, Каратобе, на левом берегу Сырдарьи - Мейрамтобе, Абызтобе, Келинтобе.

На горных речках Южных склонов Каратау, расположении, обычно у выходов их на равнину находятся десятки поселений, среди которых Кайырхантобе, Шаштобе.

В Яныкурганском оазисе, на правобережье Сырдарьи центром является городище Ордакент, в Сыгнакском оазисе – городище Сыгнак. На северных склонах Каратау находятся десятки городищ и поселений с центрами-городищами Сузак, Баба-Ата, Кумкент. Здесь известны поселения Актобе Бабаатинское, Тарсатобе, Алтынтобе, Актобе Чаянское. В низовьях Таласа центральными были городища Шарвашлык и Тектурмас, в среднем течении – городище Тараз. На средней Арыси крупными центрами были городища Жувантобе, городище Караспантобе, Шортобе и поселения Культобе, Костобе, Тулебайтобе на Бадаме. Здесь же известны могильники Борижарский, Караспан, Культобе.

Вверх по Арыси и ее притоках расположены городище и поселения Узунтобе, Жартытобе, Торткольтобе. В предгорной зоне Таласского хребта находятся многочисленные городища, поселения и могильники. Среди них крупнейшие городища Шымкент и Сайрам.

Поселения культуры расположены по берегам рек и окружены могильниками. К наиболее ранним можно отнести поселения типа Ак-тоган, Абыз-тобе, частично Ордакент на Сырдарье и Ак-тобе, в районе северных склонов Каратау. Курганы, раскопанные около последнего поселения, имели отличную от каунчинских и джетыасарских конструкцию погребального сооружения. Характерный для каунчинской культуры тип катакомбных погребений не обнаружен в данном районе.

В Отрарском, Туркестанском оазисах известны погребения в искусственных платформах и науси.

В среднем течении Арыси обнаружены и обследованы катакомбные погребения в курганах и захоронения в наусах.

На северных склонах Каратау были изучены погребения в грунтовых ямах с подбоем и захоронения в ямах под каменными насыпями (курумы).

В верхнем течении Арыси, в долине Бадама исследованы захоронения в катакомбах под лессовыми насыпями.

Среди керамики группы отмечены горшки баночной формы с широким плоским дном и почти столь же широким устьем, слегка выпуклым корпусом, покатыми плечиками, плавно переходящими в невысокую горловину. К краю сосуда иногда прикреплены две вертикальные петлеобразные ручки. Подобная форма горшков находит аналогии в каунчинской культуре. Для большой керамики характерно преобладание красноглиняной посуды, изготовленной в подавляющем большинстве тщательной ручной лепкой при помощи вращающейся подставки или, что встречается реже, станковой работы, снаружи покрытых беловатым ангобом и потеками и мазками красно-коричневого ангоба. Хумы с покатыми плечиками, отделенными от низкой шейки резким уступом, а иногда и валиком. Венчики подтреугольные или овальные в сечении. По форме верхней части эти, сосуды схожи с хорезмийскими, характерными для кангюйского времени.

Крупные горшкообразные сосуды имеют маленький подтреугольный или круглый в сечении венчик, широкое и низкое горло, резко покатые плечики, округлое тулово. Часто к краю сосуда прикреплен верхний конец петлеобразных ручек. Орнаментированы некоторые подобные сосуды рядом насечек по горлу, иногда — рядами прорезных волнистых полос по верхней части тулова.

Что касается форм кувшинов, то можно отметить лишь наличие широкогорлых сосудов с небольшим подтреугольным или круглым в сечении венчиком. У многих высокое горло, посередине которого проходит горизонтальный валик. Есть сосуды и с одним или двумя сливами по краю, тождественные джетыасарским. Часть кувшинов имеет резко отделенное от плечиков горло.

Миски и чаши, широко открытые, невысокие, полусферической формы, с простым краем или же с выделенным круглым в сечении венчиком, часто с красноватым ангобом и лощением, находят аналогии в материалах джетыясарской культуры. Встречены также и красноангобированные лощенные кружки с почти прямыми или слегка расходящимися к устью тонкими стенками. Найдено большое число сосудов (часто очень крупных) с горизонтальным рифлением по плечикам и тулову. Рассмотренный выше комплекс датируется рубежом нашей эры или I в. до н. э. - III-IV вв. н. э.

К следующему этапу, который датируется серединой I тысячелетия н. э. (до V-VI вв.), относится большая часть поселений. В этот период в керамике первой группы помимо котлообразных сосудов встречаются плоскодонные горшки баночной формы с двумя вертикальными петлеобразными ручками с продольной ложбинкой и ямкой у верхнего конца ручки. Ниже края и на тулове «кухонных» горшков появляются наlepной орнамент в виде валиков, рассеченных палочкой или волнообразными пальцевыми зашипами, конические наleпы-шишечки на тулове. Встречены на памятниках этого периода и подставки в виде головы быка, аналогичные каунчинским.

В керамике второй группы для хумов, крупных горшкообразных сосудов характерно подквадратное сечение венчиков. Для кувшинов типичны грушевидное тулово, высокое широкое горло, вертикальные петлеобразные ручки с продольной ложбинкой, иногда с ямками у начала ручки и на спинке. Некоторые кувшины имеют раструбообразный венчик, подчеркнутый снаружи снизу небольшим валиком, многие украшены разнообразным горизонтальным рифлением на горле, некоторые снабжены цилиндрическим, иногда чуть сжатым носиком, другие имеют слив на краю сосуда. Орнаментированы такие сосуды помимо красно-коричневых и черных мазков и потеков прорезным волнистым узором. Значительное число кувшинов с раструбообразным утолщенным венчиком покрыто густым красно-коричневым ангобом и лощением.

Кружки с овальным туловом, с петлеобразными вертикальными ручками, на верхней части которых наleпы в виде загнутых рогов барана или выступа, схематически изображающего голову барана, аналогичны характерным каунчинским.

К третьему этапу (VI-VIII вв. н.э.) можно отнести слои городищ типа Мардан-Куюк, Куйрюк-тепе, Шушак-тобе, Ак-тобе байгакумское, нижний слой Баба-ата, могильники типа Бурджарского. Для керамики первой группы этого периода характерно широкое распространение наlepного валика, рассеченного насечками или пальцевыми зашипами. Валик этот расположен по нижней части венчика, иногда на горле и реже на тулове. Некоторые сосуды имеют утолщенный подтреугольный или подквадратный в сечении венчик, орнаментированный насечками, ямками и симметрично расположенными наleпами. Котлы снабжены полуовальной формы горизонтальными ручками. Распространены плоские и конической формы крышки с резным орнаментом.

Среди сосудов второй группы продолжает встречаться керамика с красно-коричневыми и черными потеками и мазками.

У хумов большей частью встречаются под-квадратные в сечении венчики, орнаментированные иногда снаружи удлинёнными пальцевыми вдавлениями. Кувшины в принципе повторяют форму сосудов предыдущего периода (с яйцевидным и удлинённо-овальным туловом, высоким и широким горлом, часто со сливом). Встречаются и узкогорлые сосуды с удлинённым сливом по краю. Орнаментация их та же, что и в более ранние периоды. Много кувшинов с раструбообразным венчиком. Найдены кувшины со сплошной рифленой поверхностью плечиков и тулова.

Рассмотренные керамические комплексы с первых веков - VIII в. н. э. тесно связаны с каунчинской культурой Ташкентского оазиса и в несколько меньшей степени с джетысарской культурой Нижней Сырдарьи. В то же время керамика этого района имеет ряд весьма своеобразных черт (например, хумы с валиком под горлом, кувшины с горизонтальным валиком на горле, широкое распространение горизонтального рифления на тулове различных типов и размеров сосудов).

Застройка городищ и поселений, характер жилища, общественные постройки городищ и поселений. Раскопки городищ Кок-Мардан, Костобе Южное, Мардан-Куик позволяют не только понять топографию города, но и определить хозяйственную специализацию, населения, решить демографические аспекты, социальную структуру общества. Квартал был основной единицей застройки.

Членение городов на кварталы было закономерным. Оно связано со свойственным обществу замыканием людей в группах по признаку родства, по принадлежности к профессии, религии. Время появления кварталов исследователи отодвигают далеко вглубь.

Формирование раннесредневекового города относится к середине I тысячелетия н. э. Сложение квартала тоже следует отнести к этому времени, хотя образование их началось гораздо раньше. Этот период для народов Средней Азии и Казахстана был переломным: на смену патриархальным семейным общинам пришла малая семья. Это было связано с развитием форм собственности (от общинно-родовой к частной) и характером развития хозяйства (от натурального к товарно-денежному). Естественно, процесс этот в среде как оседлого, так и кочевого населения происходил неравномерно, и наряду с малыми семьями сохранялись патриархальные семейные общины. Кроме того, складывалась переходная форма семьи из трех и более поколений, а из двух. Старшее поколение было представлено отцом и матерью, с которыми жили все женатые сыновья. У кочевников и полукочевников наряду с малой семьей появилось более широкое социальное объединение с признаками экономического и территориального единства. Скот и средства производства находились в наследственном владении каждой семьи.

Население кварталов Кок-Мардана, видимо, принадлежало к семейно-родственным группам. В квартале насчитывалось от 4 до 6 домовладений,

принадлежавших отдельным семьям, связанным родственными отношениями. Все они, видимо, стремились к самоизоляции в общегородской среде посредством планировки самого квартала. Логично предположить, что известный по этнографическим данным «коше бий», «коткуда» - глава семейно-родственной группы - в основном выполнял те же функции, что и раис средневекового, аксакал позднесредневекового квартала города.

Каждая семейно-родственная группа, вероятнее всего, имела свое место для отправления религиозных культов, свое кладбище. Правда, в Южном Казахстане отмечена лишь одна квартальная культовая постройка - на городище Кок-Мардан. В других городищах и поселениях для этих целей, вероятно, использовалось одно из домовладений квартала. Это предположение основано также на материалах Кок-Мардана, где выявлены домашние святилища, игравшие, возможно, и роль квартальных.

Так, некрополь Кок-Мардана состоит из отдельных построек, представляющих собой глинобитную платформу размером в среднем 10X10 м и высотой до 2 м с могильными ямами, пробитыми в ней. В каждом сооружении выделяются центральные захоронения, отмечена концентрация детских погребений в пристройках к платформам. Вполне возможно любое такое сооружение интерпретировать как кладбище, квартальной общины.

Материалы раскопок южноказахстанских городищ и поселений не обнаруживают существования кварталов только бедных или только богатых. Между тем различия в площади отдельных домовладений, характере находок позволяют говорить о наличии в одном квартале разных по имущественному положению индивидуальных семей.

Типология жилищ сводится к использованию таких важных принципов таксономии, как планировка, положение пола (наземное или углубленное в землю), характер перекрытия, месторасположение и устройство, очага. Одним из определяющих признаков является планировка дома, поэтому в эволюции жилища необходимо проследить в первую очередь его развитие, выделяя первоначальное ядро дома, от которого разными, путями (сегментацией, соединением) возникли те или иные жилые комплексы. При этом характер жилища определялся такими факторами, как социальный, экономический и экологический. В архитектурном решении и строительной технике мог сказаться культурный традиционализм, восходящий к этнической специфике.

Выделяются три типа домов:

Однокомнатный наземный дом, квадратный либо прямоугольный в плане. Аналогичным по планировке, интерьеру является вариант дома, впущенного в землю. Очаги открытого типа, прямоугольные или с закругленной задней частью, что удобно для выгребания золы.

Камины или стеновые очаги представляли собой вырубленные в стенах сферические ниши различных размеров. Функциональное назначение напольных очагов и каминов неодинаково: первые использовались для обогрева помещения и приготовления пищи, вторые для выпечки хлеба.

Хумы, горшки для хранения запасов продуктов располагались в углах и на суфах. Кроме них в качестве хранилищ использовались бочкообразные емкости из необожженной глины и корытообразные емкости, также слепленные из полос сырой глины.

Варьируют площади домовладений: большие - от 35 до 45 кв.м, небольшие - от 12 до 20 кв.м. Больше всего домов (85%) площадью 20-35 кв.м. От размера дома зависел характер перекрытия. В больших домах кровля опиралась на четыре столба. В средних в качестве опоры мог использоваться один столб, на который опиралась одна прогонная балка или две перекрещенные. В маленьких домах кровля, видимо, удерживалась только на стенах.

В двухкомнатном доме второе помещение выделено путем сегментации первоначальной хозяйственно-жилой ячейки дома, а именно при помощи капитальной стены. Расположение кладовой в доме относительно жилой комнаты самое различное: в тылу дома, впереди (анфиладная планировка) и сбоку. Площадь кладовых не превышает 8 кв. м. Такие дома открыты на городищах Кок-Мардан, Мардан-Куик.

Многокомнатные дома, насчитывают от трех до пяти помещений, одно из них - жилое, с суфами вдоль двух или трех стен. Напольный очаг в виде круглой либо подпрямоугольной площадки, камин, хозяйственный отсек у напольного очага основные детали жилого помещения. В кладовых стояли хумы, глиняные емкости. Примерами могут служить постройки Костобе, Пшук-Мардана.

Все перечисленные типы жилищ традиционны для Южного Казахстана начиная с конца 1 тысячелетия до н. э. Много общего обнаруживают они с домами, раскопанными на поселении Алтын-Асар (нижняя Сырдарья), а также соседних регионов, например в согдийском поселении VII-VIII вв. Гардани-Хисор. Одно-, двух- и трехкомнатные дома в Гардани-Хисоре характеризуются П-образными суфами, наличием емкостей для хранения зерна. Если в однокомнатных домах деление на хозяйственную и жилую части размыто, то в двухкомнатных второе помещение - кладовая с закромами. Сближает жилища и такая характерная деталь, как наличие двух и трех очагов для отопления, приготовления пищи. Причем в Гардани-Хисоре «равоктануры» - сводчатые очаги (на Кок-Мардане каминны) - имели на дне глиняные сковородки для выпечки хлеба.

Общие черты в планировке сближают четырехкомнатные помещения в домах Пенджикента и Кок-Мардана. Наблюдается известное сходство жилищ Южного Казахстана и Балалык-тепе, афригидского Хорезма, Памира, равнинной части Зеравшана.

Общественные сооружения. В городах в массиве жилой застройки находились постройки культового и светского характера. В частности, в Кок-Мардане в четырех домах зафиксированы «культовые углы», однако точное число таких домов установить невозможно из-за плохой сохранности стен. Находки на поселениях и городищах глиняных и алебастровых идолов

свидетельствуют о наличии культовых помещений, подобных святилищу, открытому на усадьбе Кайрагач.

Квартальное святилище обнаружено лишь одно — на городище Кок-Мардан. Прямых аналогий святилищу нет, но некоторое сходство с ним обнаруживает зал на городище Гяур - кала, где ниши в стенах были обрамлены налечами, под которыми располагались подиумы.

Открытие храма на городище Топрак-кала, где объектом поклонения являлись украшенные рога барана-архара, находки здесь идолов, зооморфные сюжеты на керамике позволяют говорить о влиянии на кушано-афригидскую культуру Хорезма присырдарьинских культур, где был популярен культ барана.

Могильник Коныртобе является одним из наиболее хорошо изученных памятников Отрарского оазиса. Он расположен в 0,3-0,4 км к западу от городища, он занимает площадь в 12-13 га. В южной части этого участка расположен оплывший овальный в плане холм с уплощенной вершиной высотой до 2,5 м площадью 35X45 м. В ходе вскрытия холма выявлено около пятидесяти погребений, расположенных вплотную друг к другу. Глубина залегания погребений колеблется от 0,4 до 1,5 м от самой высокой точки современной дневной поверхности холма. Погребения совершены в неглубоких могильных ямах, обложенных в нижней части сырцом, а также в простых прямоугольных ямах. Погребения не потревожены, кости лежат в анатомическом порядке, сопровождающие вещи *in situ*.

В камеру размерами 0,6-0,75 x 1,8-2,2 м на органическую подстилку, которая фиксируется по слою черного тлена, помещался покойник. Скелеты лежат на спине, руки вдоль тела, кисти рук на тазовых костях или под ними, или рядом на полу; ноги вытянуты, иногда голени перекрещены; череп лицом вверх. В изголовье, чаще в ногах — керамический кувшин, иногда с кружкой, установленной на его устье. Рядом обычно кости передней ноги овцы с лопаткой, что характерно и для подбойно-катакомбных погребений Средней Азии. По погребальному инвентарю достаточно четко различимы мужские и женские погребения. Предварительным антропологическим обследованием серии из двадцати черепов установлено, что на пятнадцати из них имеется кольцевая деформация.

В мужских погребениях обычны железные пряжки от поясов: простые круглые пряжки с подвижным язычком; тип пряжки с железной обоймой - приемником; железные пряжки с рамкой подчетыреугольных очертаний. В одном случае на костяке обнаружены два пояса с бронзовыми пряжками и бронзовыми «зигзаговидными» накладками, плотно покрывшими часть ремня (20—25 см) у пряжки. Бронзовые пряжки встречены и в других погребениях. Уникальная пряжка происходит из разрушенного погребения - круглая рамка ее выточена из зеленого нефрита, а язычок и подвижный щиток с тремя заклепками изготовлены из бронзы.

В мужских погребениях помимо небольших железных ножей, встречающихся и в женских, найдены железные кинжалы без перекрестили,

наверший с длиной клинка 30—40 см, железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, в одном случае зафиксированы истлевшие костяные пластины, вероятно, накладки на лук.

Для женских погребений характерны разнообразные бусы (горный хрусталь, стеклопаста, сердолик, гагат, коралл, янтарь) вокруг шеи и запястий рук; палочки сурматаш с кусочками графита; бронзовые амулеты в виде фигурок козлов, бронзовые зеркала; костяные шпильки для волос с фигурной головкой. Отличается и преимущественная ориентировка скелетов. Женские скелеты в основном ориентированы головой на юго-юго-восток, а мужские обычно на северо-северо-восток.

Из основной массы взрослых погребений, характеризующихся устойчивым обрядом, выделяется ряд погребений с труположением на боку и два погребения, совершенные в хумах.

В ряде погребений следов сырцовых стенок вокруг скелета не прослеживаются. Костяки лежат на правом или левом боку, руки согнуты на груди, ноги разной степени согнутости. В остальном эти погребения характеризуются теми же находками.

В погребении в хуме, лежащем на боку, расчищен скелет подростка, ориентированный головой на северо-северовосток. Скелет лежал на зольно-угольной подстилке, голова не вместились в хум и на нее надет крупный горшковидный сосуд, орнаментированный по плечу Кольцевидными вдавлениями. Вещей при погребении не обнаружено. В расположенном рядом погребении «лежал» взрослый мужчина, головой на северо-северовосток. Он был уложен на слой из обломков стенок хума, посыпан углями и накрыт двумя половинками хумов, сдвинутыми венчиками. Слева от черепа обнаружена серьга в виде бронзового колечка с несомкнутыми концами. На поясе нож, железная круглая пряжка с приемником, под тазовыми костями еще один нож с выгнутой спинкой.

Детские погребения совершались в неглубоких ямках и в крупных сосудах типа кувшинов и хумчей. В некоторых случаях детские погребения были вместе с женскими. Детские скелеты сопровождалась небольшими кружечками, обычного типа 2, иногда на них встречаются 2-3 бусины, подвески из раковины сани.

Интересная деталь погребального обряда отмечена при расчистке погребения с бронзовыми поясами. Здесь покойник был уложен на тонкий слой древесных углей, сверху также был посыпан некогда раскаленными углями. Посыпание трупа раскаленными углями отмечено и в других погребениях.

В некоторых случаях на лицевых костях черепа, обычно на нижней челюсти, под ней, во рту, поперек лица, были обнаружены тонкие медные пластины. Шириной они 3—5 см и длиной 8—10 см. На трех пластинах обнаружены тисненные круглые выпуклины, образующие простейшие узоры. Назначение пластин остается неясным. Вероятно, они были положены на губы (на глаза?) покойника, лицо которого было покрыто покрывалом. На ее поверхности пластин обычно заметны следы истлевшей ткани.

Погребальный инвентарь. Глиняные кувшины и кружки встречены в 90% расчищенных погребений. Кувшины представлены двумя типами с носиком-сливом и без носика. Кувшины с носиком крупных размеров, высотой 75-85 см, имеют покатые плечики, ручка соединяет плечико и верхнюю часть горловины. Венчик отогнут, профилирован. Горловина обычно имеет рифление в виде кольцевых приостренных валиков или прочерченных полос. Иногда полосы покрывают верхнюю часть тулова. Ручки уплощены, на спинке продольная канавка. В отдельных случаях ручки имеют характерный изгиб в средней части. Кувшины без носиков-сливов имеют те же признаки, но они несколько меньших размеров (высотой до 70 см). Кувшины покрывались ангобной обмазкой различных оттенков красного цвета, реже черной, темно-коричневой. Кружки можно также подразделить на два типа по характеру ручки: ручка в виде кольца крепится к плечику или средней части тулова, ручка соединяет плечико и венчик. Второй тип кружек характеризуется более грубым тестом, с включением крупных зерен шамота, толстыми стенками, неполным обжигом.

Аналогии подобной керамике широко представлены в памятниках, присырдарьинских каунчиноидных культур первой половины I тыс. н.э. Наиболее массовыми находками являются бусы. Это крупные круглые и граненые из хрусталя и сердолика. Ребристые и круглые, из стеклопасты. Встречены крупные уплощенные бусы из черного гагата, мелкие коралловые цилиндрические, круглые уплощенные янтарные. Интересна керамическая бусина в виде миниатюрного кувшинчика.

В нескольких случаях в мужских и женских погребениях обнаружено по одной серьге. Они разных типов. Простые несомкнутые колечки из бронзовой проволоки в виде бронзового колечка с утолщенной средней частью и заостренными концами. Бронзовые серьги в виде колечка, один конец которого образует, спирально-коническую подвеску. Подвеска может быть в виде напаянного на кольцо полого конуса из тонкого листа бронзы. Одна серебряная серьга с уплощенной в виде лунницы нижней частью. В трех женских погребениях на скелете между позвоночником и правым локтем обнаружено по паре бронзовых амулетов в виде стоящих козлов. Они входили в комплект нагрудного ожерелья с крупными хрустальными, сердоликовыми и пастовыми бусинами. В одном случае в такой комплект входили бронзовые колокольчик, и проколка в виде большой иглы. В другом женском погребении в ожерелье входил лишь один амулет в виде козла, а также подвеска из резца крупного грызуна и пястных косточек крупного хищника.

Прически женщин были украшены костяными шпильками. Шею охватывала бронзовая цепь с замком в виде двух колечек. Интересна серебряная подвеска-кулон, овальной формы. В центре вставка красного (гранат), обведенная пояском мелкой зерни. По краю пластины еще один ряд зерни.

Наблюдения, сделанные в ходе раскопок, предварительный анализ находок дают основание заключить, что вскрытые погребения в основном

представляют единый историко-культурный комплекс. По обряду погребения и составу находок данный могильник близок ранее исследованному и расположенному рядом могильнику Мардан (Талтакай). Вскрытые здесь погребения в склепах были датированы I в. до н. э. - II в. н. э. На основании находок монет типа «У-шу» и отсутствия рифления на кувшинах.

Близок по обряду к комплексу вещей также могильник Кыркескен, датированный II—IV вв. н. э., а также могильник у городища Кок-Мардан.

Аналогии отдельным типам вещей из могильника Мардан-Куик известны из широкого круга памятников Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Северного Кавказа. Так, костяные шпильки с фигурной головкой обычны в памятниках Средней Азии. Медальоны со вставками из полудрагоценных камней, украшенные зернью, широко распространяются в степях Евразии в позднесарматское время. Очень близок находкам комплекс вещей из погребения у оз.Боровое, датированный IV-V вв. Здесь и подвеска-медальон, комбинированная пряжка, бипирамидальные сердоликовые бусины, аналогичные по типу трехперые железные наконечники стрел, а также золотые серьги в виде тонкой проволоки, согнутой в круг, один конец которой опущен книзу спиральными завитками, плотно прилегающими друг к другу». Пояс, украшенный плотно прилегающими узкими вертикальными серебряными пластинками, был найден в могильнике Каннатас, датированного IV-V вв. н. э. и в синхронном ему погребении на поселении Кзыл-Кайнар-тобе.

Наиболее вероятна датировка могильника III—V вв., возможно, начало - VI в. н. э. *Могильник Борижары*. Грандиозный по масштабам и наиболее исследованный в Южном Казахстане Борижарский могильник давно известен в историографии средневековой археологии Центральной Азии. Борижарский могильник описывается как весьма протяженное (до 8 км) скопление курганов, расположенных на верхней террасе и ее склонах. Но при этом отмечается, что все огромное могильное поле «состоит из разновременных комплексов курганов, отдельных могильников, которые со временем слились в один огромный массив». Раскопками прошлых лет здесь вскрывались только подкурганные катакомбные погребения и, подкурганные, наземные склепы. Причем эти два основных вида погребальных сооружений достаточно четко локализуются. Катакомбы размещаются исключительно на поверхности террасы и в самой верхней части склона. Склепы расположены ниже по склону. Причем площадь склона террасы, занятая холмами, образовавшимися на месте склепов, обращена в сторону городища Жуантобе, расположенного на нижней террасе. Этот участок склона четко ограничен и простирается вверх и вниз от городища (по течению реки) не более чем на 500-600 м, т.е. протяженность этой части некрополя около 1 км. Погребения в катакомбах расположенного выше и более протяженного курганного могильника датируются более ранним временем (I в. до н.э. — I в. н.э.) к эпохе кангюя. Видимо весь могильник Борижары (катакомбные захоронения и захоронение в склепах) является могильником двух крупнейших в среднем течение Арыси городища - Жуан тобе и

Караспан тобе. Формирование на протяжении существования двух этих городищ в кангуйское время с I в. н.э. до VI – VII вв. н.э.

В катакомбах имевших дромосы расчищены разграбленные коллективные захоронения. Найдена керамика, в том числе и фляги, обломки железных ножей, бусы. Керамика датирует катакомбы I–IV вв. н.э. Именно, в этот период формировались городские поселения Жуан тобе и Караспан тобе.

Подкурганые захоронения в склепах характеризуются наземным сооружением прямоугольной в плане формы и возможно перекрытием, сводчатым, выполненным из сырцового кирпича. Вот как выглядит типичное захоронение в склепе.

Склеп №1 расчищен под холм ом диаметром до 20 м, высотой 2,8 м. Северный склон, обращенный к пойме, более крутой. В плане сооружение имеет вид вытянутого с северо-запада на юго-восток овала с выделенной прямой юго-западной стеной, в которой устроены лазы в две погребальные камеры. Длина склепа по основанию 15 м, ширина 12 м. Сохранившаяся высота стен от уровня пола погребальных камер 1,2 м, а снаружи северо-западной стороны - 1,8 м.

Под уровнем горизонтального пола камер при постройке была, видимо, устроена пахсовая платформа, на которую и были поставлены стены постройки. Ее поверхность внутри камер выложена крупной галькой, а сверху еще залита слоем глины в 5–7 м. Выделенная (выступающая и прямая) юго-западная стена, с входами в камеры, имеет толщину 1,3–1,25 м (на уровне 1,2 м высоты), ее наклон на высоте 1,2 м составляет 0,3 м. Толщина стены, разделяющей камеры, - 0,7 м.

Камера 1 имеет размеры 2,3х2,8 м. В нее ведет стрельчатый арочный проход шириной 0,4 м, высотой 0,90 м, длиной 1,5 м. Ровный пол покрыт глиняной заливкой поверх галечной вымостки. Вход в камеру заложен сырцовым кирпичом 50х25х10 см, положенным на ребро.

В северо-западном углу на глубине 1,05 м от уровня современной дневной поверхности расчищено устье кувшина (высота кувшина 46 см). На этом уровне стали встречаться разрозненные кости человеческого скелета (фаланги пальцев, обломки бедренных костей, зубы, часть нижней челюсти). В слое над полом (глубина 1,1–1,25 м) встречены разрозненные и разбросанные кости скелета. У северо-западной стены расчищен череп, накрытый фрагментом боковины крупного кувшина. Рядом находились другие обломки этого кувшина.

На полу склепа, примерно в средней части, расчищены тазовые кости и кости ног другого скелета. Остальные кости разбросаны по полу камеры. На этом же уровне зафиксированы кости другого скелета: нижняя челюсть без черепа, ребра, плечевые и бедренные кости. Отсутствуют кости позвоночника, тазовые, череп, часть костей конечностей.

Таким образом, в камере 1 зафиксировано два уровня пола, на которых совершались погребения. Первоначальный пол на глубине 2,2 м выстлан крупной речной галькой и залит глиной. С этим полом связаны разрозненные

кости двух скелетов (без черепов). Здесь найдены два железных ножа, две крупные поясные пряжки, наконечники стрел. Выше этого пола на 20 см зафиксирован второй пол, с которым связаны неполный скелет с черепом и два керамических сосуда.

Камера 2 размером 2,1х2,7 м. Проход в : камеру такой, как в камере 1, но он не был : заложен сырцовым кирпичом.

На глубине 1,1 м расчищен скелет без черепа, лежащий наклонно, так что кости ног лежат на глубине 1,55 м. Скелет в анатомическом [порядке, но отсутствуют череп, правая нога.

кости левой ноги ниже колена, фаланги пальцев раскиданы. В области шейных позвонков собраны разнообразные бусины от ожерелья (сердоликовые: одна с белым орнаментом, пастовые и другие) и бронзовая серьга в виде колечка. Это явно позднее впускное погребение, совершенное в то время, когда склеп стоял в полуразрушенном виде.

Первоначальный пол камеры 2 расположен на глубине 2,2 м. После снятия «впускного» погребения с уровня 1,75 м начали попадаться разрозненные кости скелетов, венчики кувшинов, стоявших на основном полу. В этом напольном слое толщиной около 0,35-0,4 м расчищены остатки не менее 7 скелетов. Обнаружено 7 черепов и длинные кости конечностей, сконцентрированные в виде кучек в северо-восточном и юго-западном углах. Среди них найдено 6 керамических сосудов (3 кувшина, 3 кружки); обломок бронзового зеркала, не менее 8 наконечников стрел (железные, трехлопастные, черешковые); железные пряжки и ножи; 2 бронзовые пряжки (возможно, обувные); бронзовая шпилька; 2 палочки сурьматаш; 2 янтарные, 4 хрустальные бусины; 3 каменных пряслица; железные наременные накладки; бронзовая сережка с шариком-подвеской; золотой кулон с гранатовой вставкой и зернью.

Еще один *Склеп 2* расположен к юго-востоку от склепа 1. До раскопок имел вид оплывшего круглого в плане холма диаметром 8х9 м, высотой около 1 м.

Склеп квадратной в плане формы. Размеры по наружному контуру 3,0х3,0 м, погребальной камеры - 2,0х2,0 м. Сохранившаяся высота стен 0,7-0,75 м.

Вход в камеру был, вероятно, устроен в центре юго-восточной стены, но эта стена частично пробита грабительским лазом, и вход был чуть разрушен. Пол вымощен мелкой и средней речной галькой.

При расчистке камеры на глубине 0,2 м от уровня современной дневной поверхности найдена бронзовая пряжка. На глубине 0,3 м найден фрагмент бронзового зеркала.

Остальные находки концентрировались на уровне пола погребальной камеры. Здесь расчищены два черепа и полные два скелета. Все кости были собраны в кучу у северо-западной стены. Среди костей найдены: два наконечника стрел, обломки железного ножа, поясной набор из 6 бронзовых накладных наременных бляшек (две «псевдопряжки»), одного подвесного ремешка и бронзовой пряжки с прямоугольной рамкой.

Погребальный обряд, в котором центральное место занимало положение покойника в наземной сырцово-пахсовой склеп до полного нетления мягких тканей, был широко распространен в Присырдарьинском регионе, на Заравшане и в других регионах Средней Азии, а также в Семиречье в доисламское время. Ближайшие аналогии бори-жарским склепам известны в Ташкентском оазисе и соседнем Туркестанском оазисе (некрополи городищ Шага и Сидак). Датируются они раннесредневековым временем. Вскрытые склепы на Борижарах датировались VI-VIII вв.

Но сейчас дата их уточняется и часть склепов датируется V-VI вв.

Памятники Каунчинской культуры. Эта культура была выделена на основании особенностей ее памятников - поселений и некрополей, погребального обряда – керамики. Название она получила по имени городища Каунчи в 17 км от Ташкента, где археолог Г.В.Григорьев в 1933, 1935 и в 1937 гг. провел широкие раскопки и получил керамический материал, позволивший ему связать комплексы керамики со стратиграфией городища и выделить два этапа ее развития – Каунчи I и Каунчи II. Первый этап он датировал концом II тыс. до н.э. – I тыс. до н.э.; а второй сакским временем. Затем С.И.Тереножкин отнес Каунчи I ко II – I вв. до н.э., а Каунчи II у рубежу н.э., а С.П.Толетов датировал в свою очередь Каунчи I – I-II вв. н.э.

Постепенно с открытием новых памятников были очерчены границы распространения каунчинской культуры: Ташкентский оазис, включающий Ангрепо-Чирчикско-Келесский бассейн до Курамского хребта на юго-востоке и левобережье р. Сырдарьи на западе. С северо-востока к этому району примыкают долины Пскема, Чаткала и Таласа.

Изучения керамики каунчинской культуры позволило Л.М.Левиной выделить три периода в ее развитии: от рубежа I тыс. н.э. до начала IV в. н.э.; IV-VI вв. н.э. и VII-IX вв. н.э.

Наиболее хорошо изученным памятником каунчинской культуры является поселение Актобе неподалеку от Чардары. Оно расположено на правом берегу Сырдарьи. С трех сторон городище было обнесено валом, а со стороны Сырдарьи - пахсовой стеной. Внутри городища выделяется округлое в плане тобе (холм) высотой около 20 м над окружающей местностью. На территории его и в других частях Актобе 2 проведены раскопки. Один из раскопов полностью вскрыл дворцовое здание. Оно оказалось прямоугольным в плане, размером — 28x18,5 м. Дворец состоял из пяти крестообразно расположенных помещений, входного комплекса и двух коридоров, огибающих постройку с запада и востока. В центре его находился квадратный зал (3,6x3,6 м), который сообщался со всеми остальными помещениями арочными проходами. Он был когда-то перекрыт плоской кровлей. Высота стен зала в настоящее время достигает 6 м. В центре пола зала находился колодец. Помещение отапливалось очагом типа камина без дымохода, устроенным в северо-западном углу.

Помещения, расположенные вокруг зала, перекрыты коробовыми сводами, а одно из них - куполом, который является одним из ранних типов купольных перекрытий в Средней Азии и Казахстане. Важную роль в конструкции здания играла крыша, куда можно было попасть по лестницам и через люк в своде. Стены, перекрытия, арочные проходы во дворце выполнены из прямоугольного и квадратного сырцового кирпича.

При раскопках собрана большая коллекция керамики: горшки, кружки, сковородки, хумы, кувшины с носиками, находящие аналогии в материалах памятников I пол. н. э. Кроме керамических изделий найдены пряслица, трехперые черешковые наконечники стрел, золотая серьга, однолезвийные ножи, костяная пряжка с неподвижным язычком, бронзовые кольца, золотая бляшка с красной стеклянной вставкой, относящиеся к I-IV вв. н. э.

Важное значение для датировки дворцового комплекса имеет находка погребения в купольном помещении. Захоронение совершено в деревянном решетчатом гробу, поставленном вдоль западной стены. Покойник лежал на спине головой на запад. Характерен инвентарь: два сосуда из дерева, серьга из сплава серебра и золота, украшения зернью и вставками черного камня, берестяной футляр для колчана и лука, деревянный лук с костяными накладками, железный кинжал, две железные пряжки с подвижным язычком. По инвентарю погребение точно датируется рубежом IV-V вв., следовательно, верхняя хронологическая граница жизни поселения относится к началу IV в. н. э.

Для первого этапа каунчинской культуры характерны курганы с земляными насыпями и катакомбами с дромосом под ними. Внутри катакомб находилось одиночное либо коллективное захоронения. Оружие отсутствует.

Для второго периода характерно увеличение числа поселений.

Наряду с катакомбами и перпендикулярными ее длинной оси дромосом появляются подбойные и грунтовые погребения, подземные склепы. Преобладающими становятся одиночные захоронения. В погребальном инвентаре появляется оружие.

Посуда повторяет набор форм первого периода. Это тот же желобок на ручке, но зато очажные подставки с «головой быка» сменяются подставками бараньих голов. В это время в керамике появляются черты джетысарской культуры: рифленые на горле, мощение тулова, сливы на венчиках.

Для третьего периода характерна близость культуры с согдийской. Так в керамике появляется штампованный орнамент.

Многочисленные материалы для изучения каунчинской культуры первых веков нашей эры получены при раскопках могильников, расположенных на правом берегу Сырдарьи, в зоне Чардары. Наибольшее количество курганов (57) изучено в Шаушукуме. Здесь представлены все основные разновидности захоронений: катакомбы типа I, в которых камера располагается перпендикулярно дромосу; катакомбы типа II, где камеры являются продолжением дромоса; подбойные могилы; простые грунтовые могилы. Сочетание могильных сооружений разного устройства на одной

территории, часто в одних и тех же могильниках, является характерной особенностью эпохи и встречается во многих районах.

Наблюдается тесная связь населения, оставившего могильники, с населением поселений, расположенных часто поблизости.

Раскопки могильников. Захоронения в катакомбах выявлены в районе Чардары в трех пунктах. В могильнике Жаман-Тогай, в четырех курганах обнаружены катакомбы со ступенчатым дромосом (тип 1). Особенно интересны находки в разрушенном кургане 9. В камере обнаружен медный котел с прямоугольными ручками, на поддоне и с толстым слоем копоти. Котел по форме сходен с хуннскими котлами рубежа нашей эры. В другой катакомбе оказался глиняный кувшин с узкой горловиной и спиралевидным узором, также характерный для хуннской посуды. Там же найдены костяные пряжки с резным изображением животного.

В кургане 14 умерший лежал в катакомбе на камышовой подстилке, с левой стороны был положен длинный железный меч без металлического навершия и перекрестия. Три кургана, за исключением кургана 14, датированы рубежом нашей эры.

Во всех раскопанных курганах *могильника Актобе* захоронения находились также в катакомбах типа I. В отличие от других могильников, вход в катакомбу был заложен здесь сырцовыми кирпичами (40х40х12; 35х35х12 см). В могилах оказалось по два и четыре костяка, погребенных не одновременно. Умершие лежали вытянуто на спине, головами на восток, с отклонением к северу или северо-востоку. Возможно, катакомбы служили семейными усыпальницами. Курганы ограблены. Горшки и кувшины с ручками и без ручек часто украшены резным волнистым орнаментом. Применялся прием украшения мазками краски. Разнообразны кружки с ручками - банковидные, кувшинообразные и конические.

По устройству могил, погребальному обряду и отчасти инвентарю захоронения в катакомбах относятся к первым векам н.э. На основании сходства глиняной посуды и предметов быта из могильника Актобе с материалами соседнего и одновременного ему поселения Актобе 2 высказано предположение, что могильник принадлежал оседлым жителям этого поселения в I—III вв.

Наибольшее количество катакомб обнаружено в могильнике Шаушукум, расположенном рядом с поселением Шаушукум, на расстоянии 15 км к северо-западу от могильника Актобе. Катакомбы овальной формы вытянуты по линии запад — восток. Дромосы прямоугольные узкие длинные. Они, как правило, ступенчатые и подходят к камере с южной стороны. Почти все захоронения одиночные. Погребенные вытянуты на спине, головой чаще всего на восток (с отклонением к северу или югу), реже на запад. Умершего сопровождают богатый инвентарь и заупокойная мясная пища (баран). В одной могиле найдены кости рыбы, сома.

По составу инвентаря различаются мужские и женские захоронения. В погребениях мужчин найдены железные двулезвийные мечи и кинжалы без металлического перекрестья и навершия. Только у одного меча есть прямое

бронзовое перекрестье. На клинках сохранились остатки деревянных ножен, обтянутых изнутри тканью. От сложного большого лука так называемого «гуннского типа» уцелели костяные накладки. Железные наконечники стрел черешковые трехлопастные. Предметы быта представлены простыми ножами и железными пряжками с подвижным язычком. От конского снаряжения сохранились железные удила со стержневидными псалиями с закруглением на концах. Псалии инкрустированы золотой фольгой. В женских погребениях обнаружены предметы туалета и украшения: бронзовые плоские зеркала с ручкой-стержнем для насадки деревянных или костяных рукоятей, амулеты из костей животных, глиняные пряслица и разнообразные бусы, железные кольца, серьги. Глиняные сосуды встречены и в мужских, и в женских могилах. Количественно преобладают лепные плоскодонные сосуды: чаши, курильницы, горшки и кувшины без ручек. Характерны кувшины с зооморфными ручками, каннелюрами на горловине и мазками краски, а также кружки с двумя ручками и спиральными налечами наверху. Найдены также бронзовые чаши.

В катакомбах, где камера служила продолжением дромоса, вход в нее закрывался камнем или камышом (тип 2). Преобладают одиночные захоронения, в которых погребенные лежат, вытянуто на спине. Ориентировка меридиональная, в одном случае южная. Курганы разграблены. Инвентарь беден. Несмотря на несопоставимость по количеству находок, комплекс керамики, обнаруженной в этих катакомбах, несколько отличается от керамики катакомб типа I. Выделяются необычные по форме курильницы, а также фляга своеобразной формы. Вместе с тем встречен кувшин, украшенный мазками краски. Из предметов вооружения найдены длинный узкий меч и кинжал без металлического наконечника и перекрестья, а также трехлопастные наконечники стрел с черешком. Обнаружена железная острога с двумя зубцами. Интересны бронзовые зеркала с утолщенным валиком по краю диска и боковой ручкой-выступом. Своеобразна по форме прямоугольная костяная пряжка с циркульным узором.

Третья группа погребальных памятников (тип 3) представлена захоронениями в подбойных могилах. Все они вытянуты в меридиональном направлении, с небольшим отклонением к западу или востоку. Ниши подбоя выкопаны вдоль западной или восточной стен входной ямы. Вход в подбой закладывался камнем или сырцовыми кирпичами (39x39x12—15 см). В могилах найдены предметы вооружения — железные кинжал и трехлопастные черешковые наконечники стрел, а также костяные накладки на лук. Обнаружены плоскодонные горшки, кружки с ручкой, курильница. На кувшинах с ручкой и без нее нанесен узор мазками краски. Отмечается сходство подбойных погребений Шаушукумского могильника с позднесарматскими памятниками Нижнего Поволжья II—IV вв. и с памятниками Ферганы, Ташкентского и Бухарского оазисов.

Аналогичные могилы выявлены в Ташкентском оазисе, в долине р. Ахангаран, около городища Куль-Ата.

Захоронения в простых грунтовых могилах, которые в небольшом количестве встречены в рассмотренных могильниках. В двух курганах Шаушукумского могильника из шести под лёссовыми насыпями на древней поверхности обнаружены каменные кольца. Могильные ямы содержали по одному захоронению. В одном мужском захоронении найдены обломки железного меча, бронзовая серьга и два сосуда — кувшин и круглодонная чаша. Керамика отличается от посуды в катакомбах и подбоях, хотя некоторые из сосудов также украшены мазками краски.

Памятники джетыясарской культуры

Основной комплекс памятников джетыясарской культуры расположен в восточном Приаралье, в бассейне древних русел нижней Сырдарьи — Кувандарьи на обширной дельтовой аллювиальной равнине. Южная граница распространения джетыясарских памятников проходит к северу от сухого русла Жаныдарьи. Природные условия характеризовались здесь непрерывными изменениями гидрографических режимов дельтовых протоков. Джетыясарские памятники впервые были исследованы и выделены в отдельную культуру в 1946 г. С.П.Толстовым. Она получила название по имени урочища, где сосредоточено большинство памятников. Благодаря многолетним исследованиям Хорезмской археологической экспедиции памятники джетыясарской культуры изучены достаточно полно, а материалы раскопок и исследований опубликованы в нескольких монографиях Л.М.Левиной.

Удалось выделить три этапа в развитии джетыясарской культуры и определить верхнюю границу ее существования в рассматриваемом районе — до IX в.

Остается неуточненной начальная дата джетыясарской культуры. Крайне затруднено также деление памятников этапа на более дробные хронологические периоды не только из-за внешнего однообразия культуры, но и потому, что даже на самых маленьких джетыясарских городищах культурные наслоения составляют многометровые толщи. Все это делает попытки хронологического деления внутри этапа I, как и определение начальной даты, предварительными. Основываясь на стратиграфии нескольких памятников, сделана попытка разделить этап Джеты-асар I на три хронологических периода: 1а, 1б, 1в. Первый из этих периодов, вероятно условно, можно датировать временем в пределах с середины до конца I тысячелетия до н. э.; второй — последними веками до нашей эры — первыми веками нашей эры, возможно, II-IV вв. Третий период относится к V-IX вв. н.э.

Истоки джетыясарской культуры относятся к концу эпохи бронзы.

Известно 47 городищ джетыясарской культуры. Все они многослойные и хорошо укреплены, неукрепленных поселений нет.

Все городища расположены в непосредственной близости от русел и окружены курганными полями.

Обычно пять-шесть небольших городищ, тяготеющих к одному протоку или участку русла и находящихся на расстоянии 2—8 км друг от друга, составляют группу, в которой одно городище выделяется своими размерами.

Все джетыасарские городища первого периода представляют собой двухъярусное тобе округлой или овальной в плане формы, высотой 8—20 м над уровнем современной поверхности и площадью 0,5—10 га.

Ядро каждого городища составляет многослойный дом-массив со сложной фортификационной системой. Обычно верхняя площадка с трех сторон (реже - со всех сторон) окружена второй, более низкой площадкой, тоже обнесенной крепостной стеной. В период Джетыасар 1а на нижней площадке существовали значительные по размерам каркасные строения и, возможно, загоны для скота. Позднее, нижняя площадка, как и верхняя, была плотно застроена жилыми секциями. Вместе они составляли единый дом-массив. Лишь два городища имели и третью часть, пристроенную с севера и также огражденную мощными стенами. Как показали раскопки на одном из таких городищ (Джеты-асар 2), в центре пристроенной третьей части первоначально был искусственный водоем, и лишь позднее его территория, подобно двум первым частям, была сплошь застроена жилыми секциями.

Все постройки возведены из блоков битой глины- пахсы и прямоугольных в плане сырцовых кирпичей большого формата.

Фортификационные сооружения периода 1а выполнены из пахсовых блоков, иногда в сочетании с кирпичной кладкой. Зафиксированы случаи, когда тонкие ряды пахсы, чередовавшиеся с рядами сырцовых кирпичей (50 x 30 x 9 и 60 x 30 x 9 см) были нарезаны таким образом, что создавалось впечатление каменной кладки. Помещения этого периода большей частью имели сводчатые перекрытия. Своды сооружены из крупных трапециевидных в плане сырцовых кирпичей (45—50x23—25x25—30 см), положенных без наклона или же с незначительным наклоном и перевязкой колец. Помещения сообщались перекрытыми арками-проходами. Крупные помещения, дворы и, вероятно, постройки второй площадки имели плоские перекрытия. Деревянные столбы поддерживали кровлю. Дерево употреблялось и в дверных конструкциях.

В конце I этапа крепостные сооружения возведены только из рядов сырцовых кирпичей более мелкого формата (40—42x26—30 X X9—10 см). Сводчатые перекрытия башен сделаны из таких же крупных, как и в период 1а, трапециевидных кирпичей с небольшим наклоном колец.

Лежанки (суфы), очаги, каминьы сооружены из поставленных на ребро сырцовых кирпичей или их обломков, а затем обмазаны глиняным раствором. В мелких перегородках в качестве каркаса применялось дерево. В конструкциях дверных проемов, помимо деревянных планок, в качестве дверного подпятника обычно использовалась суставная кость животного. Стены, полы помещений, очаги, суфы тщательно обмазывались глиной. При различных перестройках внутри жилой секции и в разделяющих их

коридорах нижележащие планировки частично разрушались и плотно забивались кирпичем бутом.

Джетыасарская строительная техника достигла высокого уровня, о чем свидетельствует своеобразная конструкция сводов.

Все джетыасарские городища имели мощную оборонительную систему, при которой каждая площадка внутри городища была ограждена своими крепостными стенами. Раскопки позволили выявить динамику развития фортификационных сооружений.

Первоначально овальное в плане ядро крепости, (примерно 45x50 м), по периметру было защищено мощными стенами, возведенными непосредственно на материке из пахсовых блоков и сырцовых кирпичей. Крепостные стены были снабжены тремя или двумя рядами бойниц, расположенных в шахматном порядке. Внутри крепости в два этажа размещались узкие сводчатые помещения. Позднее к крепостным стенам снаружи были пристроены башни и стрелковые галереи на высоком цоколе, к последним - снова башни, но уже на более высокой платформе, а к этим башням приставлены новые крепостные стены.

Жилище. Джетыасарские городища представляют собой крепости со сплошной внутренней застройкой. Раскопки джетыасарских памятников позволяют говорить о двух типах самой ранней внутренней планировки городищ. Так, известно, что на верхней площадке городища Джеты-асар 2 внутри первоначальной крепости были ряды длинных узких сводчатых помещений, частью в два этажа, сообщавшихся друг с другом арочными проходами.

Затем появляется иной внутренней планировки. Эта планировка хорошо прослежена на раскопанном широкими площадями городище Джеты-асар 12. Здесь, на разрушенных до определенного уровня и плотно забутованных помещениях ранней планировки, было построено множество однотипных жилых секций.

Секции состояли из двух-трех помещений. Интерьер основного жилого помещения - с низкими широкими суфами вдоль двух (реже - трех) стен и центральным открытым очагом характерен для всех последующих слоев периодов.

Почти каждая секция была соединена с каким-либо одним отсеком стрелкового коридора, используемого в мирное время, очевидно, в качестве дополнительного жилого или хозяйственного помещения.

На всем протяжении дальнейшей жизни, на городище жилые секции внутри многократно перестраивались, менялись число и расположение помещений, их размеры и конфигурация, но основная площадь каждой секции оставалась неизменной.

Основные или главные жилые помещения в каждой секции - всегда самые большие по площади — имели в центре открытый очаг, обычно овальный или прямоугольный в плане, с закругленными углами, углубленный ниже уровня пола, с глиняными бортиками, часто

соединенными маленькими дугообразными глиняными валиками с краями суф, расположенных вдоль стены по обе стороны прохода. Вместе с такими же маленькими валиками, отделяющими торцовые части суф от прохода в помещение, очаговые валики отделяли предвходовое пространство, получившее название «лоткового входа». В местах соединения этих валиков с бортиками очагов помещались два симметрично расположенных «рогатых» кирпича, или «очажные подставки». Низкие и широкие суфы чаще всего строились вдоль двух противоположных стен и в центральной части перерезались проходами.

В основных жилых помещениях встречались подставки для зернотерок. Существовала также иная планировка основного жилого помещения секции. При этом варианте внутренней планировки основного жилого помещения проход в него располагался не в центре одной из стен, а в углу. Предвходовое пространство, своеобразный тамбур, отделялся от остальной площади помещения высокой (1,5 м и более) узкой кирпичной стеночкой (длина 1,5—2 м). Вдоль трех стен помещения располагалась П-образная суфа, более узкая и высокая, чем суфы в помещениях с первой планировкой. В центре помещения располагался углубленный ниже уровня пола открытый очаг, круглый в плане, с высокими бортиками и пристроенной трапециевидной в плане площадочкой, на которой поставлены две «очажные подставки» усеченноконической формы.

Помимо основного жилого помещения, в каждой секции были и одно-два подсобных, возможно, также жилых, но совмещавших и хозяйственные функции. Внутреннее пространство этих помещений, как правило, было занято несколькими пристенными очагами, хозяйственными ямами, хранилищами. Часто в качестве емкости для хранения (обычно зерна) использовались большие толстостенные сосуды из необожженной глины, овальные или круглые в плане. Эти сырцовые сосуды характерны для джетыясарской культуры и встречены на всех ранних памятниках во всех строительных горизонтах и периодах. Иногда в подсобных хозяйственно-жилых помещениях были и невысокие лежанки-суфы, на которых часто находились одно- или двухкамерные очаги. Размеры площадей, занимаемых разными секциями, варьируют в незначительных пределах.

Погребальные сооружения. Вокруг каждого джетыясарского городища располагается могильник, насчитывающий сотни и тысячи погребальных сооружений, которые представлены двумя видами — подкурганными грунтовыми захоронениями и склепами.

Курганные насыпи практически не сохранились и выявляются на современной поверхности в виде цветковых пятен или концентрации растительности во рвах, окаймлявших курганы. Диаметры рвов варьируют в пределах 8—20 м. В южной их половине имелась перемычка (ширина 1,2—2 м). Под каждой насыпью находилась обычно одна могила, но неоднократно отмечены случаи с двумя или более грунтовыми захоронениями. Могильные ямы ориентированы длинной осью по линии север—юг. В восточной стене могильной ямы были небольшие ниши, где устанавливалась часть сосудов и

лежали кости животных (баранов или коров). В нескольких могильных ямах по периметру были выкопаны небольшие и неглубокие ровики. Тело погребенного, завернутое в камышовую циновку, клали на подстилку из коры или переплетенного камыша в вытянутом положении на спине, головой на север. Погребальный инвентарь составляют один — три сосуда, при этом обязательны «кухонный» горшок, кувшин, кружка или чаша. Часть сосудов находилась в нише, часть — в ногах погребенного. Но отмечены случаи, когда сосуды (обычно горшки или кувшины) были поставлены около головы покойного. В погребение воина, помимо ножа и кинжала, нередко клали сложный лук с костяными накладками и стрелы. В женских погребениях часто встречаются бронзовые зеркала, брусочки мела, речные раковины, серьги, бусы, браслеты.

Вторую группу джетыасарских погребальных сооружений составляют склепы, которые подразделяются на два типа — подземные и наземные. Склепы обоих типов сооружены из прямоугольного в плане сырцового кирпича и перекрыты кирпичными сводами.

Подземные склепы представляют собой кирпичную камеру, встроенную в специально вырытый котлован. Прямоугольная (в среднем 5,5 х 4 м) или квадратная (5х5 м) в плане камера углублена в землю более чем на $\frac{3}{4}$ высоты и перекрыта поверх кирпичного свода земляной насыпью. В нескольких случаях удалось проследить идущую над стенами и частично над сводом камеры выкладку из двух горизонтально положенных рядов кирпичей, перекрытых земляной насыпью. Внешние края выкладки отстояли на 3,5—4,5 м от линии стен камеры. Внутренняя часть камеры в плане прямоугольна (в среднем 3,6 х 2 м), вдоль двух или трех ее стен располагались суфы-лежанки. С южной стороны в камеру вел коридорообразный арочный ступенчатый проход, выступающий на 1—1,5 м за пределы стен склепа. Своды склепов сооружались из трапециевидного сырцового кирпича. Полы, стены и суфы внутри камеры тщательно обмазывались глиной.

Погребенных, завернутых в войлочные кошмы или камышовые циновки, клали на суфы в вытянутом положении на спине. Рядом с ними на суфах и на полу размещали погребальный инвентарь: керамику, орудия труда и оружие. Около женщин клали брусок мела, раковины, бронзовое зеркало, обычно в матерчатом чехле. На полу между суфами разжигали огонь.

Склепы использовались для неоднократных захоронений, в каждом склепе было несколько погребенных. После каждого захоронения арочный проход закладывался кирпичами и замазывался.

Наземные склепы, также прямоугольные в плане, с коридорообразным входом с южной стороны, выступающим на 1,5 м за пределы стен камеры, были поставлены на платформу стилобат (высота до 80 см) из пахсовых блоков и нескольких рядов сырцовых кирпичей (40х30х9 см). Вдоль стен внутри камеры (5,6 х 2,6 м) сооружались высокие лежанки-суфы. Арка входа образована постепенным наплывом кирпичей и толстым слоем глиняной обмазки. Возможно, что и наземные склепы перекрывались земляными на-

сыпями. Судя по остаткам камышовых циновок, погребенные в наземных склепах также помещались на суфах.

Погребенные в склепах обоих типов сопровождались богатым набором инвентаря, но все исследованные склепы ограблены в древности, причем, судя по положению некоторых костяков, ограбление совершалось вскоре после захоронения, однако, в некоторых склепах уцелели остатки одежды с серебряными и бронзовыми бляшками, нашивками из позолоченной кожи, украшения из золота, серебра, бронзы. В одном случае сохранились остатки матерчатого головного убора, расшитого и украшенного металлическими бляшками, подвесками и стеклянным бисером.

Керамика. Материальная культура древнего населения Джетыясарского урочища отличается своеобразием, что проявляется, прежде всего, в керамическом производстве. Обнаружены гончарные обжигательные печи. Для нее, керамики, как и для всей культуры в целом, характерны необычайная целостность и своеобразие комплекса, устойчивость пропорций, орнаментальных приемов, архаизм и консерватизм на всем протяжении существования культуры.

Вся джетыясарская керамика делится на две группы: сосуды напольного обжига, грубой лепки, с небрежно промышленным и слабо отмученным тестом, безусловно, домашней выработки; сосуды горнового обжига, с хорошо промышленным и отмученным тестом, в большинстве случаев выполненные ручной лепкой при помощи, вращающейся подставки. И на гончарном круге.

Сосуды группы 1 (несколько сотен) имеют ангоб серого цвета и следы копоти на поверхности. Основную массу сосудов первого типа составляют горшки с плоским дном.

Большинство горшков не орнаментировано, но найдены сосуды с насечками, а также сосуды с орнаментом на тулове или плечиках в виде налепных шишечек (одной-трех) и полулунных валиков, иногда сочетающихся с шишечками.

Позднее получают широкое распространение открытые с одной стороны жаровни овально-прямоугольной формы с двумя-тремя налепными шишечками на бортике.

Тогда же распространяются невысокие, широкие в основании котлообразные сосуды, иногда орнаментированные налепным узором, имитирующим металлические ручки. В начале этапа II появляются сосуды, полностью повторяющие форму металлических гуннских котлов.

Находки наиболее крупных сосудов типа горшков и горшковидных хумчей, отмечены во всех периодах рассматриваемого этапа. Снаружи они покрыты густым красно-коричневым ангобом и лощением. Все они имеют раздутое, близкое к шаровидной форме тулово, прямое горло, маленький венчик диаметр которого в полтора—два раза превышает диаметр днища. Часть этих сосудов снабжена прикрепленными к краю вертикальными ручками.

Характерные для джетыасарского керамического комплекса фляги (сосуды для перевозки жидкостей) появляются с конца первого периода 1. Фляги имеют яйцевидное тулово (форма которого напоминает характерные джетыасарские кувшины), плоский бок относительно большого диаметра, прямое горло, отделенное от тулова уступом или валиком, и маленький венчик с одним или двумя сливами по краю.

Наиболее распространенной формой среди джетыасарских сосудов группы 2 были кувшины. На всех этапах большинство их покрыто густым красно-коричневым ангобом и лощением, но встречено значительное число сосудов с темно-серым, иногда почти черным ангобом и лощением. Кувшины имели раздутое тулово, прямое высокое горло, отделенное от тулова четким уступом или одним-двумя валиками, простой край либо обычный маленький треугольный или округлый в сечении венчик с одним (при наличии ручки), двумя сливами по краю. По форме тулова можно различить два типа кувшинов: с шаровидным и яйцевидным корпусом. Тулово кувшинов иногда украшено нелепными шишечками или валиками, а для горла характерно горизонтальное рифление. Наряду с кувшинами с одной вертикальной ручкой существовали экземпляры с двумя ручками.

Для того же периода отмечено появление кувшинов с характерным мелким горизонтальным рифлением на тулове и одним или двумя горизонтальными валиками на горле.

Миски и чаши также широко представлены в культурных слоях джетыасарских городищ и в погребальных памятниках. Миски и чаши покрыты густым красным или темно-серым ангобом и залощены.

Кружки на джетыасарских памятниках - почти такая же частая находка, как кувшины. Все они тонкостенные, хорошо залощены, с серо-черным или густым красно-коричневым ангобом, нанесенным с обеих сторон. Большинство кружек имеет близкое к шаровидной форме тулово с уплощенным или плоским дном, диаметр которого в несколько раз меньше диаметра края.

Уже в нижних слоях джетыасарского комплекса встречаются сосуды, украшенные резным пояском из штрихованных и незаштрихованных треугольников, со сплошным и зонным штампованным орнаментом, в частности, с полосой треугольных штампованных вдавлений, пунсонным и резным зигзагообразным узором. Сосуды с подобной орнаментацией есть и в слоях этапа II. Это прежде всего относится к сосудам с геометрическим орнаментом в виде сочетания прямых и зигзагообразных линий.

Оружие, конская упряжь. На джетыасарских памятниках найдены бронзовые, костяные и железные наконечники стрел, костяные накладки сложного лука, кинжалы. Редки находки небольших железных черешковых трехлопастных наконечников. В отличие от бронзовых и железных наконечников, костяные распространены достаточно широко и в погребениях, и в культурных слоях городищ. Все они тщательно залощены и отполированы. Некоторые имеют пулевидную форму.

В слоях первого периода найдены двудырчатые роговые и костяные псалии, аналогичные псалиям из материалов памятников середины и второй половины I тысячелетия до н. э. Помимо псалиев, к предметам конской упряжи относятся и части седел, изготовленные из костей крупных животных и, возможно, составлявшие внутреннюю основу передней луки седла.

Изделия из кости, камня и металла. Если пока еще нельзя говорить о собственном ювелирном или стеклянном производстве древнего джетыасарского населения, а о металлургическом производстве свидетельствуют скопления шлаков, обломки бракованных бронзовых предметов, то о существовании косторезного ремесла и мастерских по изготовлению предметов из костей животных и рыб свидетельствует немало фактов. Такую мастерскую удалось найти в одной из заброшенных башен городища Джеты-асар 12.

В ней была организована мастерская, где изготавливали костяные и роговые накладки сложных луков, наконечники стрел и другие предметы. Множество роговых и костяных лощил, скребков, проколов, рукояток ножей и шил, псалии, великолепно отполированные наконечники стрел разной формы (пулевидные, трехгранные черешковые, ромбического сечения черешковые, ланцетовидные), пряжки и подвески, кольца и тончайшие цепочки-бусы подтверждает высокое мастерство джетыасарских косторезов.

Постоянными находками в культурных слоях джетыасарских городищ являются костяные проколки, каменные оселки, лошिला, терочки, зернотерки.

Немало фрагментов плохо сохранившихся железных ножей с прямым лезвием и плавно изогнутой спинкой. Единичны находки крупных железных рыболовных крючков.

Одежда и украшения. Об одежде «джетыасарцев» можно судить по найденным в могильных ямах и подземных склепах остаткам полотняных и шелковых тканей от платьев, кафтанов и головного убора. Женский шелковый кафтан золотистого цвета из склепа 1 могильника Джеты-асар 2 имел геометрический узор зеленого цвета и был украшен нашивками в виде ромбов и треугольников из позолоченной кожи и рядами нашивных серебряных полугарных бляшек.

В склепе 1 могильника Джеты-асар 12 женский кафтан желтовато-коричневато-коричневого цвета был орнаментирован кожными и полотняными аппликациями красного цвета и обшит по вороту и бортам (до пояса) рядами металлических полусферных бляшек, а на рукавах вертикальными рядами синих стеклянных бисерных бусин сирийского производства (не менее трех рядов по 10 штук). Серебряные и бронзовые бляшки часто украшали нагрудную сторону одежды, сохранившуюся и в других погребальных сооружениях, а иногда обрамляли и рукава. Зафиксирован геометрический орнамент в виде концентрических кругов из металлических бляшек разного диаметра, нашитых на плотную полотняную ткань. В нескольких случаях можно предполагать, что под кафтаном было длинное женское платье красного цвета. В одном из склепов могильника Джеты-асар 12 сохранились

фрагменты головного убора из темно-красной ткани с обшивкой из серебряных и бронзовых бляшек и, возможно, кожаной аппликацией по нижнему краю. По бокам к этому убору были привешены на нитках с синими стеклянными бисеринками круглые плоские металлические подвески в виде тонких литых пластинок — по 12 с каждой стороны. Остатки кожаных поясов и сапог (в одном случае с разноцветной аппликацией), бронзовых сапожных пряжек и бляшек-заклепок свидетельствуют об обычае «джетыасарцев» носить высокие кожаные сапоги.

К украшениям джетыасарской культуры относятся бусы, серьги, браслеты, кольца, подвески, бляшки. Довольно часты в погребениях и культурных слоях городищ находки янтарных бус. Округлоребристые бусы бирюзового цвета из египетского фаянса, коралловые цилиндрические, пастовые и стеклянные округлые, стеклянные глазчатые (синие с белым), халцедоновые круглые известны с IV—III вв. до н. э. и в первые века н. э.

Находки дерстней (бронзовых и каменных, в том числе сердоликовых) на джетыасарских памятниках единичны. Бронзовые, каменные и хорошо отполированные костяные кольца встречаются гораздо чаще. Браслеты представлены фрагментами костяных, железных и бронзовых.

Основную массу бронзовых серег джетыасарского комплекса можно отнести к двум типам: в виде кольца с чуть заходящими друг за друга концами; в виде колечка с утолщенной средней частью.

К концу первого периода относится захоронение, где найдены крупные серьги из низкопробного золота с бронзовой дужкой и стеклянными вставками. Серьги имели вид лунницы с симметрично напаянными семью зернеными шариками. С обеих сторон лунницы прикреплено по три гнезда для вставок, а с лицевой стороны между гнездами на ребристой нижней поверхности — группы зерни.

Очевидно, к этому же периоду можно отнести серебряные и бронзовые наконечники ремней, основную массу круглых и овальных в плане бронзовых и железных пряжек с подвижным языком.

К концу первого периода относится пластинчатая фибула с двойной пружиной, аналогичная распространенным в пшеворской культуре Польши в IV в. н. э.

Бронзовые зеркала найдены и в погребениях, и в культурных слоях городищ. Обычно это плоские диски, часто с небольшим утолщением по краю и черешковой ручкой, отлитой вместе с диском. В одном из подземных склепов встречено крупное зеркало, орнаментированное вдавлениями на черешке и по краю диска.

К культовым предметам, вероятно, принадлежат бронзовые подвески-амулеты в виде птиц и животных.

Найдены глиняные и алебастровые идолчики в виде примитивных изображений человека, часть из которых была раскрашена.

К первому периоду относятся каменная парфянская гемма. Найдены халцедоновые геммы (с прорезным орнаментом, и сценой охоты хищника на

зебу, «жрецом», «волком», растительными изображениями) сасанидского происхождения.

Находки каменных и стеклянных бус египетского, сирийского, индийского происхождения, шелковых тканей, позднепарфянских и сасанидских гемм свидетельствуют о широких торговых связях джетыасарского населения.

Хозяйство, социальная организация. Хозяйство обитателей городищ носило комплексный характер — скотоводство и земледелие сопровождалось рыболовством и охотой. Скотоводство, игравшее преимущественную роль в хозяйстве, характеризовалось сочетанием разных видов скота при общем преобладании в стаде крупного рогатого скота. Интересна находка в одном из жилых помещений костей верблюдов и домашних свиней.

Важное значение имело и земледелие. Следы ирригационных сооружений, зафиксированные на всей территории Кувандарьинского бассейна, обилие зернотерок во всех культурных слоях, многочисленные находки зерен проса и ячменя подтверждают значимость земледелия. Преобладали лиманно-озерные формы орошения с использованием нерегулярных речных паводков, обводненных стариц, небольших систем, не требовавших значительных трудовых затрат. В окрестностях некоторых городищ сохранились остатки водосборных бассейнов, постройкой которых жители пытались остановить и замедлить процесс исчезновения воды, вызванный заилением и отмиранием речных протоков.

Множество находок костей и чешуи рыб, рыболовных крючков, а также обилие костей диких животных в раскопанных помещениях свидетельствуют и о значительной доле рыболовства и охоты в комплексном натуральном хозяйстве «джетыасарцев».

В первый период джетыасарская культура была связана с культурами среднесырдарьинских районов (каунчинской и прежде всего оттарско-каратауской). С двумя последними джетыасарскую культуру объединяет немало общих черт в типах расселения, близком внешнем облике городищ, характерном наборе посуды с близкой технологией ее изготовления. Эти общие черты в определенной степени могут быть объяснены одинаковым типом хозяйства, в значительной мере обусловленного спецификой физико-географических условий. Длительные и теснейшие культурные связи населения джетыасарской и оттарско-каратауской культур свидетельствуют об этнополитических контактах.

В 1999 г. А.Н.Подушкиным была выделена Арысская археологическая культура, которая датируется в хронологическом диапазоне с IV в. до н.э. VI в. н.э. Ареал распространения ее охватывает: бассейн реки Сырдарьи в среднем ее течении (от Чардаринского водохранилища до Оттарского оазиса включительно); бассейны рек Келес, Курук-Келес, Бадам, Боролдай и Арысь (верхнее и среднее течение); горный массив Каратау: южные и северные склоны, горная зона; бассейн реки Талас в среднем и нижнем течении; горные и предгорные зоны хребтов Каражантау и Казыгурт. Изучены следующие памятники: поселения Караултобе, Актобе Чаянское, Каратобе,

Алтынтобе, Костобе-1 Арысское, Шукурбулактобе; городища Торткультобе, Тулебайтобе, Культобе, Караспантобе; могильники Актобе, Чаянский, Каратобе, Алтынтобе, Ордабасы, у с. Панфилово, Султанрабат, Тулебайтобе-1, Тулебайтобе-2, Культобе; курган 1 могильника Чимкентский и одиночный курган у с. Косагаш.

Памятники сосредоточены в роли естественных границ между которыми выступают горные хребты или обширные безводные пространства. Выделяются следующие оазисы: Чачский (долина р. Чирчик); Келесский (долина р. Келес); Арыско-Бадамский (р. Арысь в верхнем и среднем течении, р. Бадам); Отрарский, Туркестанский (р. Арысь в нижнем течении, реки Карачик и Сырдарья, южные склоны Каратау); Бабаатинско-Кумкентский; Сузакский, Ассинский оазис (северные склоны Каратау, реки Асса и Ушбас).

Наиболее крупным, по мнению А.Н.Подушкина, является Арыско-Бадамский оазис, который выделяется размерами территории, количеством и типологическим разнообразием памятников.

Археологические материалы, как считает исследователь, показывают, что в середине I тыс. до н.э. в этом регионе зарождаются истоки земледельческо-скотоводческой культуры: «Они фиксируются археологически в виде устойчивых систем традиций в материальной сфере на большой группе типологически разнообразных памятников - городищ, поселений, могильников.

В рамках этих систем традиций хорошо выделяются признаки и специфический комплекс признаков в виде артефактов, характер которых, а также качественные характеристики сохраняются с некоторыми объективными трансформациями в течение почти тысячелетия (IV в. до н.э. - VI в. н.э.).

Они включают в себя:

- группы археологических объектов, расположенных преимущественно на надпойменных террасах;
- развитую систему фортификации с максимальным использованием естественных защитных свойств надпойменной террасы;
- оригинальную керамику с характерным набором форм, и декора;
- погребальные катакомбные сооружения и соответствующий обряд;
- оружие и конское снаряжение; -зооморфные и антропоморфные артефакты;
- предметы быта, культа и украшения;
- уникальные артефакты.

Перечисленные блоки артефактов как специфический комплекс признаков и система традиций представляют собой археологическую культуру, названную арысской.

Арысская культура в своем развитии прошла три генетически связанные фазы: IV III в. - I в. до н.э. (караултобинский этап); I в. до н.э. - IV в. н.э. (каратобинский этап); IV-VI вв. н.э. (алтынтобинский этап). Данные этапы отражают определенную степень развития спектра традиций в рамках арысской культуры на фоне ее возникновения, трансформации и упадка.

Периодизация арысской культуры фиксирует политические и этнические процессы на территории Южного Казахстана. В контексте с письменными источниками этнонесущие признаки культуры позволяют реконструировать ее этническую атрибуцию. В основе своей она полиэтнична, в ней отмечены следующие ключевые компоненты: сакский, сарматский и сюннуский (караултобинский и ранние стадии каратобинского этапов); канцзюйский (каратобинский и алтынтобинский этапы).

Материалы арысской культуры уточняют некоторые аспекты канцзюйской проблемы, связанные с вопросами локализации малых владений этого этнополитического объединения и его столицы, города-ставки Битянь. Оазисность концентрации памятников, масштабность и своеобразие топографии некоторых объектов, наличие укрепленных районов, связанных с мощной системой фортификации, а также уникальные артефакты, представленные древней письменностью, дают основание локализовать основные владения Канцзюй на территории арыско-бадамского района, а столицу связать с городищем Караспантобе.

Наглядный образ арысской культуры демонстрирует устойчивость, консервативность и земледельческо-скотоводческий синкретизм ее систем традиций. Они редко фиксируются за пределами основного территориального ядра культуры, зоны Арысь-Каратау. Только на заключительном этапе своего развития в археологическом комплексе культуры отмечается влияние каунчинской и джетыасарской культур, которое связано с процессами миграций древнего населения Сыр-Дарьи.

Как археологическая и этнокультурная реалья арысская культура перестает существовать в VI в. н.э. В это время происходит качественная смена культурных традиций и приходит в упадок основная масса ее памятников. Тогда же с исторической арены сходит этнополитическое объединение Канцзюй. Его древнее полиэтничное население было главным носителем систем традиций арысской археологической культуры». Это - заключение из автореферата докторской диссертации А.Н. Подушкина, которое не подтверждено, доказательной информацией и вызывает выражение исследований (Е.А.Смагулов, К.М.Байпаков, Ю.Ф.Буряков, Б.А.Байтанаев).

Наиболее развернутую критику системе выделения Арысской культуры и ее хронологии приводят Е.А.Смагулов и Ю.Ф.Буряков.

Они замечают, что каратобинский этап (IV-I вв. до н.э.) выделенный на базе раскопок поселения Каратобе не содержит материала, который можно уверенно отнести к разванному периоду.

Арысская культура как бы имеет четких границ, она занимает огромную территорию, которая, согласно многолетним исследованиям большой группы ученых была местом локализации двух самостоятельных культур каунчинской и оттарско-каратауской (Григорьев, А.Н.Бернштам, Л.М.Левина, Ю.Ф.Буряков, А.Г.Максимова, К.А.Акишев, К.М.Байпаков, Л.Б.Ерзакович).

Катакомбный обряд погребения - «эталонный и единственный» признак арысской культуры не является таковым. В ареале, занятом отрарско-каратауской и каучинской культурами, а по А.Н.Подушкину Арысской культурой, под курганными насыпями устраивались могильные сооружения и в виде катакомб различного типа: в виде грунтовых ям; ям с подбоями; наусыов, каменных ящиков. Известны также кладбища в виде искусственных платформ, где покойники были погребены в грунтовых ямах, ямах, обложенных сырцовым кирпичом, в больших сосудах - хумах.

«Оригинальная керамика» Арысской культуры не отличается от керамики Отрарско-каратауской и Каучинской культуры (Л.М.Левина).

Оружие и конское снаряжение как специфический признак кочевых культур распространено от Монголии до Дуная.

То же касается предметов быта и украшений, характерных для евразийских степей первой половины I тыс. н.э.

Вряд ли специфическим свойством только арысской культуры можно считать расположение ее памятников на надпойменных террасах и развитую систему фортификации.

Нет доказательств и принадлежности «уникальных артефактов»- кирпича и обломков кирпичей с надписями к Кангюйскому государству, ввиду отсутствия датировок и увязки находок со стратиграфией городища Культобе, где они были обнаружены.

Поэтому выделение А.Н.Подушкиным самостоятельной Арысской археологической культуры с неопределенным ареалом распространения; с искусственно выделенным центром ее в долине средней Арыси и Бадама, в противовес таким оазисам как Отрарский, Шашский, Туркестанский; с необоснованным выделением раннего этапа IV-I вв. до н.э., не отличается корректной аргументами и не принимаются исследованиями.

Хунну

В первом тысячелетии до н.э. обширные пространства Центральной Азии от Ордоса на юге современной Монголии до Прикаспия населяли различные по своему происхождению и этническому составу племена.

Прогресс хозяйства, относительная общность быта, этническая близость, факторы политического порядка привели к созданию в Центральной Азии государств и объединений. Одним из них сияло государство Хунну. Наименование Хунну (сюнну), появившееся в китайских источниках в конце III в. до н.э., относилось к политическому образованию, воспринявшему в свою среду племена различного происхождения и периодически распространявшему сферу своего влияния на территорию от берегов Тихого океана и Северного Китая до Алтая и Семиречья, а позднее и дальше на запад.

Содержание и реальное звучание этнонима хунну (сюнну) пока не ясны. Его древнекитайская транскрипция, как показывают исследования, восходит к той же форме, что и фруна (труна) греческих и древнерусских

летописцев. Термины тунн и гунн одинаково использовались по отношению к одной и той же этнополитической общности, районы которой были различны.

Верховного правителя хуннов китайские авторы называют шаньюй. В 206 г. до н.э. во главе гуннских племен становится Модэшаньюй. В первые же годы своего правления Модэ нанес сокрушительные удары по границам Китая, заставив только что утвердившуюся династию Хань отказаться от своих претензий на кочевья хуннов в Ордосе. Ханьский император Гаоцзу был вынужден склониться перед Модэ и подписать с ним "договор о мире и родстве", согласно которому обязывался выдать за шаньюя княжну из своего дома и ежегодно платить дань в виде "даров", ставшую затем постоянной. На востоке хунну подчинили племена "восточных ху", в состав которых входили сяньби и ухуань, обитавшие, предположительно, в долинах Керулена и Онона. На западе и северо-западе под угрозой подчинения хуннам находились племена юеди (юеджи). Под властью хуннских шаньюев оказались территории от современной Кореи до земель Западного Китая, на севере же племена, объединенные в хуннскую конфедерацию, распространялись до южных районов Забайкалья.

В источниках зарегистрировано и еще одно направление хуннских походов - алтайское. Под 201 г. до н.э. летописец сообщает, что хунну, продолжая движение на север и северо-запад, покорили страны Хуньюй, Цюйшэ, Динлин, Гэкунь и Синьли. В комментарии к тексту значится, что названные пять стран находились от сюнну на севере, по-видимому, на западе от р.Кем (Енисей) до Илийской долины.

Усиление хуннских племен в последующие десятилетия сопровождалось активизацией их действий на западе. В 177 г. до н.э. Модэ отправил своего западного туки (князя) в поход против юеди, якобы за самовольное выступление против оседей. Хуннская конница нанесла поражение юедийцам где-то в районе Чжанье-Гантчжоу и, кроме того, покорила несколько уделов на окраине складывавшейся хуннской коалиции.

Общество - хунну уже в середине I в. до н.э., помимо утраты своих вассальных владений раскололось на две группировки - южную, под предводительством Хуханьешаньюя и северную, под руководством Чжичжи. Южные хунну остались обитать на территории Ордоса, а северные, под давлением своих соплеменников, передвинулись на Саяны и в Прибайкалье.

Главную роль в жизни хуннов играло скотоводство. Как писал Сыма Цянь: "Обитая за северными пределами Китая, они переходят со своим скотом с одних пастбищ на другие. Из домашнего скота более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот; частью разводят верблюдов, ослов, лошадей. Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде... Начиная с владельцев, все питаются мясом домашнего скота, одеваются его кожами, прикрываются шерстяными и меховыми одеяниями. Особенно важную роль в жизни хунну играла лошадь. Овца же давала мясо, овчину, шерсть. Овчина и шерсть шли на изготовление одежды и обуви, из шерсти также делались кошмы.

Почти все поголовье круглогодично содержалось на подножном корму.

Хунну знали оседлость и земледелие. В источниках сообщается, что "в северных землях стужа рано наступает, и хотя неудобно сеять просо, но в земле хунну сеяли". При раскопках Нижне-Иволгинского городища в Забайкалье обнаружена изрубленная солома в глиняной обмазке полов. Здесь же найдены остатки постоянных зимних жилищ - полуземлянок, обогреваемых системой канов. Обнаружены зерна проса, чугунные сошники, железный серп, каменные зернотерки и ямы-зернохранилища. Об оседлости у хунну свидетельствуют деревянные срубы, в которых совершались захоронения.

Охота играла в жизни хунну важную роль. Об этом источники сообщают так: "...мальчики могут ездить верхом на овцах, натягивать лук и стрелять птиц и мышей; немного подросши, они стреляют лисиц и зайцев, которых употребляют в пищу... По существующим среди них обычаям, в спокойное время следуют за скотом и попутно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом существование". При раскопках погребений хунну найдены кости антилопы, кабана, кулана, дикого оленя, горного барана, косули, зайца и лисицы.

В погребениях встречена керамики - кувшины, горшки, кружки, лепленных от руки и изготовленных на гончарном круге, что свидетельствует о развитии гончарства. Встречаются вещи иноземного происхождения, шелковые ткани, предметы роскоши, зеркала, поделки из нефрита.

Основу войска хунну составляла подвижная маневренная конница. На вооружении воина-всадника были лук и стрелы. Луки, судя по материалам раскопок, были двух типов. Ранний лук имел деревянную основу с тетивой из сухожилий животных. Его деревянная основа обкладывалась костяными пластинками (всего до семи), по две с вырезами для крепления тетивы на краях, по четыре трапециевидных пластины в центре и последняя на вершине дуги. Так увеличивалась гибкость лука. Длина лука достигала 70-80 см. Стрела имела железный трехреберный наконечник. Второй тип лука больше и тяжелее. От него сохранились массивные трехреберные железные наконечники стрел с черешком. Такие луки и стрелы предназначались для стрельбы по противнику, носящему кольчугу. Имелся и щит, круглой и овальной формы, с деревянной рамой, в которую вставлялась основа из прутьев.

Согласно источникам, хунну делились на 24 рода, во главе которых стояли "начальники поколений" (старейшины). Сохранялись такие институты родового строя, как совет старейшин и народное собрание. Источники сообщают, что "у гуннов было обыкновение три раза в году собираться в Лунци, где в первой, пятой и девятой луне, в день под названием "сюй" приносили жертву духу неба... на сих собраниях начальники поколений рассуждали о государственных делах, забавляясь конской скачкой и бегом верблюдов".

Материалы из захоронений ясно характеризуют момент имущественного неравенства в хуннском обществе.

У хунну имелись рабы из военнопленных и населения подвластных областей. Они использовались в качестве домашней прислуги, в качестве пастухов, ремесленников и землепашцев.

Во главе страны стоял шаньюй, обладавший почти неограниченной властью. Вслед шли князья, называвшиеся темниками. Они являлись сыновьями, братьями или близкими родственниками шаньюя. Всего темников было 24, и каждый из них имел свой район для кочевания. В своих владениях темники могли ставить тысячников, сотников. Шаньюй, однако, мог отбирать у непокорных или провинившихся темников их земли, тем же правом обладал темник по отношению к своим сотникам и десятникам. Должности и высшие чины передавались по наследству.

Характерной чертой древнекочевнических раннеклассовых объединений типа общества хунну, является формирование государственности со своей администрацией и аппаратом принуждения, частично уже сменяющими органы родоплеменного устройства, частично выступающими в их обличий, приспособлявая их к новым условиям.

Вопросы атрибуции древностей хунну. Вопросы об археологических памятниках хунну ставился различными авторами при рассмотрении особенностей известных материалов (кочевнических культур, подбойно-катакомбных комплексов населения Средней Сырдарьи, Ферганы и Северной Киргизии). Их гуннская принадлежность определялась то на основании особых черт наиболее ярких комплексов первых веков нашей эры, то за этнический показатель брались отдельные черты погребального обряда (подбойно-катакомбные погребения), то набор вещевого материала (вооружение, ювелирные изделия, котлы) и черты погребального обряда (наличие огня, костей коня) в комплексах конца IV-V вв. (А.Н. Бернштам).

Шаткость атрибуции памятников и хунну уже отмечалась в специальных исследованиях. Так, С.С.Сорокиным, довольно убедительно доказано местное происхождение основной части подбойно-катакомбных погребений Ферганы и Таласской долины.

Введение в научный оборот материалов джетыясарской культуры и урало-казахстанских гунно-сарматских комплексов позволяет по-новому построить археологический образ этнокультурных процессов, связанных с миграцией центральноазиатского населения в степи Западной Азии. О них пишут археологи С.Г. Боталов и С.Ю. Гуцалов. Китайские хроники второй половины I в. до н.э. Сун-шу говорят о том, что Шаньюй Чжи-Чжи создает союз с кангюями против усуней, приводит свои племена к восточным границам владений Кангюи.

В это время в джетыясарских некрополях наряду с сырцовыми склепами, кочевнических курганов с узкими прямоугольными ямами и подбоями, с северной ориентировкой, появляются котлы, керамическая посуда хуннского облика и китайские зеркала раннеханьского времени.

Видна, схожесть погребальных комплексов, совершенных под грунтовыми курганами в ямах с заплечиками, и нишами в подбойных ямах, которые исследованы в могильниках Томпакасар, Алтынасар с хуннскими и

хунно-сарматскими погребальными комплексами Кокэльских курганов Ильмовой Пади, и, особенно, из могильника у деревни Даодуньцзы в Северном Китае. Ярким элементом схожести и этнокультурной маркировки является присутствие костей животных в нишах, а также черепов коров в погребениях, которое было выделено как важнейший показатель хуннской культуры. Двухкомпонентность керамического комплекса Джетыясар, в котором группу 1 образуют сосуды кочевнического облика открытого, «напольного» обжига, грубой лепки, изготовлены из неравномерно перемешанного теста, поверхность покрыта серым налетом. Эти сосуды плоскодонные, имеют удлинённые пропорции, плавно профилированные формы, раструбообразную шейку. Сюда относятся горшки с короткой шейкой и отогнутым венчиком, имеющие лунообразные или пупырчатые налёпы. Посуда второй группы, изготовленная ремесленным и обожжённая горновым способом, представлена разнообразными формами горшков, хумов, фляг, кувшинов и др. По мнению Л.М. Левиной, эти типы либо продолжают традицию ранее сложившегося местного керамического комплекса, либо обязаны своим появлением влиянию сопредельных этнокультурных очагов из среднесырдарьинского, ферганского и притяньшаньского ареалов. К этому же числу, безусловно, относятся керамические котлы хунно-гуннского типа. Двухкомпонентность джетыясарской культуры отчасти подтверждается и наличием двух основных типов погребального обряда сырцовых склепа и курганных захоронениях.

Вероятно, со II в. н.э. хунны начинают активно осваивать урало-аральскую пастбищную, которая являлась традиционной территорией сезонных миграций многих кочевых сообществ урало-казахстанских степей. Таким образом, с этого времени, как полагают исследователи, хунские кочевники появляются у лесостепной кромки Южного Урала. Вероятно, к концу II в. н.э. в Приаралье резко ухудшается экологическая ситуация, связанная с регрессией гидросистемы, что приводит к III—IV вв. к заболачиванию Арала и опустыниванию бассейна Сырдарьи. Именно с этого периода территория урало-ишимского междуречья становится зоной обитания гунно-сарматского и кангюйского населения.

На западе гунно-сарматы граничили и взаимодействовали с сармато-аланскими племенами II-IV вв., что иллюстрируется материалами крайне западных некрополей гунно-сарматской культуры Лебедевского комплекса, где велик процент подбойных погребений (особенно среди женских). Этот же процесс подтверждается и материалами заволжских памятников позднесарматской культуры. Здесь наиболее рано появляется северная ориентировка умерших, частая встречаемость вещей гунно-сарматского облика (котлов хуннского типа, отдельных типов кувшинов. Можно предложить, что во II-IV вв. на восточной границе степной Европы происходило смешение двух кочевых сообществ, которая завершилась окончательным сложением кочевого государства гуннов и разгромом волжских и донских сарматов и аланов. Со второй половины IV в. урало-

казахстанские степи опустели. Зоной активных этнокультурных процессов становится лесостепь Южного Урала.

Согласно гипотезе С.Г.Боталова и С.Ю.Гуцалова, гунно-сарматский культурный комплекс складывается на обширной территории севера китайских провинций (Шанси, Шэнси, Ганьсу, Хэбэй), Ордоса, части Внутренней Монголии и юго-западной Маньчжурии в раннее время. Основные его черты: положение скелетов вытянуто на спине, головой на север; погребения в прямоугольных ямах с наличием ниш, подбоев, уступов; жертвенники в виде голов домашних животных. Эти черты начинают оформляться еще в шанско-иньское время в среде культур, оставленных индоевропейским населением (жуны, ди) севера Китая. Они составили различные комплексы, так называемой «культуры ордосских бронз». Это привело к формированию к концу III в. до н.э. «классической хуннской культуры», по определению китайских исследователей. Этот комплекс включал в себя следующие черты: наличие округлых каменных насыпей; узких прямоугольных ям; гроба; северной ориентировки, для рядовых погребений и сооружения сложных многосекционных, прямоугольных с дромосом (на юг) склепов; наличие глубоких ям, на дне которых внутри сруба помещается гроб с покойником, уложенным головой на север - для аристократических усыпальниц. Окончательная унификация хуннского или хунно-сарматского культурного комплекса произошла на территории Монголии, Забайкалья, а также Тувы (памятники кокэльской и шурмакской культур) во II—I вв. до н.э. Далее в определенной мере этот комплекс трансформируется в пределах Южного и Западного Казахстана. И, как уже говорилось, гунно-сарматский культурный комплекс просуществовал в пределах урало-казахстанских степей со II по IV вв. н.э.

Археологические памятники хунну на территории Казахстана очень редки. Хунну не оставили в степи значительных могильников или курганов, которые можно было бы с уверенностью отождествить с ними. Другая причина отсутствия памятников заключается в характере погребального обряда. Хунну не возводили курганов, а отмечали погребения оградкой из камней.

В Южной Сибири, где известны могильники хунну, захоронения совершались в срубках, поставленных на предварительно вырытый котлован. В котловане располагаются колоды с покойными и инвентарем. Тело укладывали во внутренний ящик, который затем помещали во внешний гроб. Умершего сопровождали дорогие предметы быта, оружие, одежда, а также наложницы и рабы. В качестве сопровождающей загробной пищи клали мясо крупного рогатого скота. Найденные в могилах черепа и кости этих животных в совокупности с предметами ремесла характеризуют полуседлость части.

Предметы, отождествляемые с хунну, на территории Казахстана редки и случайны. С хунну связывают особые высокой конструкции седла, чешуйчатый орнамент, имитирующий перья, бронзовые котлы. Но наиболее яркие изделия хунну - лук особой конструкции и украшения. Во многих

погребениях эпохи великого переселения народов находят украшения, инкрустированные цветными вставками из камней. В погребениях хунну золотом и инкрустацией украшены оружие, головные уборы, пояса, обувь, седла и сбруя. Создается впечатление особой пышности и богатства. На самом деле массивные вещи из золота редки и невелики. Обычно это серебряные и бронзовые предметы, обтянутые тонким золотым или позолоченные. Сравнительно недороги красные и зеленые камни инкрустации.

Классический лук хуннского типа имеет семь костяных накладок: две пары концевых, обычно неравной длины и три срединные, из которых две широкие помещались по бокам деревянной основы лука, а третья, узкая, со слегка расширенными концами, посередине между ними с внутренней стороны. Плечевые части лука дополнительно укреплялись костяными пластинками. Из-за разницы в концевых накладках хуннский лук был ассиметричен.

Женские погребения отличают особого рода диадемы а также поясные пряжки, бусы как элемент украшения головного убора. От кожаной обуви сохранились пряжки и наконечники обтягивающих ремней.

С хунну исследователи Казахстанских древностей связывают два памятника. *Это захоронение на городище Актобе*, раскопанное Л.М.Левиной. Погребение оказалось целиком в слое песчно-глинистого намыва. Удалось выяснить конструкцию деревянного гроба. В слое намывов, плотно закрытых кирпичным завалом, на месте сгнившего дерева сохранились пустоты с легкой древесной трухой, имевшей форму частей гроба. В пустотах и намыве были видны даже пазы гроба, что дало возможность полностью его реконструировать.

Гроб стоял вдоль западной стены помещения, упираясь в его северную стену.

Он имел длину 2,1 м, ширину в изголовье 60 см, в ногах 42 см. Его конструкция решетчатая. Четыре столбика квадратной в сечении формы (5X5 см) расположены по углам и соединяют верхнюю и нижнюю рамы, скрепленные между собой шестью вертикально поставленными плоскими дощечкам.

Дно гроба образовали семь аналогичных плоских дощечек шириной 5-6 см, вставленных в пазы продольных брусков нижней рамы и располагавшихся между пазами для вертикальных стоек. Верхняя часть угловых столбиков, судя по найденному от одного из них в изголовье деревянному фрагменту, была украшена резьбой в виде понижающихся в плоскости кругов. В центре находилось бронзовое украшение - плоская бляшка диаметром 1,5 см, со штырьком на обратной стороне для закрепления в дереве. Крышку гроба найти не удалось, вероятно, она была разрушена завалом; сохранилась лишь ее крайняя восточная продольная плаха.

По отпечаткам на грунте удалось проследить, что боковые стенки гроба были обмотаны четырьмя, очевидно, кожаными полосами шириной до 7 см. Никакой подстилки на дне не обнаружено. В гроб был положен покойник и

инвентарь. Головой погребенный был ориентирован на северо-запад, положение его было вытянутое, на спине. Справа у головы стояло два деревянных сосуда.

У черепа лежала крупная подвеска - лунница из сплава серебра с золотом, богато украшенная зернью и стеклянными вставками.

Всю нижнюю половину туловища покойника закрывал большой берестяной (судя по остаткам и отпечаткам) футляр для колчана и лука. Длина его не менее 1 м, ширина у устья 38 см, округлого дна 28 см.

Внутри футляра лежали деревянный лук длиной 1,2 м с костяными обкладками, железный однолезвийный нож, крестец от барабана и колчан со стрелами.

Колчан (длина 77, ширина 11 см), судя по отпечаткам, берестяной, дно деревянное толщиной 2,4 см. Следов от крышки не обнаружено. Стрелы железные, плохой сохранности (более 20 штук). Наконечниками торчали из колчана; древки их длиной 70-75 см, камышовые. Наконечники трехперые, длиной от 5,5 до 7 см. Две стрелы с древками были вытянуты из колчана, их наконечники находились у плеча покойника. Один из них двухперый, плоский, края лопастей слегка подрезаны вверх, боевая часть к острию закруглена. Другой наконечник трехперый, с опущенными небольшими жальцами.

Ниже пояса поперек тазовых костей скелета лежал железный кинжал. Он плохой сохранности, двулезвийный, длина с рукоятью 35 см; рукоять без навершья и перекрестья, переход к клину под прямым углом. На нем есть следы от деревянных ножен. Выше и ниже кинжала обнаружены две железные пряжки. Одна из них с подвижным язычком и круглым щитком, другая без сохранившегося язычка с подпрямоугольной вытянутой площадкой.

Ниже ребер поверх скелета лежала глиняная необожженная "лепешка" серого цвета диаметром 8—9 см и толщиной до 2 см.

У коленного сустава на левой ноге покойного найдены два маленьких железных крючка, возможно, скреплявшие край берестяного футляра, находившегося рядом.

Ноги вокруг лодыжек в два ряда были опоясаны медными круглыми бляшками.

В Средней Азии к описываемому комплексу близки погребения в деревянных гробах из Кенкольского могильника.

Сопоставляя датировку отдельных предметов из погребения, Л.М.Левина датировала его концом IV - рубежом IV-V вв.н. э.

Еще одна находка связываемая с хунну – это погребение на поселении Кзыл-Кайнар - тобе в Таласской долине.

В Центральной части Кзыл-Кайнар-тобе в толще кладки сооружения имеется два параллельных помещения типа сводчатых коридоров.

В шурфе, заложенном в северной части западного помещения на глубине 3 м от поверхности обнаружено захоронение, условно названное «Захоронением воина».

Захоронение было, как бы подвинуто под свод, что придало могильной яме вид катакомбы. Скелет лежал по продольной оси камеры, вытянуто, на спине, головой на северо-восток, руки располагались вдоль туловища.

На уровне плеча обнаружена округлой формы костяная пластинка размером 4,6 x 3,5 см. Она, видимо, служила накладкой на рукоять меча или кинжала.

Шею украшала золотая цепочка, сплетенная из тонких золотых нитей; длина ее 35 см.

На талии покойника находился пояс. Он состоял из бронзовой пряжки с подвижным железным язычком и бронзовой фигурной пластинки-скобы.. Внешняя сторона кожаной части пояса украшена тонкими бронзовыми пластинками в виде бантиков.

Ниже пояса лежал железный однолезвийный кинжал. На обеих сторонах лезвия обнаружены отпечатки дерева от ножен.

С левой стороны, несколько ниже пояса, найдены 8 железных наконечников стрел, целые и части их. Все они трехперые, черешковые.

Ниже пояса параллельно правой ноге лежал железный меч. Длина его без рукояти 74 см. Рукоять сохранилась в длину всего на 2 см.

На уровне бедер находились костяные пластинки - обкладки деревянной части лука. Две из них концевые, а остатки от трех — центральные.

На этом же уровне с правой стороны скелета найден предмет из золотой фольги, похожий на переднюю часть фигурки лошади.

Около головы и шеи обнаружено золотое височное кольцо, украшенное зернью, и ставками стекла розовато-вишневого цвета.

Сарматские памятники

Прохоровская культура IV-II вв. до н.э. С IV века до н.э. в регионе Южного Приуралья и степях Прикаспия обитали племена сарматов, о которых писали античные авторы.

В археологии Южного Приуралья памятники второго этапа выделяются на основании специфических — погребальных сооружений, находок — сосудов, предметов вооружения и другим вещам. Обычно их датируют IV— II вв. до н. э., а называют раннесарматской культурой или (Н.С.Рыков, И.В.Синицын, К.Ф.Смирнов, М.Г.Мошкова) исследователи памятники этого периода называют Прохоровской культурой. Иногда этот хронологический период называют «переходным» от раннего железа к собственно сарматской культуре.

Памятники, относящиеся к IV-II вв. до н. э. были изучены М.Г.Мошковой, ею предложена и периодизация.

Для сарматских памятников Степного Приуралья, начиная с IV в. до н. э. и до II в. до н. э. южная ориентировка ямы и скелетов в ней является основным признаком.

В раннем Прохоровском этапе основным типом могильной ямы становится большая прямоугольная яма ориентированная с севера на юг. Погребенные ориентированы головой на юг. Встречаются и коллективные захоронения. Особенность их — мужской и женский скелеты лежат рядом, а в ногах — скелет ребенка.

Инвентарь Прохоровских памятников сравнительно однороден. Керамика ручной лепки. Сосуды круглодонные, иногда с едва уплощенным дном, размеры небольшие. Форма сосудов шаровидная, с низкой зауженной горловиной, орнамент — явление редкое, иногда это спускающееся по туловищу сверху вниз параллельные линии. Часто встречаются курительницы с круглым или уплощенным дном и широким устьем. Во II в. до н. э. появляются лощеные сосуды.

Наиболее типичными Прохоровскими являются курганы: Чалкар III, к. 6, к. 13; Барбастау V, к. 23; Факел, к. 1, погр. 2.

Чалкар III, курган 6 — диаметр насыпи — 23 м, высота — 1,1 м, на древнем горизонте обнаружены два могильных пятна прямоугольной и овальной формы. Первое (центральное) длиной 2 м, шириной — 1,4 м; второе (западное) длиной 1,8 м, шириной 1,5 м, ориентированное с севера на юг. При полной расчистке ям первая приобрела форму неправильного овала длиной 3,8 м. Вторая яма сохранила овальную форму, размеры изменились до 3,5 м, а ширина 3 м. Глубина первой ямы 2,3 м, а второй 2,1 м. В 1-й яме погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, кости рук вдоль туловища, головой на юг, скелет положен на камышовую подстилку. Погребальный инвентарь представлен лежащим у кисти правой руки железным кинжалом длиной 40 см. Рукоять имела серповидное навершие и бабочковидное перекрестие. Акинак находится в деревянных ножнах. У кисти правой руки три каменных бусины кубической формы с волнистым орнаментом, и бронзовое круглое штампованное украшение. У кисти левой руки лежал кожаный колчан с набором бронзовых втульчатых, 3-лопастных наконечников стрел и железный нож. На костях грудной клетки лежала железная пряжка, а в ногах кости овцы и два ножа с точильным камнем.

В яме № 2 обнаружено захоронение двух женщин, положенных на спине, вытянуто, головами на юг. Возле западного скелета на костях правой и левой руке обнаружены браслеты из каменных бус квадратной, круглой форм с волнистым орнаментом. Слева от скелета лежал кожаный колчан с бронзовыми 3-гранными и 3-лопастными с стрелами и с остатками древков. У стены ямы найдены бронзовые украшения в виде спирали с кусочками кожи внутри. На костях правого бедра лежало разбитое бронзовое зеркало, а на левом бедре глиняный туалетный сосуд. На шейных позвонках найдено ожерелье из лазуритовых, сердоликовых каменных и пастовых бусин, у места ушных раковин черепа — пара бронзовых, покрытых золотой фольгой сережек в виде двойной спирали. За черепом стоял керамический сосуд с высокой горловиной, с шарообразным туловом. У восточного скелета на левой руке был браслет из каменных бус и колчан с 3-лопастными и 3-гранными втульчатыми наконечниками стрел. На шейных позвонках

ожерелье из бус, у черепа пара золотых сережек с основой из бронзовой проволоки. Рядом с черепом стоял керамический сосуд.

У южной стены ямы найдены отпечатки плетеной сумочки, в ней лежали часть бронзового зеркала с ручкой, туалетная костяная палочка, кусочек мела, охра.

Суловская культура (I в. до н.э. – I в. н.э.) Погребения среднесарматского времени датируются: I в. до н. э. и I в. н. э. Он является самым слабо изученным. Материалы из курганов этого периода свидетельствуют о дальнейшем развитии культуры этих племен. Господствующим типом могильных ям являются прямоугольно-удлиненные формы. Сохраняется в это время ориентировка могильных ям и захоронений в них на юг, существуют могилы с отклонениями на юго-восток и юго-запад.

Основным типом погребальных сооружений являются узкие, прямоугольные, с овальными закругленными углами могильные ямы, иногда с подбоем в западной стене.

Ориентировка как узких, так и подбойных могил - южная, юго-западная и юго-восточная. На этом этапе истории железного века Степного Приуралья развитие древних племен, их контакты с другими племенами получают новый импульс, о чем свидетельствует появившийся в I в. до н.э. - I в. н. э. новый тип погребальных сооружений — диагональные захоронения, неизвестные в более ранний период. Квадратные могильные ямы небольших размеров 1,8—2 м длиной одной стороны; стороны ориентированы по сторонам света, а захоронение в них обязательно совершалось по диагонали квадрата. Труп клали на берестяную, камышовую подстилку. Иногда на дне могильной ямы сооружалось подобие гробовища путем обкладки нижней части их лубом или одним венцом дерева (Барбастау I, к. 2; Барбастау III к. 4, 5). Квадратная яма иногда имела перекрытие из дерева, или оно покоилось на какой-то деревянной конструкции. Могильная яма имела в большинстве случаев ориентировку по сторонам света, а покойник ориентирован головой на юго-запад или юго-восток. Встречаются ямы с диагональными захоронениями. Когда яма углами ориентировалась по сторонам света, тогда покойник лежал головой на юг, иногда с подогнутыми ногами. Инвентарь захоронения многочисленный, разнообразный: обязательно вооружение, сосуды шаровидных форм, орнаментированные зигзагами-линиями на плечиках, дно сосудов слегка уплощенное.

На данном этапе новый тип погребального сооружения - катакомба.

Обратимся к конкретным памятникам, датируемым I в. до н.э. - I в. н.э.

Барбастау I, курган 2. Насыпь диаметром 16 м; высотой 0,55 м. В насыпи, на глубине 0,3 м обнаружено впускное детское захоронение, ориентированное головой на юго-запад. В ногах скелета лежали кости овцы, а у черепа раздавленный сосуд сарматского типа, с грушевидным туловом невысокой горловиной и отогнутым венчиком. В центре располагалась могильная яма квадратной формы размерами 1,4x1,4 м, ориентированная сторонами по странам света. Яма была перекрыта деревянными досками.

Южная, западная и восточная стенки ямы по основанию обложены деревянными досками высотой 0,18 м, а северная стенка корой. На глубине 1,2 м на тростниковой подстилке лежал скелет женщины по диагонали, ямы головой на юго-запад, на спине, кости рук вытянуты вдоль туловища. В северо-восточном углу ямы стоял глиняный сосуд баночной формы. На костях запястья правой руки обнаружены бусины из стекловидной массы линзовидной формы. У фаланг кисти правой руки лежал раздавленный толстостенный сосуд с плоским дном. Рядом, лежали истлевшие обломки деревянного столика, длиной 18 см, с бортиком по краям. Столик имел невысокие ножки - 1,5 см, диаметром до 3 см. У фаланг кисти левой руки лежало алебастровое напрясло высотой 3,5 см. В северо-западном углу ямы - кости овцы и обломок железного ножа с деревянной рукоятью. Длина лезвия ножа 5,5 см. Рядом найдена костяная ложечка, длиной 14 см.

В северо-западном углу лежали части колесницы — деревянное колесо со ступицей, спицами и ободом.

Важнейшим отличием этого периода, является усиление связей племен Западного Казахстана с Северным Причерноморьем. Об этом свидетельствуют многочисленные находки бронзовых фибул и керамики, миниатюрных амфор, алебастровых сосудов, предметов туалета.

Шиловская культура (II-VI вв. н.э.). Период II-IV вв. — связан с Великим переселением народов». Казахстан и степное Приуралье оказались в сфере влияния культуры хунну (гуннов), которые при движении с востока на запад принесли в культуру и этническую историю много нового. Здесь под влиянием местных племен сарматов и аланов сформировались совершенно новые, как свидетельствуют археологические материалы, обряд, культура. С этим периодом связано распространение монголоидных черт в физическом типе древних племен.

Меняется обряд погребения. Если на протяжении столетий в обряде господствовала южная ориентировка с колебаниями на запад и восток, то в начале нашей эры во II—IV вв., она становится северной или северо-западной.

Господствующим типом ям становятся: узкие подбойные ямы; узкие грунтовые ямы; широкие ямы.

Очень частыми в этот период являются находки скелетов с деформированными черепами (Могильник Мамай, к. № 2, 4, 5, 7, 8; Барбастау III, к. III, 14 и др.). Инвентарь поздних сарматских погребений отличен от сарматских. Особенность проявляется в керамике, которая имеет черное лощение, а кувшиновидные сосуды — Г-образную вертикальную ручку, соединяющую венчик и верхнюю часть шаровидного тулова.

В погребениях поздних сармат встречаются импортные сосуды из северного Причерноморья — это красноглиняные кувшины со сливом и миниатюрные амфоры.

Встречаются сосуды восточного производства, характерные для джетысарской культур. Обычными в погребениях поздних сармат

становится находки фибул из северного Причерноморья с квадратной, ромбовидной и овальной формой щитка.

Характер указанного и другого инвентаря свидетельствует, что поздние сарматы были активными посредниками в торговле между западом и востоком. Обратимся к конкретным погребениям:

Мамай I, курган № 12 располагается в центре могильного поля, диаметр его 4 м, высота 0,2 м.

Могильная яма длиной 2,2 м, шириной до 1 м, глубиной 0,8 м. ориентирована с юго-запада на северо-восток. В яме, на глубине 0,7 м, под западной стеной подбойная ниша, длина ее 2,2 м, глубина в западной стене 0,8 м, высота 0,8 м. В нише обнаружен скелет мужчины, на спине, головой на северо-восток, кости рук вдоль туловища, кости ног вдоль ямы.

В северном конце ямы стоял глиняный сосуд в форме кувшина-крынки, со слегка вытянутым биконическим туловом, с высокой прямой горловиной. На верхней части тулова и средней части горловины петлевидная рука с зооморфным изображением-небольшие подтреугольные выступы на ручке имитируют уши волка или собаки. Справа от скелета лежал железный меч длиной 60 см, ширина клинка до 4 см. Лезвие обоюдоострое, в разрезе линзовидное, на верхнем конце его сохранилась ручка в виде утонченного черешка, длиной 7 см, перекрестия нет.

Хозяйство, быт и общественный строй ранних кочевников

Переход к кочевому и полукочевому скотоводству. С началом первого тысячелетия до н.э. связана эпоха освоения древним населением обширных степных, горно-степных и полупустынных пространств, сложения у племен европейских и азиатских степей новой формы хозяйственной деятельности - экстенсивного скотоводства в его различных формах.

Уже в начале I тыс. до н. э. в степях, полупустынях и горных районах Казахстана полукочевое и кочевое скотоводство становится основной, а затем и господствующей формой хозяйства. Такие изменения обуславливались рядом причин, главными среди них были естественно-географические и социально-экономические факторы, теснейшим образом связанные между собой.

В конце II-го и начале 1-го тыс. до н.э. в Казахстане, как и в других степных районах, менялся климат, он становился все более засушливым. Уменьшались площади естественных водоемов, что, в свою очередь, ограничивало, в некоторых районах и резко сократило распространение земледелия в поймах больших и малых рек.

Переход к кочевому скотоводству означал крупный экономический прогресс в жизни племен степей и пустынь. Хозяйственному освоению обширных пространств способствовал рост коневодства, получивший особенно широкий размах в начале первого тысячелетия до н.э. Использование степняками верховой лошади, появление конницы разрушало

культурно-хозяйственную замкнутость отдельных районов, обеспечивало широкие экономические и культурные связи с соседями и отдельными племенами, народами и государствами.

Данные археологии и этнографии позволяют говорить о существовании в то время трех основных видов скотоводства: кочевого, полукочевого и оседлого.

Первый вид хозяйства базировался на круглогодичном кочевании населения в сухих степях, пустынях и полупустынях Западного и Центрального Казахстана.

Второй, полукочевой вид хозяйства предполагал наличие постоянных зимних жилищ, куда скотоводы ежегодно возвращались на зимовку. Такой вид хозяйственной деятельности получил распространение в зонах чередования степной, лесной и лесостепной зоны, в горных районах Семиречья и Восточного Казахстана.

Третий вид скотоводства - оседлое скотоводство - более всего был распространен в районах Южного Казахстана и Жетысу по берегам рек Сыр-Дарьи, Чу, Или, Таласа, Арыси, на склонах хребта Каратау, в местах, богатых естественными водоемами и обширными сенокосными угодьями. Природные условия и близость земледельческих центров Согда и Ферганы обусловили преобладание в хозяйстве ирригационного и богарного земледелия, постоянную оседлость населения, ранее появление крупных земледельческих поселений, особенно в конце I тыс. до н.э.

Основным направлением скотоводства у кочевников было овцеводство и коневодство. Свидетельством этого являются находки в большинстве исследованных курганов костей овцы. Овцы разводились не только как мясные животные, от них также получали шерсть, необходимую для изготовления кошм, плетения веревок и для сучения ниток. Как свидетельствуют куски кошм и обрывки веревок, обнаруженные в курганах, кочевники умели изготавливать разные кошмы: грубую, толстую, черную и белую кошму, по-видимому, для покрытия жилищ и для подстилки на пол, и тонкий мягкий белый войлок, напоминающий низкосортный фетр для пошива одежды и головных уборов. Изучение костей животных из курганных захоронений показывает, что разводились овцы, близкие к современным казахской курдючной и адаевской породам. Преобладали в стаде грубошерстные овцы, но разводились и тонкорунные.

В жизни кочевника-скотовода и воина, большую роль играл конь. Лошади были двух типов. Основную массу составляли табунные малорослые лошади, обладавшие высокой способностью к тебеневке и зимней пастьбе. В погребениях воинов и знатных лиц встречается и верховой, высокорослый тип лошади. Лучшие строевые кони требовали особого ухода, ценились чрезвычайно высоко и были доступны, по-видимому, только знати. Они являлись личной собственностью воина и убивались на могиле своего владельца, куда клались также принадлежавшие ему личные вещи.

Разводили крупный рогатый скот. Транспортным животным стал двугорбый верблюд.

Помимо скотоводства и земледелия - ведущих форм хозяйства в качестве подсобного промысла продолжали существовать охота и рыболовство. Наскальные рисунки указывают на распространение у горно-степных племен верховой облавной охоты, применялась и загонная охота с помощью собак. Охотились на козлов, архаров, кабанов, оленей, лосей, дроф. В Прииртышье и дельте Сырдарьи, было распространено рыболовство. Найдено много рыболовных принадлежностей на поселениях Чирикратской, Джетыясарской культур.

Ремесла. Сырье, нужное для изготовления орудий труда, одежды, вооружения, жилища, разнообразной утвари, древние скотоводы, большей частью, добывали на месте. Мастера выполняли заказы членов своей общины и взамен получали сельскохозяйственные продукты. Кроме внутриобщинного обмена существовал и получил широкое распространение межродовой и межплеменной обмен. Международная торговля по Великому Шелковому пути перевозилось, нередко на большие расстояния, горнорудное сырье, драгоценности, украшения, шелк, кони.

Предполагалось, что древнее население территории Казахстана, Средней Азии и Сибири познакомилось с железом значительно позже, чем его западные соседи - скифо-сарматские племена. Геродот, например, описывая племена массагетов, прямо указывал, что «железа и серебра у них совсем нет в обиходе, так как этих металлов вовсе не встретишь в этой стране. Зато золота и меди там в изобилии». Однако, как показали исследования уже в начале I тыс. до н.э. древние племена Казахстана были знакомы с такими легкоплавкими рудами, как красный и бурый железняк. О том же говорит и, теперь уже ставшая значительной, коллекция железных изделий VII - VI вв. до н.э. из курганов Центрального Казахстана и Семиречья (железные кинжалы, ножи, уздечные украшения), находки крицы и шлаков на раннесакских стоянках Восточного Приаралья

Значительными были горные выработки на медь и олово. Высококачественная продукция мышьяковистых и оловянистых бронз из мощных центров цветной металлургии Саяка и Жезказгана, Калбы и Нарыма обусловлена тем, что бронзовые изделия долгое время с успехом конкурировали с железными.

Техника горного дела и первичной обработки рудного сырья практически ничем не отличалась от таковой андроновской эпохи. Значительных успехов достигли племена саков, усуней, кангюев, сарматов в бронзолитейном деле и технике обработки других материалов.

Изготавливались самые разнообразные изделия производственного и хозяйственно-бытового назначения. В качестве литейных форм использовались глина, металл, реже камень. Наряду с простейшими литейными формами, состоявшими из двух или трех разъемных створок для выделки наконечников стрел, кинжалов, сакским металлургам были известны и такие способы отливки металлических изделий, как отливка так называемым методом «утраченной модели». Сущность метода заключалась в том, что изготавливалась восковая или

сальная модель, которую затем обмазывали глиной. После подсыхания глины вся форма нагревалась, и место растопившегося оригинала занимал вливаемый металл. Таким способом отливались крупные изделия: массивные медные котлы, большие столики-жертвенники, крупные колокольчики. В литейных формах в качестве упоров, разделяющих их на массивные створки, применялись специально сделанные цилиндрики, так называемые жеребейки. Для отливки пустотелых скульптур животных применялись фигурные сердечники и литейные приставки. По выходе из формы большинство предметов подвергалось дополнительной обработке: заточке, шлифовке, сверлению. Существенным достижением древних литейщиков было освоение техники полуды, луженые изделия меньше подвергались окислению.

Новые формы хозяйства, сравнительно более высокий уровень развития культуры, усложнение быта требовали все большего разнообразия орудий, оружия и предметов быта и культа. Однако, сохранялись и наиболее совершенные формы бронзовых изделий эпохи бронзы, такие, как вислообушные топоры, желобчатые и копьевидные долота, серпы.

Особое внимание древние литейщики обращали на производство предметов конского снаряжения, вооружения и бытовой утвари. В раннесакское время конская узда отличалась громоздкостью и сложностью конструкции. Она состояла из бронзовых удилов, концы которых оформлялись в виде миниатюрного стремени. Стремечковидные удила соединялись с ремнями оголовья при помощи так называемых псалий - стержневидных костыльков из бронзы, рога, кости с тремя отверстиями или петлями. Начиная с V в. до н.э. конская узда стала отличаться большей практичностью: концы удилов делались кольчатыми, псалий двудырчатыми и в целом конструкция узды заметно упрощена. Известно также много других принадлежностей конского убора: литые подпружные пряжки, бляхи, всевозможные пронизки для перекрестья ремней.

У саков вооружение состояло из луков со стрелами, кинжала колюще-рубящего действия, названного персами акинаком, длинных мечей, дротиков, копий и боевых топоров разной конструкции (клевцы, чеканы). Доспех воина состоял из бронзового шлема, небольшого щита и боевого пояса с прикрепленным к нему колчаном со стрелами.

Наконечники стрел были разными: более древние - бронзовые наконечники со втулкой и черешком. Первые - лавролиственной формы, ромбической или в виде неправильного ромба. Черешковые наконечники стрел имели боевую головку в виде трех радиально расходящихся лопастей. С V в. до н.э. на территорию Казахстана проникла, по-видимому, от скифов, форма втульчатых стрел с трехгранным сечением ударной головки. Наконечники становятся стандартными, более удобными для массового изготовления и постепенно вытесняют ранние типы. Появляются наконечники стрел, сделанные из железа, они повторяют формы бронзовых трехлопастных черешковых наконечников. В III - II вв. до н.э. наконечники из железа распространяются повсеместно.

Боевые кинжалы VII - VI вв. до н.э. отливались из бронзы. Отличительной чертой первых акинаков были навершия в форме грибовидной шляпки или массивного бруска и эфесы, отлитые в виде опущенных вниз шипов либо массивных овальных планок различной конфигурации. Навершия более поздних кинжалов, начиная с конца VI в. до н.э., имеют формы ломаных брусков концами вниз или вверх. Нередко навершия оформляются изображениями головок грифонов -фантастических хищных птиц или имеют форму кольца. Эфесы таких кинжалов по форме напоминают крылья бабочки или сделаны в виде простой планки. В царских захоронениях (Иссык) мечи и кинжалы инкрустированы золотом. Уже с конца VI в. встречаются кинжалы, сделанные из железа, либо из железа и бронзы. Примером таких биметаллических кинжалов может служить акинак из могильника Айдабуль в Северном Казахстане. С VI - III вв. до н.э. железо становится единственным металлом при изготовлении боевых кинжалов.

Обычно колчаны и акинаки часто находятся вместе с боевыми поясами, Сакские пояса отличались массивностью, обычно были наборными и украшались крупными золотыми или бронзовыми бляхами.

Самые частые находки бытовой утвари - ножи. Все они имеют прямой клинок небольших размеров и ручку, конец которой завершается кольцевым навершием или отверстием, пробитым в теле самой ручки. В производстве ножей уже в конце VI в. до н.э. железо почти полностью вытесняет бронзу. Изготавливались железные ножи простейшим способом: холодной ковкой, доступной и распространенной уже VII - VI вв. до н.э. Железные ножи с спинкой наиболее частая находка в погребениях усуней и кангюев.

С VII - VI вв. до н.э. широко распространены бронзовые зеркала с массивным круглым диском и высокими бортиками по краям. Они прикреплялись к женским поясам при помощи петли, расположенной с тыльной стороны зеркала. В V - IV вв. на смену им пришел тип зеркал с плоским диском меньших размеров и простой ручкой по краю диска. Существенно, что сакские зеркала отличны от андроновских прототипов тем, что их поверхность покрывалась полудой, расплавленным оловом, что придавало им блеск.

Наряду с обработкой металлов в сакское время существовали и другие виды ремесла: изготовление бытовой посуды, камнерезное и косторезное дело, выделка кож, прядение и ткачество.

Подвижный быт племен вызвал к жизни новые формы посуды, потребовал новых материалов -металла, кожи и дерева. В Центральном Казахстане, где кочевой быт был преобладающим, производство керамической посуды сводилось к минимуму, употреблялась кожаная, деревянная и металлическая посуда. В других районах, таких, как Семиречье, Прииртышье и лесостепные районы Западного Казахстана, керамическая посуда изготавливалась в значительном количестве. В Семиречье более всего были распространены сосуды приземистые, шаровидной формы, удобные при перевозках. Среди них наиболее часто встречаются низкие округлые чаши, массивные кружки с ручкой, кубковидные сосуды.

Круглодонная посуда использовалась и у скотоводов Западного и Северного Казахстана, была сделана от руки из отдельных наращиваемых друг на друга глиняных полосок. В курганных захоронениях усуней Семиречья посуда более разнообразна по формам и типам. В поселениях при раскопках найдены большие сосуды для зерна и котлы.

Население горных районов Восточного Казахстана предпочитало глиняную посуду иных форм. Здесь часты кувшины с воронкообразной и прямой горловиной и приземистые горшки. В VI - IV вв. до н.э. поверхность таких кувшинов нередко покрывалась росписью минеральных красок темных тонов. В поселениях и погребениях саков Приаралья и кангюев встречена самая разнообразная керамика: это хумы – большие сосуды для хранения зерна, кухонные горшки, водоносные и столовые кувшины, кружки, миски. Обнаружены печи для обжига керамики

Высокого совершенства достигла резьба по камню, техника одно- и двустороннего сверления и шлифовки абразивных материалов. Своего рода атрибутом скотовода и воина был точильный камень, подвешенный к поясу рядом с кинжалом и ножом. Для удобства ношения на поясе в верхней его части высверливалось специальное отверстие. Основным материалом для точильных камней служил песчаник. Этот камень применялся при изготовлении каменных блюд-жертвенников. Для этой цели мастер с большим знанием дела выбирал наиболее красивые сорта песчаника с различными прожилками и разводами, ножки жаровенников часто украшались головами волков, хищников.

Древние косторезы использовали в качестве материала сырье, которое давали сам тип хозяйства и охота. В обработку шли прежде всего трубчатые кости лошадей, баранов, маралов, грифельные косточки лошадей и рога маралов и диких козлов. Из кости и рога готовили наконечники стрел, псалии, наременные накладки, пронизи, проколки, пряжки и застежки, головные шпильки.

Прекрасно сохранившиеся гробницы из тянынанской ели могильника Бесшатыр на р. Или деревянные конструкции в кургане Береля и Чиликтинских курганах позволяют судить о некоторых деталях обработки и изготовления деревянных сооружений. Строительный лес для возведения бесшатырских гробниц заготавливался в 200 - 250 км на противоположном берегу р. Или в отрогах Заилийского Алатау. На месте вырубki снимали сучья и ветви и делали проушины на бревнах. Заготовленные бревна на специальных деревянных волокушах тащили до берега реки, связывали плоты, переплавляли на другой берег и доставляли к месту застройки. При подъеме массивных бревен на высоту 3 с лишним метра использовалась система рычагов и блоков, сохранившиеся на бревнах следы обработки указывают на то, что в составе плотничьих инструментов были тяжелые бронзовые топоры-кельты, разнообразные тесла, долота, тесаки, ножи. Развито было и столярное дело. Из дерева изготавливались сосуды для молока, деревянные чашки, блюда, ступки и другие виды домашней утвари, из бересты вырезались сложные зооморфные и растительные узоры,

украшавшие седла, деревянные колоды-саркофаги, колчаны со стрелами, всевозможные футляры.

Высокого развития искусство художественной резьбы по дереву достигло племен Алтая. Основа многих украшений выполненных в зверином стиле изготавливалась из дерева, а затем обтягивалась золотой фольгой.

В Береле найден гроб-колода из цельного бревна лиственницы и прослежена техника обработки дерева при изготовлении сруба.

Строительство жилых сооружений из сырцового кирпича, возведение стен, купольных и Коробовых перекрытий, перекрытий с использованием дерева получило развитие в южных регионах у саков Приаралья населения Кангюя. Из сырцового кирпича сооружались полуподземные и подземные склепы у представителей отарско-каратауской и джетыасарской культур. Кирпич использовался в качестве возведения стен, башен и других фортификационных сооружений городищ.

Общественный строй. Начало I тыс. до н.э. характеризуется интенсивным процессом разложения родоплеменных отношений и складыванием новых социальных форм.

В схематическом плане структуру общественного устройства можно представить следующим образом: группа малых родственных семей (патронимия) - кочевая община - племя - союз племен.

Так Бесшатырский могильник представляет научный интерес не только как памятник культуры и древней архитектуры, но и как показатель имущественного неравенства. Большое число так называемых «царских» курганов в Жетысу, свидетельствует о том, что здесь в среде саков в VII - IV вв. до н.э. четко определилось имущественное неравенство.

Огромные «царские» курганы не могли возводиться над могилами каждого члена общества, они были прерогативой элиты. Небольшое количество больших курганов в соотношении с тысячами средних и малых насыпей бесспорно свидетельствует о разделении общества на слои.

Семиреченские саки уже в V - III вв. до н.э. стояли на высокой ступени общественного развития. У них уже было государство.

Неслучайно в VII - V вв. до н.э. в Казахстане появляются огромные каменные и земляные насыпи курганов типа Бесшатыра, Исыка, Джетытобе, Чиликты и Уйгурак, а в ареале земледельческо-скотоводческих саков - сложные по архитектурному решению сырцовые мавзолеи Тагискена, некрополь и город Чирик-рабат в Приаралье. Их раскопки доказали, что они являются усыпальницами лиц, относящихся к высшему рангу общества. Размеры курганных насыпей устанавливались в соответствии с принадлежностью к тому или иному социальному рангу. Правомерность аналогичной интерпретационной оценки сакских курганов подтверждается находками при раскопке в одних из них (царских) больших материальных ценностей в погребальных камерах, богатством одеяния и оружия, как это имело место в Исыкском кургане.

Исыкский погребальный инвентарь - показатель богатства и власти лица, принадлежащего к высшему рангу общества. Неизвестно сакское

самоназвание титулатуры должностных лиц, но захороненных в Бесшатырских и Иссыкских курганах можно называть царями.

В сакском обществе на одном полюсе находились царь и царица, «первые» и «знатные» люди, всадники - конные воины, на противоположном – простой народ-пастух и земледельцы.

Стратификация – расслоение на группы по имущественной значимости у саков было аналогичным тому, что именно место у скифов европейских. У последних согласно античным письменным источникам имелись огромные курганы на специальных некрополях-кладбищах. Такая же ситуация была характерна и для савроматских и сарматских обществ в Западном Казахстане, где находились такие курганы как Кырк-оба, Тунгуш.

Умерших царей облачали в золотое одеяние, помещали в просторные погребальные камеры, а над ними сооружали архитектурный памятник - огромный курган. Обряд погребения других членов общества упрощался по мере понижения на ступенях иерархической лестницы.

В ритуалах возвеличивания личности царя имелаась и политическая подоплека - ритуалы погребального обряда использовались как религиозное воздействие на массы с целью идеологически обосновать незыблемость династии царей. Сверкающая одежда возвеличивала личность царя, возводила его в ранг солнцеподобного бога. Религиозно-идеологическое содержание зооморфных образов на украшениях головного убора подтверждает этот вывод. В образе крылатых и рогатых коней на налобной части головного убора иссыкского воина заложена сложная символика, воплощены каноны религиозного мировоззрения саков.

Значение иссыкских находок для рассматриваемой проблемы возрастает в связи с находкой памятника письменности - серебряной чаши с надписью. Факт существования письменности в обществе свидетельствует о высоком уровне развития социально-экономической организации. Таким органом могла быть форма общественного устройства типа государственного образования. Процессы возникновения государства и письма были взаимосвязаны. Усуни, кангюи, хунну имели уже достаточно развитую государственность с характерными признаками социальной дифференции, властью царей, с бюрократическим аппаратом с дипломатической практикой.

Культура и искусство.

Культура и искусство племен Казахстана в период ранних кочевников достигли высокой степени развития. Металлургия железа, кочевое и полукочевое скотоводство привели к коренным изменениям форм материальной и духовной культуры. Единый в своей основе экономический базис евразийских племен, экономические и культурные связи вызвали к жизни во многом сходный облик культуры племен и народов, населявших территорию Южной Сибири, Алтая, Казахстана, Поволжья, Северного Причерноморья - саков, сарматов, скифов, усуней, кангюев, хунну.

Наука располагает немногими данными о бытовом укладе и жилище кочевников. У в эпоху поздней бронзы была создана юрта - тип сборно-разборного жилища, отвечающего подвижному образу жизни. Характеризуя легендарных агриппеев, Геродот пишет: «Каждый живет под деревом. На зиму дерево всякий раз покрывают плотным белым войлоком, а летом оставляют без крыши». Последующая эволюция кочевого жилища привела к конструктивным усовершенствованиям юрты, но принцип ее постройки уже был известен в эпоху бронзы.

Наряду с переносными жилищами скотоводческих племен, как сообщают Геродот и Гиппократ, существовали войлочные жилища на четырех- и шестиколесных телегах, получившие наибольшее распространение у кочевников и полукочевников. В южных, восточных и северных районах территории Казахстана известны стационарные жилища на юге из саманного кирпича, на севере и востоке - из бревен. Появляются поселения и города у саков Сырдарьи и Приаралья, саков Семиречья с развитой фортификацией, домостроением. В эпоху усуней и кангюев формируется городская культура.

Есть данные об одежде, головном уборе и обуви саков. Так, Геродот об одной из групп саков сообщает: саки носили остроконечные шапки из плотного войлока, кафтаны, имели туземные луки, короткие мечи и секиры-сагари. Наглядное представление об одежде саков дают изображения на рельефах ападаны Ксеркса в Персеполе и на гробнице Дария в Пасаргадах. На них саки изображены в высоких остроконечных шапках; в облегающих кафтанах до колен, опоясанные ремнем; в узких штанах и бескаблучной обуви; к ремню справа подвешен кинжал, слева лук.

Археологические находки подтверждают и дополняют эти представления. На изображениях на золотых и платиновых пластинах из Амударьинского клада жителей Средней Азии VI V вв. до н.э. одежда и обувь близки к иранским рельефам, но у головного убора заостренный верх опущен вниз. На бронзовой статуэтке сака из Тараза изображен короткий кафтан со стоячим воротом, на голове боевой шлем с гребнем; на золотых бляшках из Семиречья всадник изображен в плаще-накидке.

Находка в кургане Иссык представляет редкую возможность реконструировать погребальную одежду, головной убор, обувь и расположение предметов украшения у сака царского рода.

В сакских курганах Горного Алтая благодаря мерзлоте сохранился набор одежды: белые полотняные рубахи, украшенные по основным швам шерстяной красной тесьмой, кафтаны из белого фетра и собольего меха, войлочные капюшоны, мужские и женские войлочные чулки, женские кафтаны с узкими декоративными рукавами и мягкие полусапожки с короткими раструбом сшитыми голенищами, детские и женские нагрудники, шитые из собольего меха.

Раскопки в урочище Джеты-асар, дали возможность на основе остатков тканей, поясам, украшениям и нашивкам восстановить костюм кангюйских мужчин и женщин.

Верования и культы.

Судя по материалам погребений бытовали культы мертвых и предков. Истоки этих культов основывались на вере в бессмертие умерших родичей, вере в существование потустороннего мира, где мертвые продолжают жить по обычаям, привычкам и правилам своей общины. Отсюда захоронение вместе с покойником имущества, соразмерного с его авторитетом и местом в обществе, сложный ритуал захоронения, характерный для каждого племени или группы племен, совершаемый на родовом или племенном кладбище. У скотоводов это, главным образом, районы зимовок. Сюда, как правило, доставлялись все умершие, независимо от времени года и территориальной отдаленности места смерти.

Погребальный обряд сакских и усуньских племен значительно отличается от обрядов предшествующего времени. Если для эпохи бронзы типичны каменные ограды и захоронения в каменных ящиках, то у саков всех районов обитания господствующей формой становятся курганные могильники и захоронения в грунтовых могилах, имеющих в большинстве овальную конфигурацию. Появляются и новые конструкции погребальных камер в виде подбоев и катакомб.

Существовали и некоторые различия в деталях погребальных обрядов, имевшие локальный или временный характер. Например, савроматы Южного Зауралья и Западного Казахстана хоронили своих соплеменников в узких или широких прямоугольных грунтовых ямах, покрытых сверху деревянным настилом. У некоторых племен той же территории были распространены погребальные камеры квадратной и круглой формы, встречались ямы с уступами или заплечиками вдоль длинных стенок.

У саков Приаралья своеобразны могилы с канавкой по периметру дна, погребения на земляной лежанке и могилы с канавкой по периметру дна, могилы со столбовыми ямами по углам дна или расположенными по кругу. В Семиречье и на Алтае богатые погребения совершались в больших деревянных срубах, построенных либо на древней поверхности, либо опущенных в грунтовые ямы. Для рядовых погребений этих районов характерен обычай коллективных захоронений или последовательных подхоронений в неглубоких грунтовых ямах. В Центральном Казахстане устойчивым типом погребальных сооружений были грунтовые ямы овальной формы с покрытием из каменных плит, здесь же бытовал особый тип надмогильных сооружений в виде курганов с каменными грядами. Различия в обряде погребения племен говорят о том, что у них не существовало строго единой системы религиозных представлений. У кангюев были распространены подкурганное захоронение в катакомбах, в могилах с подбоями, в наземных и полуподземных склепах, в могилах выдолбленные в искусственных глинобитных платформах.

У племен Казахстана был распространен культ, связанный с почитанием огня, коня, солнца и других светил. Античные и древнеиранские источники прямо указывают на то, что главным почитаемым божеством у

некоторых сакских племен было солнце, с которым тесно был связан образ небесного огня. В сакских погребениях Центрального Казахстана и других районов многократно установлен обычай жертвоприношения коней солнечному божеству, известны и разные варианты: захоронения трупа коня и его чучел, захоронение конских шкур с головой и конечностями, погребение конской узды или отдельных ее деталей. Культ огня и солнца был распространен у усуней. У саков и усуней имелись своеобразные храмы под открытым небом в виде площадок, где горел огонь, где совершались жертвоприношения в честь праздников связанных с цикличностью времени – наступлением Нового года, с началом пахоты и окотом скота, с наступлением сбора урожая и забоя скота.

Устраивались в храмах религиозные церемонии с коллективными трапезами. В церемониях использовались бронзовые и железные котлы, столы для подачи мяса, жидкостей. Здесь же возжигались, в специальных светильниках священные огни. С помощью бронзовых сосудов с длинными ручками, производился обряд очищения дымом сосны, арчи, травы адраспан.

Культ огня, как священной всеочищающей стихии, ведет свое происхождение от культа солнца. Он был распространен у большинства скотоводческих племен Евразии. С верой в очистительную силу огня, отгоняющего злых духов, связаны обряды сожжения деревянных надмогильных сооружений в Западном Казахстане. У савроматов и сарматов Илека и Урала, как и саков Приаралья, в погребениях часто находят красную краску - символ огня и солнца. С культами солнца, огня и домашнего очага связаны многочисленные находки бронзовых (Семиречье) и каменных (Приаралье, Центральный Казахстан. Южное Зауралье) алтарей-жертвенников.

В верованиях отчетливо прослеживается двойственное отношение к покойнику: с одной стороны почитание его и поклонение, с другой - боязнь возвращения души умершего к живым соплеменникам. Культ огня в последнем случае, вероятно, нес своего рода оградительные функции. Именно с этой целью вокруг курганов при совершении обряда погребения разжигались десятки костров, как это было, например, в могильниках Караоба в Центральном Казахстане и Бесшатыр в Семиречье.

Продолжали существовать такие древнейшие религиозные представления, как анимизм, тотемизм и магия. Анимизмом, верой в существование души у вещей, ученые объясняют часто встречаемые в погребениях савроматов факты умышленной порчи некоторых изделий. Поломкой оружия, зеркал и других личных предметов покойника, их современники способствовали освобождению души вещей, шедших вслед за душой умершего в страну мертвых.

Пережитки тотемизма и магии сохранились во всевозможных амулетах, талисманах и оберегах. Представления о происхождении рода или племени от какого-либо мифического животного-предка нашли отражение в металлических фигурах животных, как реальных так и фантастических грифонах. Ими украшали оружие, чтобы оно помогало в битва, конскую

узду, которая делала неуязвимым боевое животное. О тотемах-животных, выступающих в образах хорошо знаковых сакам диких зверей, слагались мифы, прославляющие их быстроту, ловкость и, нередко, сверхъестественную силу.

Изобразительное искусство.

Среди наиболее ярких проявлений культурного творчества племен сакского времени особое место занимает прикладное искусство. Главным его компонентом было искусство так называемого звериного стиля, оформившееся в VII - VI вв. до н.э. и распространенное среди племен Сибири, Казахстана. Средней Азии и юга Европы.

По месту первых находок, сначала в Скифии, а затем и в Сибири, это изобразительное творчество получило условное название скифо-сибирского стиля. Определяющей его темой стали изображения зверей, животных и мифических зооморфных чудовищ. Искусство звериного стиля, мифологическое по форме, носило декоративный характер. Большинство изобразительных приемов использовалось для украшения котлов и жертвенников, мечей и кинжалов, колчанов и боевых топоров, конской узды и зеркал, наверший знамен и одежды.

Творчество древних художников находилось в тесном взаимодействии с реальными образами окружающего их животного мира. Оттуда сакские мастера заимствовали хорошо знакомые образы архара и тау-теке, тигра и кабана, марала и верблюда, степного орла и сайги, волка и зайца, лошади и лося. В наибольшем количестве сохранились изделия из бронзы и золота, в меньшем - изделия из дерева, войлока, ковры известные по раскопкам курганов с мерзлотой на Алтае, кости, рога. Известны также изображения зверей, вырезанные из дерева, кожи, войлока.

Искусство звериного стиля условно можно разбить на три этапа: архаический, периоды расцвета и упадка. Для периода VIII -VII вв. до н.э. типичны одиночные или частичные изображения зверей, переданные в статичных позах. Более всего распространены скульптурные фигуры горного козла, архара, рельефные изображения кабанов, лежащего с поднятой головой или стоящего хищника, олени с подогнутыми ногами или стоящими на кончиках копыт. Интересны две литые бронзовые фигуры козлов на двухкольчатых подставках: козлы изображены несколько схематично, в позах как бы изготовившихся к прыжку, головы опущены, а большие рельефные рога касаются спины.

На двух бронзовых скульптурах из Семиречья реалистически показаны головы козлов с детальной проработкой рогов; скульптуры помещены на длинных конусовидных втулках. Еще одним образцом раннего бронзолитейного искусства является пустотелая фигурка архара из Северного Казахстана с поднятой головой и круто закрученными в спираль рогами, венчающая боевое оружие-чекан (Боровое), среди находок из Чиликтинского кургана (Восточный Казахстан) выделяются искусно выполненные золотые изделия в виде лежащего оленя с закинутыми на спину массивными рогами, спаренных фигурок оленей в геральдической позе

разные фигурки кабанов. Излюбленным приемом того времени было украшение бронзовых ножей головками или целыми фигурками хищников, а уздечных блях - конскими головами.

Искусство раннего этапа характерно отсутствием действия, в лучшем случае оно ограничено поворотом головы, как, например, на золотых фигурках орлов из Чиликты. Распространенным сюжетом является свернувшееся в кольцо животное, переданное как бы в утробной позе. Наиболее ранние образцы этого мотива известны из восточных районов евразийских степей.

В VI - IV вв. н.э. в степях Евразии происходило стилистическое переоформление искусства звериного стиля. На смену статичным образам одиночных животных приходили сюжеты, полные динамизма. Скульптурных изображений стало меньше, предпочтение отдавалось рельефным изображениям зверей в движении, композициям со сценами борьбы зверей, нападения хищников. Стремительность движения передается приемом «перекручивания» фигур, когда части туловища зверя оказываются развернутыми в противоположные стороны. Тот же эффект экспрессии образа выражается и другими техническими приемами: системой кривых линий, подчеркиванием частей тела животных специальными значками в виде спиралей, завитков, кружков, треугольников, скобок.

Уникальна по мастерству исполнения вереница зверей в лежащем положении на тонких золотых пластинках сакского кинжала из кургана Иссык. Золотые пластинки украшают в виде прожилков обе стороны клинка акинака, на одной пластинке тонким рельефом оттиснуты двенадцать, на второй девять изображений. Среди них фигурки змей, лисицы, волка, архара, сайгака, тау-теке, зайца; все они переданы в лежачих, с подогнутыми ногами, позах, характерных для искусства раннего периода.

В III - II вв. до н.э. искусство звериного стиля постепенно приходит в упадок. Звериный стиль все больше превращается в орнамент. На смену ему приходит искусство так называемого полихромного стиля с техникой инкрустации цветным камнем, зернью. Образы животного мира превращаются в схему, растворяясь в пышном полихромном орнаменте. Это искусство не появилось откуда-то извне в готовом виде, оно родилось в недрах сакского искусства. Отдельные приемы орнаментальной полихромии вызревали уже в VII - VI вв. до н.э. Например, техника вставки цветных камней, зерни (напаивание золотых шариков на основу), перегородчатой эмали (заливка отдельных ячеек специальным составом) известна по изделиям из Чиликты, Жаяулы и другим памятникам. В V - IV столетиях до н.э. известны десятки находок полихромного стиля на всей территории Казахстана, Средней Азии и Сибири. Возможно, именно в этих трех регионах формировались истоки мощного очага полихромного искусства, вытеснившего к концу 1-го тысячелетия до н.э. сакское искусство звериного стиля.

В исторической литературе существуют две основные точки зрения на происхождение звериного стиля. Сторонники первой гипотезы считают, что

это искусство звериного стиля было воспринято из Передней Азии, время его возникновения в Евразии связывают с вторжением скифских племен в 70-х годах VII в. до н.э. в область, в Малую Азию. Этническое родство и культурная близость с мидянами способствовали быстрому распространению в скифосакской среде некоторых образцов древне-восточного искусства, переработанных в дальнейшем скифами и саками соответственно своим вкусам и потребностям, в дальнейшем, примерно с V века до н.э., пути развития европейского и азиатского искусства существенно расходятся, что по мнению ученых, было вызвано усилившимся влиянием на причерноморских скифов античной Греции, в то время как сакская культура и искусство продолжали испытывать прямое воздействие ахеменидского искусства Передней Азии.

Сторонники второй точки зрения не отрицают влияния переднеазиатской культуры на формирование искусства звериного стиля. Особенно сильным признается это воздействие в ахеменидское время, начиная с конца VI века до н.э., - именно в этот период появляются в сакском искусстве нехарактерные для саков образы льва, фантастического львиного грифона, геральдические композиции, в которых центральной фигурой является священное дерево либо фигура божества, растительные орнаменты в виде цветков или бутонов лотоса в целом. Однако происхождение искусства звериного стиля эти исследователи связывают с местной средой, относя его зарождение к эпохе поздней бронзы.

Не все еще ясно и в вопросах, связанных с определением содержания искусства звериного стиля. Вероятно, это искусство имело культовый характер. Образы животных, отображали тотемных предков. В то же время искусство звериного стиля было по содержанию мифологическим. В многочисленных сюжетах борьбы зверей оно отражало напряженную родовую и межплеменную борьбу, доблесть подвига и жестокость завоевания.

Важным видом прикладного искусства саков был орнамент, развивавшийся параллельно с искусством звериного стиля, во взаимосвязи с ним.

Можно выделить несколько мотивов орнамента: геометрический, растительный, зооморфный, символический. Геометрический орнамент, сохранившийся на некоторых сакских изделиях из металла, войлока и в керамике, известен еще в искусстве андроновских племен. На сакских же изделиях он представлен фигурами в виде треугольников, круга, ромба, квадрата, елочным, меандровым и циркульным орнаментом.

Ювелирное искусство древних усуней наиболее ярко характеризуют золотые изделия, обнаруженные в Каргалинском ущелье неподалеку от Алматы. Среди находок два перстня со скульптурками двугорбых верблюдов, десять фигурок горных козлов, серьга с изображением мыши, грызущей человека, многочисленные бляшки. Все изделия выполнены из золота и инкрустированы бирюзой.

Особый интерес представляет каргалинская диадема.

Для искусства кочевников Арало-Каспия характерна монументальная каменная скульптура. Подавляющее большинство из более чем ста изваяний, обнаруженных на святилищах Устюрта и Мангыстау, высечено из известняка и воспроизводит фигуру мужчины-воина: правая рука опущена, левая согнута в локте и прижата к животу. При этом размеры фигур варьируют от 0,9 м до 3,8 м.

Особая ценность указанных памятников заключается в точном воспроизведении антропологического типа (европеоидный с чертами монголоидности) и одеяния. Костюм знатного воина состоял из верхней одежды типа кафтана, широкого, часто орнаментированного, пояса, штанов и мягких кожаных сапог. Голову воина защищала шапка или шлем из плотной кожи либо войлока. Набор оружия включал железный меч с прямым перекрестием и прямым либо антенновидным навершием, кинжал того же типа и лук в футляре-горите; там же находился запас стрел. Горит всегда подвешивался к поясу слева, меч в ножнах спереди, а кинжал (в ножнах) прикреплялся ремешками к правому бедру воина. Почти на всех изваяниях изображена одно- либо многовитковая спиральная гривна - шейный обруч, у скифов, саков, сарматов и других народов, служивших знаком высокого социального ранга и власти. Подобные гривны, изготовленные из драгоценных металлов - неперемнная принадлежность инвентаря богатых кочевнических захоронений эпохи раннего железа. Помимо гривны знатные воины, судя по изображениям, носили спиральные браслеты (на правом запястье), а в ухе кольцевидную серьгу. Подобные предметы из золота также встречаются в погребениях сарматов и саков более северных районов.

Искусство кангюйских племен известно благодаря находкам изделий из керамики – это сосуды с ручками в виде фигурок барана, сайги, хищников; подставки для ритуальных очагов в виде фигур барана, рогов быка. Известны фигурки мужчин из серебра, идольчики из домашних святилищ. Следует отметить, что древнее искусство тесно связано с религиозными представлениями племен и расшифровывать его, можно лишь опираясь на религиозные представления древних.